

80-летию образования
Еврейской автономной области посвящается
Книга издана при поддержке губернатора
и правительства ЕАО

Иосиф Бренер

СТРАНА БИРОБИДЖАН

Книга рекомендована Комитетом образования
Еврейской автономной области совместно
с ОГАОУ ДПО «Институт повышения
квалификации педагогических работников»
для использования в качестве дополнительного
пособия по изучению истории и краеведения.

Биробиджан
ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема»
2013 г.

Бренер Иосиф Семенович

СТРАНА БИРОБИДЖАН

Редактор Л.Н. Капуцина

Подписано в печать _____.2013

Формат издания 60х90 1/16.

Усл. печ. л. _____. Уч.-изд. л. _____

Тираж 1000 экз. Заказ № _____.2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Школьник Л. Предисловие	5
Память воскреснет из пепла. Предисловие автора	6
Семья Либерберг	21
Ханнес Майер и проект «еврейского соцгорода»	62
Архитектор Биробиджана: Леонид Путерман. Четыре градостроительных плана Биробиджана	87
Александр Бахмутский. «Кардинальные вопросы дня». Вторая попытка возрождения ЕАО	95
История откровения или откровение истории. Воспоминания Шифры, дочери Нохема Борека, одного из первых переселенцев Биробиджана, записанные в октябре 2007 года. Ришон-Лецион, Израиль	130
Двадцать третий километр	138
Шолом-Алейхем и Биробиджан	149
Подарки американских художников	171
Старое кладбище	186
Марвин Токайер и план «Фугу»	196
Биробиджанская синагога	207
Творческое наследие профессора Б.Л. Брука	227
Северные ворота из Китая на юге Еврейской автономной области	240

О ПРОШЛОМ — РАДИ БУДУЩЕГО

Когда-то, на заре создания Еврейской автономии на советском Дальнем Востоке, профессор Борис Брук в ходе своей экспедиции открывал всей стране и еврейскому миру этот далёкий от Москвы край с его лесными просторами, богатствами рек и недр, с его землёй, ждущей умелых рук переселенцев.

Книга Иосифа Бренера, которая перед вами, — такая же экспедиция профессионала. Экспедиция в прошлое автономии — ради её будущего. Автор не просто исследует интереснейшие архивные материалы. Страница за страницей — и в его книге оживают герои становления национальной области, они разговаривают с нами из того далёкого времени, о котором, к сожалению, сегодня знают немногие.

Именно для тех, кто интересуется историей создания области, кому небезразличны судьбы первых ее организаторов и строителей, Иосиф Бренер, не ограничиваясь лишь сухими строками биографий и свершений, годами просиживает в архивах разных стран и городов, мотается из России в Израиль, где сегодня живут родные и близкие первопроходцев, расспрашивает их, записывает их голоса и свидетельства, собирает пожелтевшие документы их семейных архивов — и всё это позволяет нам со всех сторон, объёмно и объективно, рассматривать и оценивать всё, что произошло на этой дорогой для всех нас земле почти за восемь десятилетий истории автономии — от экспедиции Бориса Брука до поистине легендарной деятельности первых руководителей области Иосифа Либерберга и Александра Бахмутского.

Менялись подходы и методология освещения истории ЕАО, век XX сменился XXI, умирали первостроители области, но со страниц книги Иосифа Бренера, сквозь шелуху мифов и партийной лжи, даже за якобы бесстрастными строчками протоколов допросов и «разоблачений», мы слышим, благодаря автору, их живые голоса, ощущаем их равнодушие, их стойкость, их живое дыхание, донесённое до нас, сегодняшних.

*Леонид Школьник, главный редактор
международного еженедельника «Мы Здесь»,
Иерусалим, январь 2013 г.*

ПАМЯТЬ ВОСКРЕСНЕТ ИЗ ПЕПЛА

Предисловие автора

Более полувека назад убелённая сединой бабушка Надя рассказывала внучке Ирине о далёкой стране, расположенной за тридевять земель от их родного дома, где природа собрала в одном месте невероятные богатства растительного и животного мира. В воображении ребёнка возникали образы глухой дальневосточной тайги, где бродили лохматые медведи и полосатые тигры, изюбры и кабаны, лисицы. По веткам огромных кедров, увитых шишками, прыгали белки, а в реке плавала большая серебряная рыба. На эту землю приехали тысячи переселенцев-евреев, в их числе были её бабушка с дедушкой, которые начали обживать эту территорию.

С тех пор сохранились в памяти Ирины Новицкой, внучки Иосифа Либерберга, первого «президента еврейского государства», бабушкины рассказы о далёкой прекрасной земле. В своём письме она написала мне о детских грёзах о волшебной стране Биробиджан, которая часто снилась ей в те годы и осталась в памяти на всю жизнь. Это удивительное и трогательное словосочетание из тех давних впечатлений ребёнка впоследствии обрело особый вес и трагическую цену — жизнь, которую отдал её дедушка во имя этой чудесной страны.

Биробиджанская поэтесса Люба Вассерман только написала и ещё не успела опубликовать стихотворение, в котором были ставшие для неё роковыми слова: «Люблю свою страну — Биробиджан». Этих слов оказалось, как посчитал следователь, достаточно, чтобы по обвинению в национализме отправить поэтессу в лагерь вместе с другими биробиджанскими писателями на долгие годы.

В дневнике профессора Б.Л. Брука, написанном в период с 1945 по 1947 годы, который передали мне его родные, есть такие удивительные слова о Биробиджане: «Нет, подумайте: эта страна — феномен, это заколдованная страна, словно спящая царевна

в сказке. Окруженная лесистыми горами, обильными реками, с несметными богатствами в своих недрах, с цветистыми травами на поле, с капризной игрой ливней и разливов — она на протяжении веков принимала и выбрасывала многочисленные народы, которые не сумели ею овладеть: дючеров, гольдов, корейцев, русских, украинцев, немцев. Из Европы сюда приходили строились, распахивали целину, и в одно дождливое лето всё это сливалось, как детские кораблики и уходило прочь. Удержались немногие, уцепились за рёлочки в долинах рек. Так осели казаки, немногие украинцы. Крепче пустили корни корейцы, но их корни смыла другая буря — политическая, смыла начисто и без остатка».

В своих воспоминаниях журналист Герш Винокур, работавший с 1932 по 1938 годы в газете «Биробиджанер Штерн», пишет: «Не нужно думать, что Биробиджан «высосан из пальца». За идею заплатили многие своей жизнью, лучшие люди, евреи, которые стремились к совершенству, искали возможность сохранить еврейское существование в советской действительности... Биробиджан, самостоятельная страна в рамках системы советских республик, автономных областей — вот это и могло решить еврейский вопрос в России. Так думали и мечтали «идишисты» в Советской России, так думал и я».

Именно такой представлялась эта «страна Биробиджан» тысячам евреев, решивших обрести свою Родину на новой земле. В этих словах была сконцентрирована сущность всего того, во что верили и на что надеялись первые переселенцы, ради чего они поехали из разных местечек, городов и стран. Как написала в своих воспоминаниях Эстер Розенталь-Шнайдерман, «все были заражены микробом ББ. ...Мы все тогда словно получили укол витамином Б-2» (первые буквы «Биро-Биджан» — так ранее был обозначен на картах этот район, название которого сложилось из имен двух рек: Биры и Биджана — И.Б). Биробиджан в представлении будущих переселенцев был социалистическим еврейским государством, которое должно было осуществить их идеалы и мечты.

Об этом говорили и писали в те годы во многих странах писатели, поэты, журналисты, учёные, общественные деятели. Американские художники посвятили этой земле свои картины,

символизировавшие восход нового Красного Сиона, новой обетованной земли на востоке России. Швейцарский архитектор Ханнес Майер создал проект еврейского социалистического города, расположив его на склонах сопки гряды Малого Хингана — местности, по своей красоте не уступавшей швейцарским Альпам. Десятки научных экспедиций нашли в этой земле почти всю таблицу Менделеева и преподнесли ключи от кладовых новым переселенцам. Казалось, вот-вот пройдёт ещё немного времени и эти чистые горные реки, впадающие в широкий Амур, будут наполнены, как сказано в притчах, молоком и мёдом.

Много известных людей из разных стран обращали свои взоры на эту землю. И теперь, более восьми десятилетий спустя, сюда приезжают учёные, писатели, журналисты, туристы, пытаются найти свидетельства прошлой жизни в быту, в укромных уголках тихих улиц и дворов. Они встречаются в лучшем случае с детьми и внуками первых переселенцев, поражаясь их гостеприимству, искренности и доброте. Это общение ломает многие стереотипы и подтверждает смысл, который заложен в названии этой книги. Это, действительно, волшебная страна, название которой — малая родина, наша обетованная земля. Биробиджанцы любят свою «страну Биробиджан».

В этой книге собраны мои статьи, опубликованные ранее в научных и литературных журналах, в газетах за последние несколько лет. Возможно, эти исследования подвигнут кого-нибудь продолжить поиск неизвестных страниц истории области, которая до сих пор притягивает внимание людей из разных стран.

Каждый, кто захочет заглянуть в будущее, должен оглянуться назад, в прошлое. Люди, живущие в данном историческом отрезке времени, обязаны знать о том, как жили их предки. Это означает, что история нашей жизни во всём её многообразии должна передаваться из поколения в поколение. Хроника давно прошедших событий, подробное описание бытия наших предков предоставит потомкам возможность через многие годы понять и сделать более объективное заключение о процессах, происходивших в обществе на разных этапах его существования, избежать нелепых ошибок и трагических решений, определить пути его дальнейшего развития.

Безусловно, трудно соблюсти нейтралитет и быть беспристрастным, изучая исторический период, в котором жили близкие нам люди. Здесь всегда будет присутствовать субъективизм, а значит, угадываться и политический оттенок в оценках и трактовках, который будет чувствоваться в работе исследователя. И тогда мы сталкиваемся с тем, что наши представления о прошлом, о роли личности в истории, например, того же Сталина, могут интерпретироваться, и в результате он воспринимается как удачный менеджер, управленец, а более полутора миллионов отправленных на тот свет или навсегда загубленных жизней будут объясняться неизбежными издержками управления.

Книги, статьи, научные труды, нередко заказанные и оплаченные, готовились в разные эпохи для власть предержащих, но время истории — это лучший фильтр, благодаря которому вся поднятая словесная «пыль и грязь» обязательно осядет. И тогда, даже без микроскопа, можно будет разглядеть, кто есть кто в этой истории, и понять, почему так получилось, а не иначе. Возможно, поймут и узнают об этом уже наши дети или даже внуки, оценивая события двадцатого столетия, и не все из них будут чувствовать себя уютно в том мире, когда они прочтут архивные документы о роли своих предков в истории общества.

Не зная прошлого — не узнаешь и будущего. Эта мудрость, переданная нам человечеством за многие века, прошла проверку временем. Знание жизни наших предков необходимо, чтобы, не дай Б-г, не наступить на старые грабли, чтобы не сделать новых трагических ошибок, решая судьбы людей, чья жизнь и есть самая большая драгоценность на нашей грешной земле. Но об этом мы вспоминаем, когда уже ничего не изменишь и не вернёшь, когда безвозвратно уходят в мир иной те, кто мог бы ещё сделать что-то доброе и хорошее.

В сознание не одного поколения закладывалась мысль, что во всех бедах мы сами и виноваты: то плохо работаем, то много пьём, то детей воспитываем не так, как надо, и т.п. Иногда переводили стрелки на гнивающий капиталистический запад, и это, конечно, была Америка, а кого же ещё винить в наших проблемах? Эта коммунистическая идеология досталась нам в наследство от большевиков, и, кажется, ещё не скоро дух её выветрится из России.

Именно тогда партия сформировала особую касту неприкасаемых — высшее руководство страны, считавшееся неподсудным и безгрешным, и были в обществе простые граждане, винтики в громадном механизме. Мы — миллионы винтиков в государственной машине, и никого не интересовало, когда они изнашивались и ломались, а если что-то надо было заменить для «лучшей работы», то для этого были «мастера», обслуживающие эту машину: главное — движение, а люди — ничто. В обществе, в котором человек не является главной целью его развития, жизнь ничего не стоит, и значит, у этого общества нет будущего.

Когда-то, в моей прошлой работе, готовя идеологический раздел доклада для секретаря обкома, я поставил на первое место в достижениях нашей области человека, подчеркнув, что главной ценностью в области являются наши люди. Эту фразу вычеркнули, разъяснив мне, что главной ценностью в нашем общественном устройстве является руководящая и направляющая роль коммунистической партии, которая ..., и т.д., и т.п. Нашим родителям, нашему поколению прививали, а то и вбивали в сознание вот такие специфические ценности жизни.

Всё это началось в первые послереволюционные годы, когда должен был развиваться, по идее Льва Троцкого, перманентный процесс мировой революции. Жертвы на пути к светлому коммунистическому будущему были уже заложены в эту программу. В стихотворении советского поэта М.А. Светлова «Гренада» есть такие слова: «Отряд не заметил потери бойца», да и неудивительно — впереди мировая революция:

*Я хату покинул,
Пошёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные,
Прощайте, семья,
Гренада, Гренада,
Гренада моя!*

Жизнь — ничто, главная цель — революция! Она расколола страну на красных и белых. Но вслед за ней началась гражданская война, где не было линии фронта, была одна большая трагедия,

разделившая семьи, родных и близких, а значит, судьбы и жизни миллионов людей, беззаветно преданных Родине. Волна эмиграции в те годы подхватила лучшие слои общества, которые навсегда покинули Россию, продолжая любить свою Родину и передавая эти воспоминания своим детям и внукам.

Захватив власть, партия расправлялась со всеми, кто не разделял её мировоззрения или попытался противостоять большевистской диктатуре. Личная месть Сталина настигла и Троцкого, который стоял во главе Октябрьской революции 1917 года, а также всех его сторонников. Репрессивная машина НКВД в 1937-1938 годах уничтожила всех соратников Л. Троцкого и даже тех, кто только начинал задумываться и сомневаться в личности «вождя мирового пролетариата».

Общественное сознание меняется медленно. Мы пытаемся оценить прошлое и часто приходим к констатации, что наше общество до сих пор продолжает мыслить категориями, заложенными более восьмидесяти лет назад. Почему мы идём таким сложным извилистым путем, а когда оглянемся, то оказывается, что стоим почти на том же месте? Неужели история нас ничему не научила? Сколько ещё надо пережить, чтобы всем стало понятно: на наше прошлое надо взглянуть другими глазами и в результате осмыслить и понять суть происходящего уже в наше время? Может, наши дети и внуки поймут и не повторят ошибки своих предков и родителей.

Не думаю, что кто-то хочет жить прошлым, за «железным занавесом» — стеной, отгораживавшей нашу страну многие годы от всего мира. Но эта стена ещё существует — словно мираж, призрак в пустыне. Созданная в сталинскую эпоху, она будет прочной до тех пор, пока мы не узнаем прошлого. Наши предки не успели рассказать и написать родным и потомкам о том, что с ними произошло, как закончилась их жизнь. И всё-таки мёртвые могут заговорить и стать свидетелями на суде истории. Недавно нам стали известны слова Иосифа Либерберга, учёного, первого руководителя Еврейской автономной области, о свободе и демократии как основе будущего страны, записанные следователями во время допросов его коллег в киевской тюрьме незадолго до расстрела, о чём здесь ещё будет сказано. Это послание из обог-

рённого, в том числе его кровью, 1937 года дошло до нас, как эхо минувших времён.

Произвол власти в те годы заставил людей замолчать на всю оставшуюся жизнь. Страх довлел над послевоенным поколением. Он продолжал давить на нас из прошлого даже тогда, когда уже казалось, что всё давно должно было забыться, уйти в небытие.

Стена страха и отчуждения, возведённая диктатурой советской власти, всегда находила повод заявить о себе и в 1937-38 годах, и в 1949-53 годы. Наша Еврейская автономная область не смогла пережить трагедию тех лет. С той стороны стены остались провалившиеся могилы да безымянные столбики бывших жителей автономии. Только в воспоминаниях пожилых биробиджанцев осталось название — «Старое кладбище». Это заброшенное кладбище, где покоятся первые переселенцы и на котором ещё угадываются могильные холмики и стоит несколько десятков старых памятников с могоендовидом или красными звездами, ничего, кроме горечи и печали, не вызывает. У нас к живым не лучшее отношение, и у кого спросить за мёртвых?

Область, которая могла бы ещё в тридцатые годы стать Еврейской республикой, навсегда распрощалась с этой мечтой через неполные десять лет после начала переселения. Мы и сегодня не знаем, сколько сил, энергии, человеческих жизней было вложено в эту мечту, сколько блестящих умов и талантов учёных, писателей, поэтов, артистов, художников, инженеров, специалистов, простых рабочих, не говоря уже о руководителях государства, общественных деятелях, принимало участие в её создании и строительстве.

Идея образования Еврейской республики на Дальнем Востоке получила в конце двадцатых годов широкий международный резонанс и поддержку многих зарубежных стран. Десятки зарубежных отделений ОЗЕТа (общество землеустройства еврейских трудящихся), а также ряд специально созданных для этой цели общественных организаций и свыше полутора тысяч евреев-переселенцев, приехавших из четырнадцати стран мира, рассчитывали создать на новой земле свою Еврейскую обетованную страну.

Пережив Великую депрессию в США в начале тридцатых годов, еврейские общины, прогрессивные общественные деятели этой

страны вели мощную кампанию в поддержку Биробиджанского проекта. Руководитель Агро-Джойнта доктор Джозеф (Иосиф) Розен (1877-1949) встречается с президентом США Франклином Рузвельтом и министром финансов Генри Моргентау по вопросу выделения товарного займа Еврейской автономии, а затем ведёт переговоры с правительством СССР и руководством нашей области о поддержке строительства автономии.

Несмотря на отдалённость от центра России, суровую природу, на организационные проблемы, неурядицу, безалаберность многих руководителей, тысячи переселенцев выехали из захолустных еврейских местечек, где не было работы, царил голод и совершались антисемитские погромы, в надежде избавить свои семьи от этого, казалось, непрекращающегося кошмара жизни.

Власть дала им на короткий исторический миг надежду на будущее и разрушила эту мечту, словно испугавшись этой идеи. Власть боялась и уничтожала тех, кто только начинал задумываться о её проблемах и ошибках. У неё были свои понятия и неписанные законы. Она периодически как бы сходила к нам с небес, вниз, как будто по лестнице Якова, и требовала считать её непогрешимой, истиной в последней инстанции. Но власть не ангелы, для которых была построена эта лестница, и её заповеди не от Б-га. Ей казалось, что она неподсудна и непорочна, но прошло короткое, по меркам истории, время, и люди прозрели, увидев в конце коммунистического пути тупик. Те, кто поддерживал власть в прошлом, затаились в тени стены, но у многих будто пелена упала с глаз. После семидесяти лет борьбы за социализм и коммунизм оказалось, что за «железной стеной» есть другой мир, построенный по другим принципам и законам.

В кремлёвской стене, в самом центре России, лежит прах людей, многие из которых были причастны к созданию этой атмосферы страха и отчуждения. Порой кажется, что призрак этих людей продолжает витать в России, напоминая нам о трагических страницах истории, бередя старые раны и вызывая воспоминания. От этой стены веет холодом даже в летний зной.

В прошлой коммунистической системе жизненный путь человека был предопределён: роддом, детсад, школа, армия, институт, работа, жена, дети, старость и вечный покой. Всё расписано, раз-

ложено по полочкам, как на скрижалях Завета, вручённого Б-гом Моисею на горе Синай. Партия власти многие из этих заповедей перенесла в Моральный кодекс строителей коммунизма, поскромничав сделать ссылку на первоисточник.

Что происходило в нашей стране в те годы? Разобраться в этом можно, только поняв, во имя кого и в чьих интересах действовала власть, на совести которой были решения ценою в миллионы лучших сынов и дочерей нашей страны. В России издавна жизнь человеческая не была в цене. Её отдавали за Сталина, её забирали без суда и следствия, она ничего не стоила и никого, кроме родных и близких, не интересовала.

Только в последние десятилетия вспомнили и заговорили о философии жизни. В её фундаменте должны быть заложены основополагающие принципы: право человека на жизнь и свободу. Они должны быть главной ценностью и целью цивилизованного общества. Об этом должна заботиться власть, которую избирает народ. Но от разговоров до реальных изменений в жизни сколько должно пройти лет, а может, поколений, никто не знает! Нет ответов на эти вопросы и у сегодняшней власти, так как нет идеологии, которая была бы понятна каждому человеку. А как хочется верить в лучшее во имя будущего наших детей!

После издания первой книги я начал поиск нераскрытых страниц истории Биробиджана. Эта книга посвящена нашей прошлой и нынешней жизни, процессам, происходившим в первые годы строительства области, людям, чьими стараниями создавался этот удивительный и неповторимый край, о котором все прошедшие десятилетия говорили и по-прежнему пишут и обсуждают в разных уголках нашей планеты.

Безусловно, каждый из приведённых в книге рассказов самостоителен, но все они посвящены одной теме — нашей истории — и написаны на основе проведённых в последние годы научных исследований. Надеюсь, что читатель откроет для себя новые факты и с высоты двадцать первого века узнает, как и кем создавалась Еврейская автономная область, и сам оценит происходившие в те годы события.

История образования и строительства Биробиджана, несмотря на то, что уже немало изучено и написано на эту тему, остаётся

загадочной и нераскрытой в силу ряда обстоятельств и событий. Это, в первую очередь, закрытый до сих пор доступ ко многим документам в Государственных архивах, отсутствие подробного описания ряда дел, хранящихся в областном архиве, напечатанных или написанных от руки на идише, возможно, имеющих важнейшее значение для понимания процессов и событий, происходивших в те годы. Следует также иметь в виду, что большая часть архивов и документов находится в ряде дальневосточных городов, а также в Москве, Санкт-Петербурге и, конечно, в ближнем и дальнем зарубежье. Несмотря на это, интерес к образованию Еврейской области, проявленный в конце двадцатых годов многими еврейскими организациями, учёными, писателями, поэтами, художниками как в СССР, так и за рубежом, не пропадает уже многие десятилетия.

О Биробиджане уже в первые годы его образования были написаны сотни книг и статей на русском, идише, иврите, украинском, белорусском, английском, немецком, польском, испанском и многих других языках. Можно не сомневаться, что информации о нашей области в те годы было больше, чем о любом другом регионе страны.

Фотографии тридцатых годов запечатлели новостройки, работу артелей, сельскохозяйственное производство, быт переселенцев. Небольшие стенды в Биробиджанском ОЗЕТе пестрели вырезками десятков газетных и журнальных статей из различных стран мира. Тысячи документов хранятся в библиотеках, музеях, архивах, частных коллекциях, в том числе в США, Германии, Украине, Беларуси, Израиле и, конечно, в Биробиджане. Они напоминают нам о том несекретаемом интересе, который был проявлен в мире к переселению евреев на Дальний Восток в начале прошлого века.

Волны репрессий, прокатившиеся по стране, нанесли непоправимый вред развитию нашей области. Более шести тысяч её лучших представителей были репрессированы, оказались в тюрьмах и лагерях, свыше тысячи из них были расстреляны по надуманным обвинениям в кулачестве, троцкизме, национализме, шпионаже, космополитизме. Запоздалая реабилитация после смерти уже не имела никого значения, а тем, кто остался в живых, не могла ком-

пенсировать горе и страдания, выпавшие на долю этих людей, до конца своей жизни преданных советской власти.

У переселенцев, с таким неимоверным трудом собравшихся создавать свою страну на приамурской земле у сопки с мирным названием Тихонькая и горных рек Бира и Биджан, вначале украли веру в мечту об обетованной, ставшей уже родной им земле, а затем их просто уничтожили, кого физически, а кого морально.

И некому было в те годы сохранить для потомков богатейший и уникальнейший материал — человеческую историю Биробиджана. Запылали в топке книги, журналы, газеты, где была записана хроника каждого дня, где были мысли о будущей Еврейской республике. Пепел и дым сожжённых страниц, где когда-то отражалась и преломлялась история области, был развеян хинганскими ветрами над нашим мирным городом. Лёгкий серый пепел сгоревших страниц еврейской истории тихо опустился на крыши деревянных жилых домов, госучреждений, во дворы, на дощатые тротуары улиц и, растворившись в земле, похоронил в ней последние воспоминания об уникальной жизни Биробиджана.

Мы ходим сегодня по этой земле, не зная о том, что под нашими ногами лежит биробиджанская история, с которой ушла в небытие память о наших предках. Об этом пожаре в те годы не печатали информацию в местной прессе, да и вслух говорить было опасно, и лишь в стихах прекрасного биробиджанского поэта Макса Рианта, опубликованных, к сожалению, только через десятки лет, остались воспоминания об этом вандализме:

*Я помню всех, кто говорил на идиш,
Когда костёр на площади пылал,
Лишь в страшном сне теперь уже увидишь,
Как пепел книг по улице летал...*

Собранный за двадцать лет в областной библиотеке имени Шолом-Алейхема из различных издательств и библиотек СССР и зарубежья бесценный книжный фонд на идиш подвергся варварской цензуре, которую можно сравнить со средневековой инквизицией. Насчитывавший к 1950 году почти 34,5 тысяч экземпляров книг (одно из крупнейших собраний книг на идиш в СССР), в результате чистки по причине «очень засорён» — был

почти весь уничтожен. Котельная в типографии не один месяц сэкономила на угле и дровах.

Только малая часть книжного фонда на идиш — 120 книг — была возвращена через много лет в областную библиотеку.

Совершенно случайно рассказал мне эту историю в канун 2010 года Виктор Гожий, бывший начальник Управления КГБ по Еврейской автономной области в девяностых годах. В ходе ремонта старых хозяйственных деревянных построек времён сороковых годов, стоявших у них во дворе, были обнаружены несколько ящиков с книгами, в основном на еврейском языке. Сотрудники, нашедшие эти книги, пришли к нему с вопросом — что делать с найденным имуществом? По всей видимости, эти книги были изъяты из библиотеки для каких-то «служебных целей», но прошло не одно десятилетие, несколько раз поменялся состав Управления, да и название «конторы» изменилось, и про изъятые когда-то книги забыли. Виктор Гожий мог, конечно, дать команду утилизировать, и дело с концом, но он знал о драматической истории уничтожения книжного фонда и поэтому обратился с находкой к заведующему областной библиотекой Борису Бергеру, и после формального обмена письмами состоялась передача обнаруженных книг библиотеке.

Это был поистине ценный клад — 16-томная Еврейская энциклопедия под общей редакцией А. Гаркави и Л. Каценельсона, напечатанная в издательстве Брокгауза и Ефрона в 1908-1913 годах. Это первое издание Еврейской энциклопедии на русском языке, где дано самое полное описание традиций и истории еврейского народа. Также в этих ящиках было 28-томное собрание сочинений Шолом-Алейхема 1937 года издания. Среди этих книг были произведения еврейских писателей И. Эмиота, С. Боржеса, П. Маркиша, историка Ш. Дубнова, книга «Очерки по древнейшей еврейской культуре и истории» под редакцией М. Соловейчика 1922 года издания и др.

К великому сожалению, ни в областной научной библиотеке, ни в областном государственном архиве и краеведческом музее у нас не сохранилось даже подшивок местных газет первой половины тридцатых годов. Нет полной библиографии книг и статей о Биробиджане, выпущенных в СССР, а также изданий, вышедших

за его пределами в различных странах мира, и поэтому весьма проблематично без помощи извне восстановить хронику биробиджанских событий тех лет. После цензурного сита в областной библиотеке осталось с десятков небольших книжек советского агитпропа, посвящённых Биробиджану, и местные газеты более позднего периода, перепечатывавшие в те годы, в основном, материалы ТАСС и ЦК КПСС, где областным событиям отводилась в лучшем случае треть одной из четырёх газетных страниц.

В библиографии «Еврейские публикации в Советском Союзе 1917-1960» под редакцией Х. Шмерука, изданной на идише, сказано, что в 1935 году в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина был издан Информационный бюллетень «Еврейская автономная область в художественной литературе: Опыт библиографии»¹. В нём приведено 168 названий статей и книг, опубликованных до 1935 года, большинство из которых было на идише. Треть этих изданий у нас в области до сих пор просто неизвестна.

За все эти годы даже не было попыток написать полную историю образования Еврейской автономной области. Тема истории была закрыта. Только в начале девяностых годов, когда стало понятно, что власть уже не может управлять по-старому, а низы не хотят жить как прежде, в стране и обществе начался процесс перестройки. Как написал Бузи Миллер за несколько месяцев до смерти в своей последней поэме, «идёт перестройка сердец, перестройка умов, наших душ перестройка» (поэма по моей инициативе была переведена на русский язык и напечатана в книге «Лехаим, Биробиджан!»).

Когда на короткий период в девяностых годах приоткрылись партийные архивы, историки вернулись к теме образования области. На волне перестроечных эмоций появились книги Д. Вайсманна «Как это было» и «Биробиджан — мечты и трагедия», в которых он рассказал о самых страшных событиях из жизни нашей области. Он приводит документальные свидетельства (по

¹ Еврейская автономная область в художественной литературе: Опыт библиографии / О.Г. Спектор // Информационный бюллетень Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, 1935, № 1/2. С. 25–35. JEWISH PUBLICATIONS IN THE SOVIET UNION 1917-1960. Editor by Kh. SHMERIK, Jerusalem 1961, стр.15.

его словам, изучено было более восьми тысяч различных документов), имеющиеся в областном архиве, краеведческом музее, воспоминания очевидцев событий тех лет. Для историков эта работа представляет большой интерес, хотя ряд приведённых фактов необходимо уточнять по другим источникам в связи с некоторыми расхождениями.

В 2012 году областной государственный архив ЕАО при поддержке правительства Еврейской автономной области выпустил справочно-информационное издание «Улицы города Биробиджана», которое впервые познакомило биробиджанцев с историей улиц города, их прошлым и настоящим.

Только недавно до нас дошла работа С. Шварца «Биробиджан», опубликованная во втором издании сборника «Книга о русском еврействе 1917–1967» в Минске в 2002 году (первое издание выпущено в 1968 году Союзом русских евреев в Нью-Йорке), где автором рассмотрены три периода еврейской колонизации Биробиджана.

Из последних работ зарубежных учёных представляет интерес работа Б. Котлермана по исследованию театрального искусства Биробиджана. Особое внимание привлекает монография А. Зарембы «Биробиджанский проект: идентичности в этнополитических контекстах XX–XXI ст.». Новая книга о Биробиджане подводит черту под прошлым и открывает свежий, глубокий и сбалансированный подход к нашей истории. Владение десятью языками, в числе которых английский, немецкий, идиш, иврит, позволило ему изучить в полном объёме и проанализировать весь спектр знаний по данной теме. В книге приводятся факты, подтверждающие важную роль и значение Института еврейской пролетарской культуры, его руководителя Иосифа Либерберга в становлении и развитии Еврейской автономной области. Именно при его активном участии впервые в СССР в центре внимания еврейских исследователей оказалась конкретная территория — Биробиджан.

Иосиф Либерберг является исторической фигурой для Биробиджана. Его роль в создании и становлении области ещё до конца не изучена, так как государственные архивы до девяностых годов были закрыты, как и архивы НКВД, и были открыты только после

отстранения КПСС от власти. Историкам из бывших республик СССР более известны его деятельность в период работы в Киевском институте еврейской пролетарской культуры, контакты с еврейскими организациями, музеями, библиотеками, учёными Украины и Белоруссии.

В монографии Х. Словеса «Еврейская советская государственность», вышедшей на идише во Франции в 1979 году, отмечается: «Огромный успех первых двух лет автономной области был успехом доктрины Калинина, которую Либерберг взялся реализовывать шаг за шагом, последовательно, до конца, без суматохи и деклараций, с большим мужеством, постоянно с новыми инициативами». Х. Словес, возможно, стал первым учёным, который рассматривает И. Либерберга как инициатора применения научного подхода к созданию еврейской государственности в СССР. Его вывод заключался в том, что Биробиджанский проект не был неудачей, он был удачным как духовный проект. Однако создать национальную государственность не удалось.

ЕАО была задумана как область, которая, получив поддержку со стороны властей и зарубежных еврейских организаций, за небольшой промежуток времени должна была быть преобразована в республику. Этот этап оказался, к сожалению, коротким, и через два года после создания еврейской автономии при стечении ряда обстоятельств область превратилась в пропагандистский сталинский проект решения национального вопроса.

История Биробиджана не закончилась с расстрелом в 1937 году Либерберга, обвинённого в «национализме» и «троцкизме». Его роль в создании и развитии Еврейской автономной области, образованной в конце двадцатых годов на Дальнем Востоке, является существенной и дает ответы на простые, но важные вопросы: что лежало в основе образования области, какие механизмы запустили процесс переориентации переселенческой работы с запада на восток страны, и т.п. Именно поэтому первый рассказ посвящается человеку-легенде, в тридцать лет ставшему директором Института еврейской пролетарской культуры, а в тридцать пять — членом-корреспондентом Академии наук Украины и первым руководителем Еврейской автономной области.

СЕМЬЯ ЛИБЕРБЕРГ

Портрет Иосифа Израилевича Либерберга, первого председателя облисполкома, открывает галерею портретов руководителей Еврейской автономной области на третьем этаже правительственного здания. Картина выполнена по единственной тогда имевшейся фотографии Либерберга — в кожанке и кепке. Его имя и деятельность на этом посту до последних лет были практически неизвестны жителям нашей области. К великому сожалению и стыду, имя Иосифа Либерберга даже не вошло в первый Энциклопедический словарь, выпущенный в области в 1999 году. Но и в Российской Еврейской Энциклопедии то, что о нём написано, в том числе о периоде жизни, связанном с Биробиджаном, и трагическом конце, не соответствует реальным событиям. Слишком рано, на самом взлёте грандиозных планов и мечтаний, оборвалась жизнь этого незаурядного человека. Слишком мало из того, что было задумано, он успел реализовать за неполные два года жизни на биробиджанской земле и деятельности на посту первого председателя исполкома ЕАО.

Несколько десятилетий спустя о жизни Иосифа Либерберга написала в своих воспоминаниях уже в Израиле Э. Розенталь-Шнайдерман, которая была близким другом семьи. Её мемуары, изданные за границей на идише, не дошли до биробиджанского читателя, не нашли они интереса и в России, скорее, из-за того, что носителей идиша с каждым годом у нас становилось всё меньше и меньше. Возможно, поэтому одна из ценных книг о нашем прошлом, рассказывающая о первых годах строительства области, о людях, стоявших во главе процесса созидания первого еврейского государства, так и осталась для нас закрытой книгой.

До девяностых годов прошлого столетия из нашей области не вышло ни одного материала об этом незаурядном и одержимом идеей человеке, посвятившем всего себя созданию еврейского

государства на берегах Биры и Биджана. За последние два десятилетия лишь небольшую информацию, посвящённую И. Либербергу, можно найти в книгах Д. Вайсермана «Как это было» и «Биробиджан — мечты и трагедия», статьях исследователей из Украины Е. Меламеда и Х. Бермана, где даны отрывочные сведения, которые к тому же требуют уточнений. В 2002 году попытался вернуть это имя из забвения Б. Котлерман, бывший биробиджанский журналист, а ныне учёный из Бар-Иланского университета. Его повесть «Дни Иосифа» была опубликована в газете «Община», издаваемой Биробиджанской еврейской религиозной общиной «Фрейд». Более полный анализ работы И. Либерберга на посту заведующего кафедрой еврейской культуры Академии наук Украины и директора института Еврейской пролетарской культуры дал киевский учёный А. Заремба в монографии «Биробиджанский проект: идентичности в этнополитических контекстах XX–XXI ст.».

Как оказалось, Иосиф Либерберг отдал Биробиджану почти девять лет своей яркой и короткой жизни, так и не увидев результатов своего труда. В числе первых из нашей области он был репрессирован и расстрелян, а его жена Надежда, отсидевшая восемь лет в лагерях, и дочь Тамара несли на себе проклятье Сталина — печать ЧСИР (член семьи изменника Родины). И только время остановило страшное колесо кровавой истории, о которой даже сегодня власть не любит говорить. Из памяти людской не вычеркнуть беспредел НКВД, узурпацию власти одной партией, одним человеком, приведшие к этим трагедиям, и любой, кто пойдёт по этому пути, должен помнить о неотвратимости суда истории.

В книге Екклесиаста, сына царя Давидова, царя в Иерусалиме, есть заповедь: «Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло» (глава 8.11). Пусть не скоро, но свершится суд, и забывать об этом нельзя!

Этот рассказ о семье И. Либерберга — первая попытка соединить недавно открытую информацию из материалов уголовного дела № 123, а также переводы из мемуаров его бывших коллег и, конечно, самое ценное — воспоминания его внучки Ирины Новицкой, родных и близких, которым пришлось заново пережить

тяжелые трагические события, впервые узнав о многих неизвестных страницах трагической жизни дорогого им человека.

В семье приказчика Израиля Либберберга и мастерицы–корсетницы Розы из небольшого уездного городка Старокопачинского Волынской губернии 27 октября 1899 года (по новому стилю) родился мальчик, которого назвали Иосифом. Одному из четырёх детей Израиля, появившемуся под созвездием Скорпиона, судьба определила, как и предначертано знаком зодиака, непростой жизненный путь — яркий и неординарный, полный жизненного огня и драматизма, роль лидера, сродни Моисею, зовущему народ за собой. Иосифу предстояло пройти долгий и трудный путь лишений и невзгод длиною в тысячи километров, чтобы привести евреев к новой обетованной земле.

Через несколько лет после рождения сына семья переезжает в Винницу. Там, в 1913 году, Иосиф заканчивает городскую четырёхклассную школу. Вскоре Израиль находит работу приказчика в Киеве в большом меховом магазине, и вся семья переезжает в предместье на левом берегу Днепра – на Слободку. Поскольку они, как и многие другие евреи, не пользовались правом жительства в Киеве, то приезжали ежедневно в город на мототрамвае или на пароходе. Позже в своей автобиографии Иосиф напишет: «Уже с первых лет жительства на Слободке я начал работать в качестве репетитора, давая частные уроки на дому. Таким образом, я зарабатывал рублей 15-20 в месяц, что дало мне возможность самому учиться и в конце концов поступить в шестой класс частной гимназии, которую я окончил в 1917 году.

После этого я поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Университет я не закончил, поскольку уже с первого года революции я был поглощен политической деятельностью. Ещё на школьной скамье в последнем классе гимназии я начал читать нелегальную литературу на русском и еврейском языках. К сожалению, моя политическая деятельность в первые два года пошла по мелкобуржуазному руслу. Я вступил в Евр. Соц. Дем. Раб. Партию (Поалей-Цион). В конце 1918 г. я, в связи с все большей радикализацией своих взглядов, перешёл в образовавшийся к тому времени Комфарбанд, а в июне 1919 г. вступил (вместе со всем Комфарбандом) в КП(б)У».

В своих воспоминаниях о том времени его коллега и соратник Эстер Розенталь-Шнайдерман писала: «Когда партия большевиков во главе с Лениным провозгласила Советскую власть, близкие друзья левого поалей-циониста И. Либерберга праздновали его 18-летний день рождения. Он любил рассказывать о том, как его скромный день рождения превратился в политический праздник. Именинник горячо клянется: он будет преданно бороться за свободу России, за Россию без эксплуатации человека человеком, за Россию, где все народы и нации будут жить как братья!».

Иосифу только исполнилось восемнадцать лет, когда революция призвала его под свои знамёна, оторвав от родителей, домашнего очага, подхватила и понесла по полям военных и политических сражений, в которых гражданская война разделила страну на два лагеря. В каждом городе, слободке трудно было разобраться — кто за красных, а кто перешёл к белым, на чьей стороне воюют твои родные и друзья. Он принимает участие в восстании против гетмана, захватив совместно с десятью другими товарищами редакции кадетских газет «Утро» и «Вечер». Непросто было разобраться в то время, с какой стороны дует этот переменчивый «политический ветер» революции.

По воспоминаниям родных Иосифа, на формирование и становление его взглядов на жизнь, политических пристрастий в те годы существенное влияние оказал Моше Рафес — один из крупных политических деятелей Бунда и Евсекции (1883-1942). Он был почти в два раза старше Либерберга, работал редактором и сотрудником ряда газет и журналов на идише и написал большое количество книг на идише и русском языке. Как один из руководителей Бунда, он входил в исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Бунд направил М. Рафеса на Украину возглавить местную организацию. По всей видимости, именно здесь Либерберг сделал первые политические шаги — вступление в Бунд, участие в работе Киевской организации, которой руководит М. Рафес.

С началом революции в Германии в ноябре 1918 года и гражданской войны на Украине М. Рафес приводит к расколу украинскую организацию, провозгласив 1 марта 1919 года создание Комбунда, который затем преобразуется в Комфарбанд. В него

вступает и Иосиф Либерберг, принимая активное участие в его работе, публикуя уже свои политические статьи на идише, русском и украинском языках.

В том же году Комфарбанд при активном участии М. Рафеса входит в компартию Украины. Под его влиянием Иосиф Либерберг вступает в ряды КП(б)У. Он добровольно идёт в Красную Армию рядовым красноармейцем и принимает участие в борьбе с петлюровскими частями. Вскоре его направляют в распоряжение Главкома Комфарбанда для работы в Еврейском военном секретариате (Еввоенсеке). Либерберг объезжает местечки Подолии для вербовки еврейской революционной молодёжи в Красную Армию, участвует в подпольной работе в Полтавской губернии, занимается партийной работой в Бердичеве.

М. Рафес привлекает Либерберга к участию в работе различных конференций, что позволило Иосифу войти в круг лиц, занимавшихся активной политической деятельностью и работавших в еврейских организациях как в России, так и за её пределами. Он участвует в работе Киевской конференции, а также Третьей Конференции Евсекции, состоявшейся в Москве 4 -11 июля 1920 года, на которой присутствует в качестве делегата от киевской организации с правом решающего голоса. Иосиф был, наверное, самым молодым её участником: ему в то время был всего 21 год.

В этой конференции приняли участие 64 делегата с решающим голосом и 20 делегатов с совещательным голосом. Третья Конференция продолжалась 7 дней, в течение которых прозвучало более 130 выступлений, включая доклады. В ней приняли участие 10 представителей различных партий и организаций, в том числе из Германии, Польши, Литвы и Белоруссии.

Среди участников этой конференции своей активностью выделялись М. Рафес, А. Мережин, С. Диманштейн и др. Там же присутствовал М. Литваков. Впоследствии все эти деятели еврейских организаций окажут серьёзную поддержку Либербергу в работе на посту председателя облизполкома ЕАО, но уже после его расстрела тот же М. Литваков в журнале «Трибуна» публикует о нём разгромную статью.

Когда удалось разыскать внучку Иосифа и Надежды Ирину Новицкую, мы узнали подлинную историю и трагедию их се-

мы. Ирина рассказала о неизвестных страницах жизни семьи Либерберг, которые позволяют нам понять внутренний мир этого человека и оценить, во имя чего он отдал все свои силы и знания, организаторский талант и саму жизнь. Первое подробное письмо Ирины, которое я ждал с волнением, оправдало мои надежды. С первых его строк я почувствовал, что именно так, с молоком матери, впитывалась и воспитывалась у детей первых переселенцев любовь к истории и культуре народа, закладывались его традиции.

Ирина пишет: «Это волшебное слово Биробиджан знаю от рождения. Это слово с самого детства ассоциировалось во мне с далёкой и волшебной страной, которую строили мои дедушка и бабушка, и я чувствовала, что когда-нибудь должна туда приехать».

Я восхищена тем, что кроме меня кто-то ещё сохранил память о моем дедушке, думаю, Вы и сами можете себе это вообразить. Я выросла с сознанием того, что являюсь потомком необыкновенного человека, но была уверена, что не осталось никого, кроме меня, кто о нём сохранил память. Поэтому трудно описать, какое эмоциональное потрясение я перенесла, когда из ссылок в интернете я узнала, что о дедушке помнят и пишут!

Моя мама, Тамара Иосифовна, умерла 10 лет назад. Меня, в основном, воспитывала бабушка, Надежда Абрамовна, от которой я и узнала о дедушке. Она изредка рассказывала мне отдельные эпизоды из их жизни, описывала различные картинки их прошлого, и в конце рассказа, когда речь заходила об Иосифе, моя мама начинала рыдать, а бабушка успокаивала и вытирала ей слёзы и себе влажные глаза. Её слёзы были уже давно пролиты за долгие годы сталинских лагерей. Я крепко обнимала их и тоже плакала, тогда ещё не понимая до конца, что происходит с ними, что заставляет их так переживать. Бабушка была удивительной по силе характера личностью, равной которой я в своей жизни не встречала. Мне было 12 лет, когда её не стало.

Эти юные годы, проведённые с ней, оставили неизгладимый след в моей жизни. Рассказы бабушки о жизни и трагической судьбе её мужа, моего деда, которого я никогда не видела, но, казалось, хорошо знала и полюбила всем сердцем, стремилась быть

похожим на него, стали для меня глубоко личным состоянием души. Это проявлялось во всём: и в работе, и в отношениях с людьми. Образ дедушки присутствовал рядом со мною постоянно, и именно осознание этого, возможно, и дает мне смелость всегда поступать самостоятельно, нестандартно. Я говорю об этом специально, потому, что думаю, что это и есть определяющий фактор в моей жизни».

Первое письмо Ирины — словно острая боль, пронзающая сердце. Возможность излить накопившиеся за много лет эмоции, казалось, закрытой для всех темы, которой никто даже из ближайших родственников и друзей не касался, взволновала её до глубины души. Она представить себе не могла, что кто-то может войти в святая-святых — историю семьи, интересоваться и знать то, чего она не знает. Она считала, что жизнь её бабушки и дедушки, глубоко личная, только ей принадлежащая тайна, но оказалось, что судьба её предков — это часть истории еврейского народа, истории создания Еврейской автономной области, в которой фигура Иосифа Либерберга становится всё более известной, а его роль в становлении и развитии автономии более значимой.

Наше общение, рассказы и размышления о трагической судьбе Иосифа Либерберга, его жены Надежды, пережившей лагерные драмы, её дочери, оставшейся на долгие годы сиротой при живой и любящей матери, возвратили Ирину в прошлое. Этот зов из дальнего детства, где рядом были дорогие ей люди, вызвал в ней тяжелые воспоминания, которые заставили заново пережить драматические минуты жизни. Она решила написать мне, а значит, всем биробиджанцам, свое послание.

«Мы пришли в этот мир благодаря нашим предкам. Мы несём в себе частицу каждого из них. Они жили для нас, и они живут теперь в нас...

Я надеюсь вспомнить обо всех моих родных и собрать, хотя бы виртуально, через много десятилетий нашу семью вместе. О семье по маминой линии я знаю немного. У моей прабабушки Фриды, вышедшей замуж за сахарозаводчика Абрама Гольдштейна, было две дочери — Надежда и Софья. Фрида покинула своего мужа, прожив с ним не более пяти лет, т.к. пожелала поехать учиться, захватив обеих своих крошек. Муж был категорически против

обучения женщин, поэтому Фриде пришлось бежать из дому. Она выучилась на акушерку и всю жизнь посвятила этому великому делу — помогала появлению на свет новой человеческой жизни.

Фрида жила в кругу семьи своего брата, у которого было много своих детей, в основном мальчиков. Надя прекрасно училась в гимназии, но в свободное время отчаянно бедокурила, нисколько не отставая от сорванцов братьев. Особым шиком у них считалось залезть в чужой сад, нарвать яблок и угостить ими хозяина этого сада! В округе все соседи знали, что Ньюшин дядя, не разбираясь, оплачивал остекление выбитых окон, т.к. считал весьма вероятным, что сделали это его племянница или сыновья. Близкие звали Надю «Нюшей» с самого детства и затем всю ее жизнь.

В семье помнили, как Ньюшу в детстве украла цыгане. Когда девочка пропала, поднялся переполох. Кто-то подсказал дяде, что цыганский табор, стоявший неподалёку, быстро снялся с места и исчез. Дядя организовал настоящую погоню и, настигнув цыган, обнаружил среди них свою племянницу, весьма счастливую и радостную.

Когда девочку забрали, на перекрёстке долго стояли и плакали, обнявшись, две женщины — Фрида и немолодая цыганка, не желавшая расставаться с девочкой, в которую буквально влюбилась. Она говорила, что никогда не слышала такого голоса и не видела, чтоб кто-то так танцевал! А потом она ещё долго рассказывала Фриде о том, какая судьба ждёт эту необыкновенную девушку...

Все, кто знал Ньюшу, попадали под очарование ее необыкновенной личности — весёлая, задорная красавица, не по-женски сильная и ловкая. Она была центром притяжения семьи и всех окружающих. У Ньюши было потрясающее «оперное» контральто, и она постоянно распевала арии, занимаясь домашними делами.

Любовь своей жизни моя бабушка встретила почти случайно: она поехала погостить к своему отцу, а через город в этот момент проходили военные формирования. Так судьба столкнула моего дедушку, Иосифа Либерберга, с моей бабушкой Надеждой Абрамовной. Молодые люди сразу же обратили внимание друг на друга!

Отец Ньюши с первой же минуты не одобрил такого знакомства: Иосиф был юноша незаурядный, что и говорить, но он был выходцем из иного круга, а значит, совсем не пара его чудо-дочери! Но разве могло иметь значение мнение отца для Ньюши в подобном вопросе?

Всё решилось сразу и навсегда! Огромного роста, молодой, красивый и необыкновенно талантливый юноша был подстать моей бабушке своей неуёмной энергией, азартностью и весёлым нравом.

Иосиф и Надежда

Они сразу безумно увлеклись друг другом, вместе шли вперёд и отступали, преодолевая огромные расстояния, деля на двоих все тяготы и все радости.

Именно тогда у Ньюши дал о себе знать врождённый порок сердца. Но всё это обнаружилось совершенно случайно и было воспринято как бы шутя, играючи. О больном сердце узнали при почти невероятных обстоятельствах: Ньюша и Иосиф, поехав в недолгий отпуск на море, решили посостязаться в плавании — оба были прекрасные пловцы. И когда Иосиф стал выигрывать и обошёл Ньюшу, она вдруг застонала, стала его звать на помощь, в общем — тонуть! А он смеялся, не верил, кричал ей: «Хочешь, чтоб я вернулся и чтоб ты выиграла? Нет, ты меня не проведёшь!» — и плыл дальше.

Когда до него дошло, что она не шутит, что она уже ушла под воду, начался переполох. Иосиф стремительно развернулся и вытащил Ньюшу из воды. Слава Б-гу, на берегу нашёлся врач, который послушал пульс и сердце и накричал на них: как они смеют женщину с таким сердцем вообще в воду пускать! Так они поплавали в первый и в последний раз.

Мою бабушку Иосиф обожал, считал её авторитетом во многих вопросах, баловал подарками. Но наряды и обнови её не интересовали: она могла завести подруг в дом, открыть шкаф и раздарить им свои наряды, которые он с гордостью привозил ей в подарок из заграничных командировок. А вот в шахматы, шашки Ньюша могла играть запоем и, конечно, общаться, петь, работать, жить она любила так страстно, как никто другой, кого я в своей жизни встречала!

Иосиф и Ньюша

Иосиф и Ньюша поженились в 1920 году, а 3 мая 1921 года у них родилась дочь, которую назвали Тамара. Её сразу стали называть Тасей, так как, во-первых, у нескольких знакомых дочери тоже оказались Тамарами, а во-вторых, грассирующему Иосифу Тасей называть дочку было проще.

Ньюша была учителем истории в школе и много времени уделяла своим ученикам. Иосиф был поглощен своей преподавательской и политической деятельностью ещё больше. Ребенком занимались

фребелички (дореволюционное название воспитательницы детей дошкольного возраста по методу немецкого педагога Фребеля — И.Б.), сестра Ньюши Соня и, иногда, бабушка.

Так как в то время считалось, что детей вредно рано учить читать, никто не затруднял себя обучением Таси чтению. Но произошло чудо — моя мама в три года сама выучилась бегло читать и начала тайком от своих педагогов-родителей проглатывать книгу за книгой из папиной огромной библиотеки! Она была на этом однажды поймана и наказана, но не была «сломлена» — на всю жизнь у неё сформировалась стойкая страсть к чтению и стойкая ненависть к любым играм, вроде шахмат и шашек, в которые играли родители! А ещё мама оказалась «вундеркиндом» — школьную программу проходила очень быстро и «перепрыгивала» через классы».

Послереволюционный период на Украине проходил бурно. Либерберг принимал активное участие в политической работе и преподавательской деятельности. В своей автобиографии, изъятой при его аресте в Москве, он писал: «В 1923 году во время моей работы в Высш. Военно-политич. школе я имел кратковременные колебания троцкистского характера по вопросу о внутрипартийной демократии. Эти колебания показали, что тот мелкобуржуазный груз, который тяготел надо мной в первые годы революции, не был мною сброшен и в первые годы моего пребывания в партии. После известного постановления ЦК ВКП(б) о внутрипартийной демократии я понял всю антипартийность моих колебаний и безоговорочно перешёл на большевистские позиции. С тех пор у меня рецидивов колебаний за все 13 лет дальнейшего пребывания в партии не было». Потом этот факт из автобиографии следователи предъявляют ему в качестве обвинения.

После освобождения от деникинских банд южной Украины Иосифа Либерберга направляют в Высшую военно-политическую школу в Киеве, где он преподаёт историю революционного движения в Западной Европе. В 1924 году И. Либерберга переводят на работу в Киевский институт народного хозяйства. Он читает курсы лекций в этом и других вузах Киева на русском, украинском и еврейском языках. К нему смело можно было применить термин «красный профессор», как и ко многим другим,

однозначно ставшим на сторону советской власти «красных директоров», «красных дипломатов».

В 1926 году И. Либерберга утверждают заведующим кафедрой еврейской культуры Академии наук Украины. Кафедра установила связь с еврейскими научными кругами в СССР, а также с Виленским еврейским научным институтом в Польше, с научными центрами Германии, Франции, Англии, Соединенных Штатов Америки, Канады, Аргентины и других стран.

На презентацию кафедры, которой тогда придали значение союзного уровня, прибыли представители научных и культурных организаций России, Украины и Белоруссии. Академик В. Перетц, выступивший от имени Всесоюзной Академии наук, заявил, что «вся советская научная общественность давно ждала исследователей еврейской истории, науки и литературы. Всесоюзная Академия наук считает, что в лице кафедры эта область исследований получила прочную материалистическую и действительную основу». Ощувив эту поддержку, И. Либерберг отметил в своём докладе, что «предполагает поставить вопрос о создании всесоюзного объединения еврейских научно-исследовательских институтов».

Следует отметить, что при подведении итогов мероприятий, связанных с открытием кафедры, Либербергу было поставлено на вид за то, что приглашения были направлены отдельным лицам и учреждениям, «враждебным» советской власти, в том числе известному еврейскому историку эмигранту Ш. Дубнову, центральному органу «Бунда» в Польше «Фолксцайтунг» и «Литерарише Блетер». Всё это ему припомнят через десять лет, на допросах, а пока он принимал поздравления именитых учёных. Иосифу Либербергу исполнилось тогда 27 лет.

Летом 1927 года закончилась экспедиция профессора Б. Брука, организованная КОМЗЕТОм (Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР) в Биро-Биджанский район. В воспоминаниях Э. Розенталь-Шнайдерман отмечается, что в институте с огромным интересом следили за результатами научной экспедиции, которая провела исследование далекого от центра России, никому неизвестного Биробиджанского района на Дальнем Востоке.

Отчёты и выводы этой экспедиции о том, что данный район более, чем другие, подходит для еврейской колонизации, были недостаточно ясными. Сотрудники кафедры хотели знать подробно, в деталях о природных богатствах региона. Оживлённая переписка по этому поводу велась Либербергом с профессором Бруком и академиком Вильямсом.

Весной 1928 года в Киев пришло известие, что правительство решило передать обследованный район для колонизации евреями и что там, в ближайшем будущем, появится еврейская автономная государственная единица.

В воспоминаниях Э. Розенталь-Шнайдерман можно встретить удивительные сравнения: «Мы были охвачены болезнью «двух Б». И все были заражены микробом ББ. ...когда мы слышали о Биробиджане, то нас всех охватила тихая радость: ничего себе, еврейское государство! И какое государство! Пролетарское еврейское государство! Социалистическое еврейское государство!! Осуществляются наши мечты, идеалы тех лет! ...Ну что ж, пусть будет так! В добрый час!

...Мы все тогда словно получили укол витамина «Б-2», обещанный Биробиджан дал нам свежий и неожиданный для нас толчок нашим старым чувствам и сблизил».

Она считает знаком хорошего предзнаменования то, что глава государства М. Калинин выступал с декларациями о будущем Еврейской автономии и что это также было отражено в речах и статьях руководителей КОМЗЕТа и ОЗЕТа, и все чаще стал появляться лозунг — Биробиджан должен стать домом для трудящихся евреев, в том числе живущих за границей. Позиция Калинина, на её взгляд, отражала точку зрения высшего руководства страны и самого Иосифа Сталина. По этому поводу не могло быть никакого сомнения.

В самых больших еврейских центрах капиталистических стран организуются общества для помощи еврейскому переселению в Биробиджан.

«У нас начала кружиться голова, — пишет Э. Розенталь-Шнайдерман, — ведь мы становимся своего рода центром всемирного еврейского движения за создание еврейской коммунистической родины!»

В капиталистических странах действовали пробиробиджанские общества. В США и Канаде — общества «ИКОР» и «Амбиджан» и их периодические издания. В Аргентине и Уругвае — «ПроКор» и журнал «Найвелт». В Бразилии — «Бразкор» и бюллетень под таким же названием. В Африке существовал «ОЗЕТ» со своим периодическим изданием. В Латвии несколько лет существовала организация «ОМЕК» с журналом «Найерд», которым руководили доктор Макс Шац-Анин и муж Эстер — Ниссон Розенталь (А. Бен-Дов). Во Франции и Бельгии — общества «ОЗЕТ», а их ежемесячный журнал назывался «Трибуна ОЗЕТ», даже в Швеции и Дании действовали пробиробиджанские общества. В Германии до прихода нацистов к власти также существовало пробиробиджанское общество со своей газетой.

Первые шаги по созданию еврейской страны на Дальнем Востоке происходят на фоне нарастающей волны репрессий на Западе России. Они приводят к упразднению национальных отделов и евсекций в парткомах, еврейская наука подвергается реорганизации. Несмотря на это, И. Либерберг, используя партийные рычаги, укрепляет свои позиции. Э. Розенталь-Шнайдерман вспоминает: «Институт оказывается в особо привилегированном положении. Когда я туда приехала как аспирантка, институт получил от государства намного больший бюджет, чем некоторые научно-исследовательские украинские институты того же ранга и масштаба. Либербергу удалось через партийные органы превратить кафедру в самый большой центр идишистских исследований в Советской России».

Либерберг понимал, что в Биробиджане будет легче и намного проще организовать работу Института еврейской пролетарской культуры, чем вести её в том же Киеве или в Москве, и считал, что у еврейской области есть все возможности стать центром еврейской науки, культуры и искусства всей страны. В 1929 году И. Либерберг становится директором Института еврейской пролетарской культуры при Академии наук Украины. К тому времени, как он писал в автобиографии, им было «выпущено из печати несколько книг (на украинском и еврейском языках), из которых важнейшие — «Очерки по социально-экономической истории Англии» и «Великая французская революция». За время научно-педаго-

гической работы он дважды получал научные командировки за границу — в 1925 и 1929 годах, оба раза по 4-5 месяцев.

К началу тридцатых годов главным направлением работы института стала разработка вопросов, связанных с процессами создания будущей Еврейской автономии на Дальнем Востоке. Э. Розенталь-Шнайдерман вспоминает, что, когда в августе 1930 года было провозглашено создание еврейского национального района на Дальнем Востоке, а в сентябре был созван первый съезд советов еврейского района, в институте состоялось праздничное собрание с представителями еврейской и украинской науки, писателями и партийными руководителями. От имени собрания в Биробиджан была послана телеграмма с поздравлениями районному съезду.

Тогда же было принято решение, что необходимо кого-то направить в Биробиджан, чтобы понять, что там происходит. Все согласились, что самые подходящие люди для этой поездки — Иосиф Либерберг и Борух Губерман, которые занимают высокие официальные посты и являются блестящими организаторами.

Профессор Иосиф Либерберг — историк, учёный и организатор, руководитель Института еврейской пролетарской культуры. (По воспоминаниям родных, Либерберг знал 12 языков: русский, украинский, польский, иврит, идиш, английский, немецкий, французский, греческий, латынь, арамейский и сефардский.)

Борух Губерман прибыл в Советский Союз из Польши в начале двадцатых. У него были большие заслуги. Несколько лет он был разведчиком, работавшим на польской территории. Авторитет обоих руководителей был велик. В 1932 году Либерберг и Губерман выехали в Биробиджан. Уже тогда, впервые побывав в Приамурье, Либерберг увидел важность и перспективу развития Биробиджана.

С нетерпением институт ждал их возвращения. По воспоминаниям Эстер, никогда в большом зале Украинской Академии наук не царило такое приподнятое настроение, когда они отчитывались о том, что видели и делали в Биробиджане. Они говорили о собраниях, которые проводили с руководителями района, о выступлениях на митингах, куда собиралось почти все население и где на протяжении многих часов люди стояли под открытым небом, чтобы послушать дискуссии, которые велись с руководителями

района. Они вернулись очарованные его просторами, с восторгом рассказывали о визите на Бирскую сельскохозяйственную испытательную станцию, где увидели, что на биробиджанской земле растут культуры, которые цветут в жарком климате, и те, которые растут только на севере. Они говорили о водных ресурсах, лесных богатствах, которые обеспечат быстрое и дешёвое строительство предприятий и домов для переселенцев.

Большое впечатление на них произвела прогулка с рыбаками по Амуру, который может обеспечить уловом весь Дальний Восток. Амур ждёт, чтобы переселенцы наладили на нём судоходство и построили мощные гидроэлектростанции. Эстер пишет: «Народ сидит как зачарованный. Это прямо-таки тысяча и одна ночь! Когда они начинают описывать сокровища, которые скрыты в глубинах биробиджанских недр, мы представляем, как будут дымиться трубы металлургических заводов и сыпаться искры мартеновских печей в завтрашнем еврейском социалистическом государстве...».

Но пока что решение этих задач организовано плохо, рассказывают посланцы с тревогой. В Биробиджане мало заботятся о прибывших переселенцах, которые живут в ужасных условиях. Питание очень плохое. Профессионалы не используются как следует. В руководстве района находятся люди, которые бюрократически относятся к прибывшим. Местные КОМЗЕТ и ОЗЕТ беспомощны, и переселенцы бегут обратно. Хорошо, если остаётся только половина. Колоссальные средства затрачены впустую.

Либерберг и Губерман обращаются с письмами к партийному руководству на Дальнем Востоке и в Москве, где указывают, что переселенцы живут в недопустимых условиях, отбор проводится неправильно, агитация за переселение в Биробиджан ведётся недостаточно серьезно и активно.

Эта критика вызывает недовольство у биробиджанского руководства и у руководителей КОМЗЕТа и ОЗЕТа в Москве. После долгих колебаний М. Литваков, старый знакомый Либерберга, редактор центральной еврейской газеты «Эмес», все же согласился опубликовать статьи, в которых они пишут о том, что массовый отъезд переселенцев нельзя списать только за счёт проливных дождей, которые залили всю область летом 1932 года. Виногато в

этом и руководство района, которое плохо работает. Впечатление от двух статей было очень сильным.

В этой обстановке Иосиф Либерберг, как пишет в воспоминаниях Розенталь–Шнайдерман, созывает общее собрание всего института: «На повестке дня стоит всего один пункт: Биробиджан. Либерберг произносит пламенную речь: «Мы должны создать новые контингенты еврейских переселенцев!». Он так зажигает публику, что из зала слышны голоса: «Давайте все включимся в практическую работу! И уже сегодня!». Со всех сторон раздаётся: «Запишите меня!».

Институт прерывает научную работу на целый месяц. Более 60 учёных делятся на бригады, состоящие из двух человек. Один более молодой учёный, другой постарше отправляются по голодным, наполовину вымершим местечкам Украины агитировать еврейскую бедноту переселиться в Биробиджан. И. Либерберг даёт последний инструктаж. И уже все видят, как велики его знания о Биробиджане, как будто бы он там родился, в тайге. Своей верой и любовью к этой новой земле он заряжает энергией отъезжающих. Либерберг и Губерман обращаются с горячим призывом к еврейской студенческой молодёжи, к учителям, писателям и учёным. И этот призыв находит соответствующий отклик, поддержку и понимание.

В Биробиджан едет дипломированная интеллигенция из Харькова, Одессы и Киева, молодые писатели и учителя. Бросили свои насиженные места и должности Борух Губерман с женой, врачом Региной Розенблюм, Александр Заблудовский, Хайм Шиф с женой Шифрой, воспитательницей дошкольных учебных заведений, И. Элевич с женой–врачом, Израиль Рабинович с педагогом Дворкиной, Натан Корман, Беньямин Голдфайн, семейная пара Хайм и Ривка Гусовские — он экономист, она библиотекарь, И. Квитный, Э. Розенталь–Шнайдерман и другие. До их отъезда в Биробиджан переехали Генах Казакевич с семьёй, а немного позднее — Бузи Голдинберг. Их прибытие в Тихонькую будет иметь большое значение.

В соответствии с ориентировочными планами ВЦИКа Биробиджанский район должен был превратиться в автономную еврейскую область в конце 1933 года. Но уже прошёл 1933 год,

наступил новый, 1934 год. И только 7 мая 1934 года вышел декрет: «...преобразовать Биробиджанский еврейский национальный район в Еврейскую автономную область в составе Дальневосточного края. Председатель Всесоюзного центрального исполнительного комитета Калинин. Секретарь — Янукидзе».

Тогда же, в 1934 году, по инициативе Иосифа Либерберга, к семи существовавшим в Институте секциям была добавлена восьмая — секция изучения Биробиджана, и это был шаг навстречу своей судьбе. Либерберг побуждал персонал Института последовать его примеру и переехать в Еврейскую автономную область, характеризуя это как высшую степень самореализации для любого еврейского работника культуры. Обратной дороги не было, тем более что перед его отъездом в Биробиджан обстановка в Киеве, Минске, Москве становилась все более напряженной. Он чувствовал, что тучи сгущаются.

В украинской провинции начал свирепствовать голод, в партейках велись сталинские чистки, и немногие смогли выдерживать эти схватки за жизнь. После 1932 года в Минске наблюдался упадок в работе ИЕПК, а в Киеве наметился подъём. Главной причиной этого стала усилившаяся партийная поддержка работы И. Либерберга на посту директора института. Материальная помощь пришла от Всеукраинской академии. Институт впервые получил разрешение на издание общенаучного ежеквартального журнала, а также лингвистического сборника «Афн шпрахфронт» и научно-популярного педагогического журнала «Ратнбилдунг». И. Либерберг стал редактором нового ежеквартального издания, названного «Висншафт ун революције», которое, начиная с середины 1934 года до середины 1936 года, выходило регулярно.

Один из известных в мире науки исследователей еврейской истории А.А. Гринбаум отмечал: «Как ни парадоксально, биробиджанский импульс, возможно, помог киевскому Институту, который, по-видимому, стал считать себя своего рода научным резервом Еврейской автономной области до того момента, когда тамошняя культурная работа не «встанет на собственные ноги». Теперь мы наблюдаем в Киеве, в отличие от деятельности последних лет в Минске, неприкрытое стремление к научным результатам, к «монументальной работе» вместо маломасштабной и случай-

ной. В ходе рекламной кампании в пользу еврейского Института Всеукраинской академии в конце 1934 и начале 1935 года его называли даже крупнейшим еврейским научным институтом в мире. Большие — невероятно большие — планы включали 40-томное академическое издание сочинений Шолом-Алейхема, историю литературы на идиш, словарь советской литературы на идиш, а также историю евреев и историю еврейского рабочего движения».

На волне этого подъёма в 1934 году Либерберг строил свою дальнейшую работу в ЕАО с прицелом на республику и переносом деятельности Киевского института в Биробиджан. Осенью того года И. Либерберг избирается членом-корреспондентом Украинской Академии наук. Он стал на Украине ориентиром и маяком, так как почти одновременно с ним в Биробиджан приехали десятки уже известных и молодых учёных, писателей, учителей, принесших с собой профессиональный опыт, авторитет и веру в будущее автономии.

В октябре 1934 года область впервые самостоятельно принимает бюджет. Еврейская область стала свершившимся фактом! Иосиф Либерберг был назначен председателем организационного комитета Еврейской автономной области. В это же время завершается подготовка к заключительной стадии образования Еврейской автономной области – к созданию административных органов власти. И. Либерберг выезжает в Биробиджан, где уже было намечено проведение Первого областного съезда Советов. Его кандидатура (из нескольких обсуждавшихся на разных уровнях лиц) получила одобрение в Москве и в Хабаровске. 18 декабря состоялся Первый областной съезд советов, после которого на Пленуме И. Либерберг был избран председателем облисполкома.

В центре колонны пионеров (слева направо) И. Либерберг и М. Хавкин. Фото из Харьковского альбома, хранящегося в областном краеведческом музее ЕАО. Публикуется впервые.

Интересны воспоминания Шифры Лифшиц о первом выступлении Иосифа Либерберга в Биробиджане: «Мне выпало счастье слушать его первое выступление, которое проходило во время большого собрания учителей и студентов в здании педагогического техникума. Тема его выступления: Планы и перспективы развития области. Выступление было проиллюстрировано картой всех строительных объектов, которые начали строиться в Биробиджане. Он рассказал о том, как будет выглядеть Биробиджан в ближайшем будущем, раскритиковал первые планы, которые возникли с началом формирования области, и что само место столицы было выбрано плохо, потому что на этом месте не хватает площади для развития большого города с большим населением.

Либерберг произвел впечатление всем своим видом. Он был импозантный, высокий, красивый, хорошо сложенный мужчина. Своей речью он всех вдохновил, зажёг, так что каждый из нас был готов преодолеть все трудности, которые были связаны со строительством. Мы не только были готовы помогать, но были счастливы, что находимся в области и являемся активными участниками в мероприятии большого масштаба».

И. Либерберг хорошо знает аппаратную работу, знаком с руководителями центральных органов власти, КОМЗЕТа и ОЗЕТа, поэтому без особой раскачки после его избрания Председателем облисполкома начинается напряжённая работа по хозяйственному и культурному строительству Еврейской автономной области.

В областном архиве ЕАО имеются его многочисленные письма и обращения к Центральным и республиканским органам власти России и Украины по экономическим, культурным вопросам, переселенческой работе, развитию образования и еврейскому языку. В эти первые месяцы работы закладываются основы научного подхода в управлении строительством области. И. Либерберг предпринимает ряд кардинальных шагов по развитию Еврейской автономии, которые мог предложить только он.

1. Практически сразу готовятся документы и проект Постановления Президиума ЦИК СССР «Об организации научно-исследовательского института Еврейской пролетарской культуры» в Биробиджане. В проект Постановления в числе первоочередных мер он считает необходимым включить:

«...2. Предложить Наркомпросу РСФСР приступить в текущем году /с окончанием не позже октября 1936 года/ к строительству:

1. основного большого здания для Института и его лабораторий,

2. здания для академической библиотеки в 300000 томов и

3. жилого здания для научных работников на 30 квартир.

4. Правительству УССР выделить для института Еврейской автономной области в течение 1936 года не менее 20 научных сотрудников и научно-вспомогательного персонала из состава Института еврейской пролетарской культуры Украинской Академии наук.

5. Книжным палатам РСФСР, БССР и УССР включить с 1 июня 1935 года Центральную Биробиджанскую библиотеку в число учреждений, получающих бесплатно обязательный экземпляр печатной продукции.

6. Дальневосточному крайисполкому и облисполкому Еврейской автономной области взять строительство института под свое непосредственное наблюдение и обеспечить открытие института в четвертом квартале 1936 г.»

Не дожидаясь решения по данному проекту, в апреле 1935 года И. Либерберг пишет письмо М. Калинину, в котором пытается убедить власти к годовщине образования области решить вопрос о переводе Киевского института в область. К решению этого вопроса подключается А. Хацкевич — Секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР. Он запрашивает ВЦК НА (Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита), каким образом можно направить в область группу научных работников. И. Либерберг предлагает свой ответ на этот вопрос. В письме А. Хацкевичу он пишет: «В Киеве и Минске при Украинской и Белорусской Академиях наук существуют Институты еврейской пролетарской культуры. ...По нашему мнению, необходимо было бы решением центральных союзных инстанций обязать эти институты выделить для Еврейской автономной области группу работников филологов, историков и литературоведов.

...Кстати, в свое время мы обращались по этому вопросу к М.И. Калинину, но тогда мы ставили вопрос не о группе работников,

а о переезде всего Института (Киевского). Тов. Калинин отнесся к нашему предложению очень сочувственно, но Украина, очевидно, не согласилась на перевод Института в Биробиджан. При таком положении вещей мы считаем необходимым ограничиться постановкой вопроса о группе работников». Часть из них вскоре действительно приехала в автономию.

Иосиф Либерберг, изучив положение дел в ЕАО, пришёл к выводу о необходимости создания центра, который должен был бы взять на себя руководящую роль по координации важнейших текущих вопросов и перспективному развитию области. В отсутствии такого органа эта работа ранее велась администрацией Биробиджанского района, представительствами КОМЗЕТа и ОЗЕТа, различными ведомственными организациями, а также Далькрайисполкомом, где непосредственно решались финансовые и организационные вопросы.

9 апреля 1935 года, по решению Далькрайисполкома и в целях изучения производительных сил и культуры ЕАО, Президиум облисполкома ЕАО постановил учредить при облисполкоме Научную комиссию по изучению производительных сил и культуры области. Председателем комиссии был назначен М.А. Бейнфест. На первом заседании комиссии присутствовал И. Либерберг.

А.А. Гринбаум писал о событиях тех лет: «Что касается конкретных шагов, то в 1935 году Либерберг создал Научную комиссию, которой надлежало стать исследовательским центром региона, а возможно — и центром еврейских исследований во всем Союзе».¹

Комиссии передали функции координации и формирования важнейших направлений экономической, социальной и культурной жизни области. Она становится самостоятельным органом, разрабатывающим стратегию и тактику в различных сферах строительства области. Принятая структура и образованные на комиссии секции: «Сельско-хозяйственная; По изучению природных богатств; Историческая; Социально-Экономическая; Педагогическая; Языковедения; Этнографическая; Литературы и критики; Марксизма-Ленинизма» — говорят о том, что была

¹ Гринбаум А. Еврейская наука в Советской России, 1918-1941.

поставлена задача взять под контроль важнейшие аспекты строительства ЕАО. Комиссия должна была заняться сбором материалов архивного, исторического, этнографического характера, а также связанных с изучением производительных сил и естественных богатств области. Предполагалось на базе Опытной станции привлечь учёных и специалистов к подготовке стратегии развития сельского хозяйства. В дальнейшем, после преобразований, Научная комиссия должна была стать Институтом культуры Еврейской автономной области.

Личные знакомства И. Либерберга с учёными, писателями, поэтами сыграли позитивную роль в их последующем приезде в Биробиджан. Среди его друзей был Генах Казакевич — первый редактор областной газеты «Биробиджанер Штерн», вместе с которым в Киеве они редактировали «Словарь политических терминов и иноязычных заимствований», писатели Д. Бергельсон, Б. Слуцкий, Ш. Клитеник и многие другие.

В 1935 году по его инициативе принимаются решения об употреблении идиша как официального языка области наравне с русским. Были основаны школы, в которых языком преподавания был идиш. Вывески на улицах, надписи на железнодорожных станциях, даже почтовый штемпель были на идише и русском. Увеличился также и тираж газеты «Биробиджанер Штерн».

Чуть позже начинается подготовка к одному из важнейших проектов Научной комиссии — проведению Научной языковой конференции. Она должна была привлечь ведущих учёных СССР и стать исторической по своей значимости в развитии языка идиш. Х. Голмшток, принимавший в этой работе активное участие, в своём докладе «О характере и повестке Научной языковой конференции» отмечал, что созыв языковой конференции вызвал огромный интерес в различных кругах деятелей культуры и среди широких масс трудящихся. В прессе обсуждались проблемы создания исторической грамматики, компонентов языка идиш, исследования диалектов, изучения фольклора, вопросы создания учебников для начальной и средней школ, проблемы создания различных словарей и терминологии.

Для участия в конференции планировалось привлечь научные институты Киева, Минска, Ленинграда, Москвы и других городов

и центров, где велось преподавание идиша и работали педагогические институты, а также представителей из театров, издательств, редакций газет и журналов, писательских организаций и персонально политических деятелей, педагогов, деятелей культуры и искусства, писателей. К великому сожалению, начавшиеся в 1937 году репрессии перечеркнули все усилия членов Научной комиссии, учёных, интеллигенции Биробиджана, которые больше года занимались подготовкой к конференции.

При поддержке И. Либерберга велось комплектование книжного фонда областной библиотеки из различных издательств Москвы, Украины, Литвы, Белоруссии. В первой исследовательской работе о нашей области, проведенной Я. Бабицким, отмечается, что «в мае 1933 года была создана Биробиджанская районная библиотека при поддержке Киевского Института еврейской пролетарской культуры, которая стала известной, как центральная библиотека». Для организации и руководства библиотекой институт ещё раньше послал И. Элиовича, который был директором архива. Институт также направил в библиотеку книги и оборудование. Благодаря известности И. Либерберга, его настойчивости и упорству был собран богатейший книжный фонд еврейской литературы, подаренный Биробиджану различными библиотеками СССР и зарубежья».

Архивные документы, ранее не публиковавшиеся, раскрывают замыслы первого руководителя области, которые заключались в том, чтобы создать национальный колорит и материальную базу культуры, привлечь самых известных деятелей культуры и таким образом придать ей статус центра еврейской культуры страны. В Биробиджан переезжает известный еврейский писатель Д. Бергельсон, о чём сообщили все центральные союзные и еврейские газеты. Тогда же И. Либерберг подписывает постановление «О финансировании строительства дома Д. Бергельсона».

25 декабря 1935 года облисполком принимает постановление «Об ознаменовании столетия со дня рождения Менделе-Мойхер-Сфорима», согласно которому решено присвоить имя Менделе первой улице нового города на правой стороне Биры, идущей от Сопки по направлению к Бирофельду, назвав эту улицу «Проспектом имени Менделе» (подчеркнуто мною — И. Б.). Также решено

было установить стипендию имени Менделе Мойхер-Сфорима в размере 200 рублей в педагогическом техникуме и просить край-исполком возбудить ходатайство перед Наркомпросом Украины о передаче области Одесского музея Еврейской пролетарской культуры им. Менделе Мойхер-Сфорима.

Много лет спустя проспект, названный в честь великого еврейского писателя, о котором никто не мог вспомнить в последующие годы, получит имя Карла Маркса.¹

Президиум облисполкома ЕАО в декабре 1935 года принимает постановление «О Государственном вокальном ансамбле Еврейской автономной области». Речь идёт о Ленинградском еврейском ансамбле, который вместе с известным еврейским композитором М.А. Мильнером дал согласие на переезд для постоянного жительства и работы в Биробиджан. В январе 1936 года намечалось приступить к строительству большого двухэтажного дома для сотрудников ансамбля и особняка для М.А. Мильнера.

В связи со смертью Г. Казакевича в декабре 1935 года Президиум облисполкома принимает постановление «Об увековечении памяти тов. Казакевича Г.Л.», в котором говорится о присвоении строящемуся в городе звуковому кино имени Казакевича, а также предлагается переименовать Валдгеймскую улицу в Биробиджане в улицу Казакевича.

В том же году Либерберг пишет письмо Народному комиссару обороны К.Е. Ворошилову о необходимости организации на территории Еврейской автономной области еврейского национального колхозного полка, что имело бы большое политическое значение как для еврейских трудящихся масс Союза, так и за границей. Полк играл бы крупнейшую культурно-политическую роль в самой области с точки зрения укрепления политического влияния на население, особенно в связи с массовым переселением евреев из-за границы, не знающих русского языка и нуждающихся во всесторонней политико-воспитательной обработке. Еврейский колхозный полк оказал бы также влияние на развитие сельского хозяйства и оборонной силы населения области, учитывая необходимость укрепления военной переподготовки трудящихся масс и повышения обороноспособности на границе.

¹ ГА ЕАО. Р-101, Оп. 1, Д. 135, Л.107

В мае 1935 года И. Либерберг выезжает в Москву для участия в переговорах о переселении евреев из-за границы и выделении товарного займа для строительства в ЕАО. Речь идёт о проекте «Агро-Джойнта», директор которого доктор Розен горячо поддерживал Биробиджанский проект. «Агро-Джойнт» должен был организовать в Америке товарный заем на сумму 50 миллионов долларов для строительства ЕАО. «По словам Розена, — писал Либерберг в письме М. Хавкину, — проект «Агро-Джойнта» получил одобрение Рузвельта и его финсоветника Моргантау (Розен этот вопрос лично обсуждал у Рузвельта)».

Не вызывает сомнений, что доктор Розен встречался с президентом США Франклином Рузвельтом и министром финансов Генри Моргантау по вопросу выделения товарного займа Биробиджану. Эти предложения о товарном займе для строительства ЕАО были обсуждены также и в ЦК ВКП(б). Было решено создать комиссию в составе Калинина, Литвинова и Либерберга, поскольку формально он заключался бы от имени Еврейской автономии. Зарубежные организации в те годы оказывали материальную помощь в строительстве области, и более 1500 переселенцев приехали к нам из-за границы.

По моей просьбе губернатор ЕАО А.А. Винников обратился к Генеральному консулу США во Владивостоке С.Р. Курран с просьбой об оказании содействия в поиске документов, подтверждающих факт решения вопроса по выделению товарного кредита. Из США были получены копии документов «Агро-Джойнта» и «Джойнта» за 16 и 25 января 1935 года, где на заседаниях этих организаций Джозеф Розен и Феликс М. Варбург — первый председатель «Джойнта», известный финансист и филантроп германского происхождения, ведут речь не только о финансовой поддержке Биробиджанского проекта (5 млн долларов — товарный кредит), но и о переселении евреев-иностранцев в Биробиджан, в том числе из Польши.

10 января 1936 года на торжественном заседании Биробиджанского горсовета, посвящённом 100-летию со дня рождения Менделе Мойхер-Сфорима, по инициативе И. Либерберга было принято решение назвать библиотеку его именем. Сомнений в этом быть не может, так как ещё в начале тридцатых годов

И. Либерберг в Киеве принимал активное участие в сборе наиболее ценных коллекций книжных собраний и музейных экспонатов для Всеукраинского музея еврейской культуры. После переезда в область он стал добиваться перевода в Биробиджан Киевского института и музея имени Менделеева-Мойхера-Сфорима в Одессе, киевских библиотечных фондов, прилагал определённые усилия по созданию аналогичного музея и библиотеки в Биробиджане.

Как известно, в 1940 году, после постройки нового здания областной библиотеки, ей было присвоено имя Шолом-Алейхема. Официальных объяснений этому событию в архивах пока не обнаружено. Можно предположить, что проходившие в 1939 году юбилейные торжества, посвящённые 80-летию со дня рождения Шолом-Алейхема, подвигли власти к такому решению. Но вполне возможно, что решения, принятые «врагом народа» И. Либербергом, подлежали ревизии, в связи с чем и было изменено название библиотеки.

Строительство подъездных железнодорожных путей. В центре — И. Либерберг, 1935 г. Фото из Харьковского альбома. Публикуется впервые.

При непосредственном участии И. Либерберга в области разворачивается большое строительство промышленных предприятий, фабрик. Понимая, что без строительной базы не удастся осуществить задуманное, в конце 1935 года запускается три кирпичных завода. Разворачивается промышленное освоение Бирского района (ныне Облученский район), в котором ускоряется строительство Лондоковского известкового завода, увеличивается добыча золота, мрамора, древесины. В 1936 году на-

чалось строительство курорта Кульдур. В Биробиджане ведётся строительство кирпичных жилых домов, зданий и сооружений, открываются новые артели и предприятия кустарной промышленности.

В начале года И. Либерберг узнал о намерении американских художников подарить свои работы художественному музею Биробиджана, поблагодарил их и заверил, что «одно из больших зданий, строящихся в городе на Бире, будет отдано под художественный музей». Инициатором этой акции был американский ИКОР, с которым начали налаживаться деловые отношения. В конце года картины обещали передать области, к их приему надо было также подготовиться.

Слева направо: М. Хавкин, И. Либерберг на сельскохозяйственной выставке в Биробиджане, 1935 г. Фото из Харьковского альбома. Публикуется впервые.

Широкий размах работ в промышленности, сельском хозяйстве, культуре способствовал принятию Постановления Президиума ЦИК СССР от 29 августа 1936 года «О советском хозяйственном и культурном строительстве ЕАО», в котором определялись меры по укреплению материально-технической базы и финансового положения предприятий области.

В августе 1936 года И. Либерберга вызывают в Москву с докладом на совещание. Последние телефонные переговоры не

прояснили, с чем был связан этот вызов. Поездка в столицу в самый разгар сельскохозяйственных работ, строительства жилья, фабрик, заводов, подготовки к всесоюзной конференции по еврейскому языку и ещё многого другого выбивала его из этого графика минимум на месяц.

Анализируя объём проделанной работы за последний год, а также задачи, стоящие перед областью в текущий период, Либерберг задумался над просьбой подготовить и привезти автобиографию. В ней просили отразить его участие в политической работе за последние годы. Кому и зачем понадобилась его автобиография? Ведь в Москве о нём всем и всё давно известно. Он это почувствовал ещё в конце 1934 года во время беседы в Кремле, перед назначением его председателем облисполкома. Двух лет ещё не прошло, как он работает в области, и за это время в его жизни никаких изменений не произошло.

Под монотонный стук колёс в размышлениях о будущем автономии быстро пролетели дни. 20 августа поезд прибыл в Москву. На вокзале Либерберга встретили и отвезли в гостиницу «Метрополь». Поздно вечером в номер постучали, он открыл дверь и в растерянности смотрел на входивших в комнату работников НКВД. Один из них, сотрудник оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР Трифонов, предъявил ордер № 7895 на производство ареста и обыска Либерберга И.И., проживавшего в гостинице «Метрополь» в комнате № 354.

В тот же день в комендатуре Административно-хозяйственного управления НКВД СССР, куда был доставлен Либерберг, по квитанциям от него было принято на хранение два фанерных чемодана, значок ВЦИК, 3 книги, 4 блокнота, одёжная щётка, безопасная бритва, поясной ремень, прибор для бритья, 7 подворотничков, 4 галстука, портянки, пояс от пальто, а также деньги в сумме 2393 руб. 80 коп.

В ходе личного обыска Либерберга, который продолжался далеко за полночь (протокол датирован 21.08.1936 г.), были изъяты: партбилет нового образца № 0501520, членский билет ВЦИК № 269, значок ВЦИК, членский билет крайисполкома ДВК № 131, профсоюзный билет № 150751, паспорт № 140368, разная служебная переписка, телеграммы, материалы к докладу, заявления,

статьи на русском и еврейском языках, различные письма, адреса и собственноручно написанная им перед отъездом из Биробиджана автобиография (в ней он указывает год рождения — 1899, что расходится с известными другими документами, ранее опубликованными, где годом его рождения значится 1897. Это одна из загадок Иосифа Либерберга.). На вопрос о наличии у него оружия Либерберг заявил, что у него имеется револьвер «Браунинг», который находится по месту жительства в Биробиджане.

Через неделю после ареста Либерберга доставили из Москвы в Киев, где 29.08.1936 г. оперуполномоченный СПО (секретно-политического отдела) УГБ НКВД УССР Гречихин вынес постановление об избрании меры пресечения в отношении И. Либерберга — содержание под стражей в спецкорпусе Киевской тюрьмы. Только после переезда в Киев Иосиф начал догадываться о причинах своего ареста. Он был в курсе многих политических событий в стране, несмотря на то, что почти год не выезжал из Биробиджана.

После убийства Кирова на фоне продолжавшейся антитроцкистской кампании НКВД развернул политические преследования против всех, кто ранее придерживался троцкистской платформы или даже взглядов. Сталин решил расправиться со Львом Троцким и всеми, кто хоть словом высказывался в его поддержку, в первую очередь — по политическим вопросам. Начавшийся в августе в Москве процесс над убийцами Кирова должен был вывести на Центр, который занимался подготовкой террористических актов, в том числе подготовкой убийства Сталина, и получал прямые указания из-за границы от Троцкого. По этому делу проходили: Мрачковский, Евдокимов, Дрейцер, Рейнгольд, Бакаев, Пикель, Каменев, Зиновьев, Смирнов, Ольберг, Берман-Юрин, Гольцман, Н. Лурье, М. Лурье, Тер-Ваганян, Фриц Давид.

Газеты ежедневно сообщали об этих событиях, и не вызывало сомнения, какие решения будут вынесены по этому делу. По всей стране НКВД была поставлена задача: раскрыть террористические центры на местах. Даже там, где их не было, их «находили», выдумывая для этого и создавая троцкистское подполье, террористические группы, включая в их состав всех, кто даже в кулуарах высказывал недовольство жизнью, политикой партии.

Первый допрос Либерберга состоялся 2 сентября 1936 года. Иосиф признал, что в 1923 году во время троцкистской оппозиции выступал в военно-политической школе в Киеве с поддержкой троцкистской платформы, но в январе 1924 года отошёл от троцкистской оппозиции. Скрывать не было смысла, так как об этом он написал в автобиографии. В тот период времени он был связан с работавшими в ВППШ троцкистами Корытным, Карповым, Портновым и другими. Позднее по работе сталкивался с троцкистами Маренко и Голубенко, но никакой организационной троцкистской связи с ними не было.

Несмотря на это, через три дня помощник уполномоченного СПО УГБ НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности Грозный, рассмотрев имеющиеся материалы, нашёл, что Либерберг является участником контрреволюционной троцкистско-террористической организации, в которой проводил активную контрреволюционную работу. На основании ст.ст. 126 и 127 УПК УССР постановил привлечь Либерберга И.И. в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по п. 8 ст. 54 и п. 11 ст. 54 УК УССР.

6 сентября «Биробиджанская звезда» впервые проинформировала жителей области о том, что в ходе работы по очистке от чуждых и вражеских элементов от контрреволюционеров-троцкистов, зиновьевцев, шпионов и жуликов разоблачены троцкисты Либерберг и Волобринский — заклятые враги и обманщики.

9 сентября 1936 года Президиум облисполкома ЕАО принял решение:

«1. Снять Либерберга И.И. с должности председателя облисполкома, исключить его из состава членов пленума и президиума исполкома ЕАО.

2. Просить Далькрайисполком исключить Либерберга И.И. из состава членов пленума и президиума Далькрайисполкома.

3. Просить ВЦИК СССР исключить Либерберга И.И. из состава членов ВЦИК».

Газета «Биробиджанская звезда» от 23 сентября 1936 года писала: «Как заклятый враг, Либерберг снят с работы председателя облисполкома и выгнан из партии. Либерберг все время скрывал свою контрреволюционно-троцкистскую деятельность

в 1923 году...». Вспомнили его работу и в Киевском Институте еврейской пролетарской культуры, который был превращён «в гнездо контрреволюционеров-троцкистов». Как председатель облисполкома «он окружил себя классово-враждебными элементами, пытался выставить себя единственным строителем еврейской национальной культуры, окружил себя подлыми троцкистами и зиновьевцами...».

О событиях тех дней написано было немало, но даже официальные источники — газеты, журналы, публицистика тридцатых годов — были впоследствии недоступны. Пресса тех лет пестрела разоблачениями врагов народа — троцкистов, шпионов, контрреволюционеров, и крайне сложно было узнать, что же в действительности происходило в те месяцы и дни.

Почти еженедельно в тюрьме проходят допросы Либерберга, на которых его обвиняют в троцкистской деятельности во время работы в Киеве. Ему предъявляют свидетельские показания ранее арестованных его бывших коллег по работе — Я. Розанова, С. Посвольского, М. Киллерога, И. Гуревича, Е. Перлина, которые причисляют Иосифа к троцкистской оппозиции. Признавая знакомство, он категорически отрицает организационную связь с ними как активными участниками троцкистско-террористической организации и называет все эти показания ложными.

16 октября 1936 года оперуполномоченный Гречихин вынес постановление о приобщении к следственному делу на Либерберга материалов, поступивших в СПО УГБ НКВД УССР, подтверждавших его участие в контрреволюционной троцкистско-террористической деятельности. Среди этих документов находились:

1. Информация парторганизации Академии Наук УССР № 6/с от 11.09.1936 г. и зав. отделом науки ЦК КП(б)У от 11.09.1936 г. о том, что:

- Либерберг скрыл от партии свою принадлежность к троцкизму в 1923 году;
- являясь редактором библиографического сборника, проявил притупление бдительности и пропустил в сборник троцкистско-националистическую работу библиографа Квитного;
- работая в Институте еврейской пролетарской культуры в Киеве, он содействовал принятию на работу контрреволюционеров-

- троцкистов-националистов, имевших связь с заграницей;
- на официальное открытие кафедры еврейской культуры при АН УССР пригласил враждебных советской власти и компартии лиц;
 - в члены-корреспонденты АН УССР Либерберга рекомендовали арестованные участники контрреволюционной троцкистской организации Киллерог и Семковский.

2. Информация Спецсектора АН УССР № 333 с телеграммой М. Киллерога, что свидетельствует о его связи с Либербергом.

3. Документы, обнаруженные при обыске у Либерберга:

- автобиография, в которой он написал, что состоял в еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-Цион), и его троцкистских взглядах в 1923 году;
- письмо Либерберга, свидетельствующее о его связях с арестованными участниками контрреволюционной организации Розановым, Посвольским и Лозовиком.

19 октября 1936 года в обком ВКП(б) ЕАО был отправлен пар-тбилет Либерберга № 0501520. В сопроводительном письме, подписанном ВРИД начальника СПО УГБ НКВД УССР капитаном госбезопасности Рахлисом, было указано, что Либерберг арестован за троцкистскую контрреволюционную деятельность.

На первоначальных допросах в период со 2 сентября по 15 октября 1936 года Либерберг категорически отрицал свою причастность к деятельности контрреволюционной троцкистско-террористической организации. Даже когда ему предъявили показания ранее арестованных его знакомых, «уличающие» Либерберга в троцкизме, он продолжает всё отрицать.

К середине октября в СПО УГБ НКВД УССР поступили «компрометирующие» материалы, которые были предъявлены Либербергу как «доказательство» его виновности. Учитывая применявшиеся в те годы НКВД методы допросов с использованием «специальных средств принуждения», становится понятным, почему начиная с 19 октября 1936 года Либерберг начал давать «признательные» показания.

В протоколе допроса от 19.10.1936 г., который вел оперуполномоченный СПО старший лейтенант госбезопасности Грозный,

Либерберг впервые заявил: «Показания, которые я давал до сих пор следствию — не верны. Я признаю себя виновным в принадлежности к контрреволюционной троцкистско-террористической организации и обещаю следствию в дальнейшем дать подробные показания, как о моей контрреволюционной деятельности, так и деятельности организации».

Теперь на допросах Иосиф начинает оговаривать себя, указывая на свою роль и участие в работе троцкистской организации в связи с ранее приведёнными показаниями коллег. В своих показаниях он называет: кем он был вовлечён в контрреволюционную троцкистско-террористическую организацию; чем он там занимался; какие поручения выполнял, в том числе по организации троцкистской группы в Академии наук; какие имел беседы с лицами, пользовавшимися его доверием; кого обработал и привлёк к контрреволюционной деятельности; рассказывает о своей троцкистской деятельности и называет фамилии людей, которых, с подачи следователей, нужно было считать троцкистами и националистами.

Тем временем в Биробиджане 4-5 ноября проходит Второй съезд Советов ЕАО, на котором принято решение: «Контрреволюционера-троцкиста Либерберга из состава облисполкома исключить». В эти же дни из республик, а также из-за рубежа в адрес съезда поступили поздравительные телеграммы, в том числе из Минска, Киева, Москвы, от американского и канадского Икора из Нью-Йорка и Торонто. В них нет ни слова об аресте и преследовании снятого с должности председателя облисполкома Иосифа Либерберга.

Между тем допросы не прекращаются, всплывают всё новые и новые фамилии так называемых участников троцкистской организации. Проанализировав имеющиеся в деле протоколы допросов, приходишь к выводу, что весь ход этого процесса был нужен, чтобы доказать существование троцкистского центра в Киеве, в котором одна из главных ролей отводилась Институту еврейской пролетарской культуры, руководителем которого был в недалёком прошлом И.И. Либерберг. Арестовав большинство его коллег по работе, следователи отвели Либербергу роль одного из организаторов этого центра, приписав ему все мыслимые и

немыслимые рычаги управления деятельностью этой троцкистской организации, нити которой вели в Еврейскую автономную область.

Вполне возможно, что следователи смогли убедить Иосифа Либерберга дать признательные показания на его коллег, пообещав взамен вынесение приговора, не связанного со смертной казнью. Другого выхода из этого положения не было, так как решения по данному делу, в соответствии с Постановлением ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 года, принимались в ускоренном порядке. Это означало, что обвинительное заключение вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде, где оно слушалось без участия сторон; кассационное обжалование приговоров, как и подача ходатайств о помиловании, не допускалось; приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно по его вынесении.

После 17 ноября 1936 года в уголовном деле нет протоколов допросов Либерберга, хотя ещё продолжаются допросы его бывших сподвижников.

Осенью 1936 года жена Либерберга Надежда, взяв ребёнка и личные вещи, тайно выехала из Биробиджана в Киев. Как написала в мемуарах Э. Розенталь-Шнайдерман, «его Нюше не нужно было далеко ходить, чтобы увидаться с ним на двух свиданиях, которые им были разрешены (тогда ещё был возможен такой либерализм), потому что тюрьма была в нескольких десятках шагов от ее квартиры...». Тюрьма оказалась на той же улице, где жили родители Иосифа, где была его квартира, его институт, где жили его близкие друзья и недруги.

Иосиф не верил в фатальный исход своей судьбы, так как просил жену в те две встречи в тюрьме, которые ей разрешили, принести ему учебник испанского языка — хотел ещё выучить испанский язык. Он недоумевал по поводу предъявленных обвинений, в том числе, что он ещё и японский шпион. «Ладно, если бы пытались доказать, что немецкий шпион — я два раза был в командировке в Германии по 4-5 месяцев, а так, что за глупость, в это никто не поверит, и на суде все станет ясно и понятно», — говорил он своей жене при встрече в тюрьме.

Да и с троцкистским центром он также не был связан, так как после 1934 года в Москве был всего один раз. Он верил, что справедливость на суде восторжествует. Но чистка в партии и обществе, развёрнутая Сталиным по всей стране, касалась любого человека, какую бы должность он не занимал. Национальность, возраст, пол, состояние здоровья и даже полное раскаяние не имели никакого значения, приговор — расстрел — был предreshён.

Из протоколов допросов его коллег, арестованных ранее, можно увидеть, какую позицию занимал Либерберг по различным вопросам общественной жизни страны. Понятно, что эти показания тоже могли быть выбиты или были даны под принуждением, но они представляют определённый интерес, так как в них есть его точка зрения, его оценка политической ситуации в стране в те годы. Так, в протоколе допроса Г.Н. Лозовика, профессора истории Киевского госуниверситета, отмечается, что Либерберг, вернувшись из Германии в 1929 году, говорил: «...у нас в партии установилось фактическое единовластие. Демократия совсем изжита. Как хорошо в этом отношении в Германии! Там настоящая свобода слова и мысли. Не боятся говорить и работать. А здесь дрожишь за себя. Ничего, Григорий Натанович, рано или поздно режим внутрипартийной демократии и у нас восторжествует, когда мы сбросим это единовластие...». Он указывал, что руководство не учитывает, насколько губельна такая система, в особенности для научных работников. На мой вопрос, чем вызвана такая система, Либерберг сказал: «Отсутствие демократии в стране принуждает само руководство к вечной настороженности и боязни за свои посты. Руководство партии пребывает в постоянном напряжении и стремится держать в таком же духе всю партию, чтобы о другом не думали». Отсутствие демократии в стране Либерберг характеризовал как бедственное состояние. Его слова: «Ещё несколько лет, сознание масс вырастет, и они через голову руководства начнут энергично добиваться демократических свобод. Нет сомнения, что они этого добьются».

7 марта 1937 года помощником начальника 3 отделения 4 отдела УГБ НКВД УССР лейтенантом госбезопасности Грозным было подписано обвинительное заключение по делу № 123 по обвинению Либерберга И.И. в преступлениях, предусмотренных

ст. ст. 54-8, 54-11 УК УССР, и утверждено начальником 4 отдела ГУГБ НКВД СССР комиссаром госбезопасности 3 ранга Курским и Прокурором СССР А. Вышинским.

Учитывая, что утверждение обвинительного заключения Прокурором СССР А. Вышинским могло произойти только в Москве, следует предположить, что незадолго до этого Либерберг был доставлен из Киева в столицу.

8 марта 1937 года состоялось подготовительное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха, с участием членов Н.М. Рычкова и И.М. Зарянова, при секретаре А.А. Батнере. В деле имеется расписка подсудимого Либерберга И.И. в том, что им в этот же день в Москве получена копия обвинительного заключения о предании его суду Военной коллегии Верховного суда СССР. Участь его была предрешена, до расстрела оставались одни сутки, счёт пошёл на часы.

9 марта 1937 года состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР в том же составе. Заседание длилось всего 10 минут. Согласно приговору, «Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Либерберга Иосифа Израилевича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению». Вечером, 9 марта 1937 года, Иосифа Либерберга расстреляли.

Для того, чтобы политически уничтожить уже расстрелянного Либерберга и снятого с должности и изгнанного из партии Хавкина (бывший первый секретарь обкома ВКП(б), арестован в январе 1938 года), в журнале «Трибуна» — органе Центрального правления ОЗЕТа была опубликована разгромная статья М. Литвакова под названием «Что было разоблачено в Еврейской автономной области», который написал её из-за страха за свою собственную судьбу, так как был тесно связан с Либербергом. Но это не помогло М. Литвакову, он был также арестован и умер в тюрьме.

Вслед за И. Либербергом были арестованы и подверглись репрессиям тысячи жителей области, в том числе руководители

органов власти, предприятий, простые труженики. Наша область уже не восстановится после репрессий в последующие годы. Её развитие было приостановлено, переселенческая работа перешла под контроль НКВД. Но ещё почти десять лет в документах областных органов власти можно было найти отголоски вопросов и проблем, поднятых И. Либербергом в первые годы образования Еврейской автономии.

Как и тысячи других переселенцев, среди которых были учёные, писатели, учителя, инженеры, строители, приехавшие из различных городов СССР и зарубежных стран создавать область, Иосиф Либерберг верил в реальность Биробиджанского проекта, и его первые шаги это подтверждают. Сталинские репрессии поставили крест на самой идее этого проекта, превратив её в дальнейшем лишь в инструмент политики, которым партия манипулировала в последующие годы.

Через девятнадцать лет Главная военная прокуратура, согласно статье 370 УПК УССР, пересмотрела уголовное дело на И.И. Либерберга. 31 марта 1956 года в Военную коллегия Верховного суда СССР было внесено заключение об отмене приговора от 9 марта 1937 года и прекращении уголовного дела в отношении Либерберга И.И. по вновь открывшимся обстоятельствам.

На этом основании 30 мая 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение: «...приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 9 марта 1937 года в отношении Либерберга Иосифа Израилевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нём за отсутствием состава преступления производством прекратить».

Однако следует признать, что власти страны, несмотря на начавшуюся в стране работу по реабилитации, не смогли до конца избавиться от фальши и лжи.

Ирина Новицкая рассказала мне о том, что у них хранится свидетельство о смерти Либерберга, где написано, что он, отбывая наказание, умер 26 июля 1938 года. Только недавно от меня она узнала, что он был расстрелян в Москве и похоронен на Донском кладбище. Комментарии, как говорят, здесь излишни.

Драматически сложилась судьба его жены, Надежды. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) все жёны изобличённых изменников

родины, право-троцкистских шпионов подлежали заключению в лагеря не менее, чем на 5-8 лет. Во исполнение этого летом 1937 года последовала директива НКВД, по которой жён предписано было арестовывать вместе с мужьями, но к тому времени Либерберг уже был расстрелян, и Надежду арестовали, учитывая, что её муж был одним из руководителей троцкистского центра. 27 декабря 1937 года она была арестована как член семьи изменника Родины. Особым совещанием при НКВД СССР её приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей, которые она отбывала в Акмолинском лагерном отделении. Освобождена была 6 октября 1945 года, отсидев весь срок.

Тяжкие испытания выпали на долю дочери Иосифа и Надежды Тамары. Когда зятя Фриды расстреляли, а дочь отправили в лагерь, бабушка заменила внучке родителей, помогла ей не только выстоять, но и закончить школу, чудом поступить в университет (детям репрессированных родителей путь к учебе был практически закрыт).

«Родоначалница нашей семьи, — вспоминает Ирина Новицкая, — исполнила свою роль достойно! Будучи оскорблена своей страной, она сохраняла достоинство и патриотизм: в преддверии войны Фрида не разрешила Тасе продать государственные облигации. «Девочка моя, нехорошо требовать от страны деньги в тот момент, когда стране тяжело», — сказала она тогда внучке просто. Вот такая она была гордая и несокрушимая!

В первые же дни войны Фрида буквально «вытолкала» внучку из Киева: «Молодой еврейке не место там, где есть немцы», — изрекла бабушка. Быстро выдав её замуж за сокурсника из Донецка, она отправила Тасю с мужем на восток. Боже, как она оказалась права: она спасла Тасю и тем самым сохранила весь наш род!

При этом сама Фрида не сдвинулась с места, считая, что должна сохранить для семьи семейное гнездо. «Мне, старой, тут ничего не грозит», — успокаивала она при отъезде внучку.

Фрида не покинула Киев и погибла в Бабьем Яру в числе десятков тысяч других евреев. Она отправилась туда, сопровождаемая Тасиной собакой Венкой — шотландской овчаркой, которая отказалась оставить свою хозяйку.

Редкие письма, приходившие из лагеря, повествовали о тяжёлой судьбе, выпавшей на долю Надежды и тысяч таких же, как она, невинных женщин, которым приходилось строить, обрабатывать землю и просто работать, чтобы выжить. Начальник Акмолинского лагеря, куда попала Надежда, не знал, что делать с этими удивительными, умными и красивыми женщинами, непонятно как оказавшимися втянутыми в страшные жернова сталинских репрессий, которые должны были сидеть в одном лагере вместе с убийцами и ворами. Он переживал и не понимал, за что их постигла такая участь, и как мог старался изолировать их от контактов с той стороной.

Надежде предоставили возможность заниматься с детьми других узниц как учительнице, в импровизированной школе. На её уроки ходил и начальник лагеря. После того, как в лагере умерла одна из осуждённых, Надежда взяла её девочку, Майю Богданову, и стала относиться к ней, как к родной дочке. Она буквально «удочерила» и забрала её с собой, когда смогла выйти на волю. После освобождения из лагеря Нюша не имела права ни работать, ни жить в большом городе — Киев был для неё закрыт. Через восемь лет мама, наконец, встретилась с дочкой. Тася получила работу преподавателя физики в Житомирском педагогическом институте и забрала маму к себе, которую она просто безумно любила и обожала!».

Этот рассказ Ирины о прошлой жизни своей семьи вызвал душевную боль и страдание не только её родных и близких, впервые узнавших, когда и где без вины был расстрелян их дед, Иосиф Либерберг. Ирина записала видеобращение, которое было показано биробиджанцам на вечере памяти И. Либерберга в областной библиотеке им. Шолом-Алейхема. Оно никого не оставило равнодушным, как и её письмо, написанное из глубины воспоминаний детства, навсегда запечатлевших в памяти трагические страницы жизни семьи, рассказанные её бабушкой. Такое невозможно забыть, и даже годы не залечат эти душевные раны.

История семьи Либерберг, изложенная здесь, — это первая попытка подробно рассказать о самой значимой, на мой взгляд, фигуре в истории Биробиджана. Трагедия этой семьи — одна из трагедий Биробиджана, у которой спустя 75 лет есть имя ви-

новника — Сталин и НКВД — и есть потерпевшие — его внучка Ирина и её родные, до сих пор даже не знающие, где похоронен их дед, чтобы положить цветы на его могилу.

Во имя человечности нынешняя власть могла бы помочь родным найти эту безымянную могилу, чтобы перезахоронить его останки на Родине. Я бы предложил похоронить его в Биробиджане, ради которого он пожертвовал своей жизнью, и поставить в центре города ему памятник, чтобы наши потомки помнили имя человека, который привел тысячи людей на биробиджанскую землю. Не сомневаюсь, что к подножию этого обелиска люди будут приносить живые цветы.

Все факты, приведённые в рассказе, основаны на подлинных материалах уголовного дела № 123 (архивный номер П-81837), впервые публикуются отрывки из мемуаров Э. Розенталь-Шнайдерман, Ш. Лифшиц в переводе А.В. Зарембы, писем Ирины Новицкой, хранящихся в домашнем архиве автора.

ХАННЕС МАЙЕР И ПРОЕКТ «ЕВРЕЙСКОГО СОЦГОРОДА»

Х. Майер

В начале тридцатых годов, когда переселение евреев на юг Украины и в Крым выявило ряд серьёзных проблем и под вопросом оказалась сама идея — предоставить евреям землю и создать национальную автономию, в далёком от центра России Биробиджанском районе обозначились первые результаты освоения переселенцами-евреями Приамурья. Преодолевая немыслимые трудности, связанные со слабой организационной работой, природные катаклизмы, в том числе сильнейшие наводнения, отсутствие подготовленного к переселению жилья, быта, техники, инфраструктуры, почти сорок процентов переселенцев выдержали и остались на этой земле жить и трудиться. Об этих ошибках и проблемах говорил в июле тридцатого года на пленуме ОЗЕТа в Москве И. Сударский, побывавший в Биробиджане вместе с комиссией Наркомзема. Можно сказать, что это был переломный этап в строительстве города. 30 сентября 1930 года состоялся первый районный съезд советов, который подвёл итоги работы за два года освоения переселенцами приамурской тайги. Через месяц, 30 октября, вышел первый номер газеты на еврейском языке «Биробиджанер Штерн», где в каждой строчке была видна большая работа по всем направлениям строительства автономии.

5 ноября 1930 года на заседании Бюро Биробиджанского райкома ВКП (б) впервые заслушивается вопрос «О капитальном строительстве в Тихонькой в 1931 году». Этот посёлок предлагается рассматривать в качестве будущего административного центра района. На заседании обсуждается программа строительства административных зданий, производственных, культурных, коммунальных предприятий и учреждений и утверждается их

список. В постановляющей части протокола заседания записано: «Учитывая полное отсутствие коммунального строительства в Тихонькой и значение Тихонькой, как центра района с большими хозяйственными и политическими задачами (переселение, совхозное строительство и др.) выполнение указанной строительной программы считать абсолютно необходимым».

Там же были определены задачи по немедленному развёртыванию работ по проектированию, финансовой поддержке, поставке стройматериалов. При строительстве зданий и домов было предложено использовать на 60 процентов огнестойкий материал (шлакобетон, кирпич) и на 40 процентов — брус (круглянка американского типа). Рассмотрение этой важнейшей для планировки и строительства города проблемы возложили на биробиджанскую контору ОЗЕТа. Ей же поручили подобрать специалистов, немедленно связаться с заинтересованными организациями для заключения договоров на строительство. Бюро райкома на этом заседании приняло решение: «РИКу провести в кратчайший срок окончательную распланировку поселка Тихонькой, исходя из требований его дальнейшего развития как Районного центра».

10 октября 1931 года станция Тихонькая была переименована в рабочий посёлок Биробиджан и стала центром всего Биробиджанского района. Правительство страны, несмотря на то, что в руководстве еврейских организаций — КОМЗЕТе, ОЗЕТе имелись внутренние противоречия по этому вопросу, выдвинуло на первый план в своей деятельности строительство нового социалистического Биробиджана.

На совещании в Госплане РСФСР по рассмотрению контрольных цифр Биробиджанского района ДВК на 1932 год, которое проходило 3 мая 1932 года, подчеркивалось, что «ни один административный район Советского Союза не получает таких темпов развития, которые получает Биробиджанский район». Была поставлена задача подвести прочную базу, которая могла бы обеспечить выполнение директив партии и правительства о создании к концу 1933 года еврейской национальной административно-территориальной единицы.

Освоение и экономическое развитие дальневосточной окраины России, необходимость укрепления границ с Китаем входили

в стратегическую задачу государства по обустройству Дальнего Востока. Но здесь был важен и политический момент, так как представлялась возможность закрепить территорию, свободную от притязаний какой-либо нации, за трудящимися евреями и привлечь дополнительные материальные и людские ресурсы, финансовые средства зарубежных организаций.

В начале тридцатых годов в Биробиджанском районе идёт активный процесс по формированию и оформлению административного устройства, образованию населённых пунктов, рабочих поселков, повышению их статуса. В этот период районные власти всерьёз задумались об облике будущего административного центра, так как вопрос планировки и архитектуры города за два года так и не был решён.

К 1932 году численность населения рабочего посёлка Биробиджан составляла немногим более 6 тысяч человек. В область продолжали прибывать переселенцы, которых с трудом удавалось разместить в не приспособленных и не подготовленных к приёму населённых пунктах.

В начале 1932 года к работе по планировке города был привлечён архитектор Рабинович (ни в одном из документов областного архива мне не удалось обнаружить какой-либо дополнительной информации об этом архитекторе). В докладной записке по вопросу о планировке города Биробиджана, подготовленной им для Биробиджанского горсовета, он отмечает, что «1. В 1932 году перед Горсоветом стоят две основные задачи в части городского строительства: а). организация освоения капиталовложений на этот год и б). подготовка и проведение необходимых предварительных мероприятий к строительству 1933 года и последующих лет. 2. Настоящее время г. Биробиджан проекта планировки и расширения не имеет».

Рабинович впервые делает попытку проанализировать ситуацию и сформулировать предложения по вопросу будущего строительства города. С учётом запланированного роста населения, политического и административного значения в ближайшей перспективе он рассматривает четыре варианта проектирования Биробиджана. В связи с отсутствием серьёзных исследований по геологии, водных, санитарных, экономических расчётов и заклю-

чений, климатических данных Рабинович приходит к следующему выводу: «Строительство нового города должно быть перенесено на склоны сопки «Тихонькой», на повышенное, залесенное плато с невысокими холмами, простирающиеся по южным и западным склонам сопки вдоль реки Биры и Бирофельдской дороги».

К этой записке были приложены Инструкции, где он говорит о плане города, на который им были нанесены трассы новых улиц Валдгеймской и Раздольной, указаны единые нормы строительного проектирования, даны рекомендации по отводу новых участков и сносу строений, выходящих за пределы «красной линии», проведению работ по благоустройству и другим вопросам.

Записка Рабиновича выявила серьёзные проблемы быстро развивающегося района — бесконтрольная и хаотичная застройка территории рабочего поселка мастерскими, предприятиями, частным сектором, зданиями соцкультбыта, отсутствие обустроенных дорог и тротуаров в административном центре.

15 июня 1932 года на заседании Бюро Биробиджанского РК ВКП(б) рассматривается ряд вопросов: об открытии базара, о пуске фабрики Деталей. На этом же заседании слушался вопрос о предупредительных мерах в связи с резким повышением уровня воды в реке Бире. Через несколько дней сильнейшее наводнение затопило город и все ближайшие села. В Биробиджане были задействованы все предприятия и организации для восстановления разрушенного стихией слабого хозяйства. Этот потоп выявил также картину полной незащищенности города от наводнений.

В связи с отсутствием генерального плана города партийные и советские органы на своих заседаниях принимают решения по отводу земель и застройке важнейших, социально значимых объектов города. Так, 22 июня 1932 года созывается совещание при Культпропе РК ВКП(б), на котором было принято решение о строительстве «Дома Соц. Культуры». В выборе проекта решение передавалось техническому совещанию, но оно должно было ориентироваться на стандартный проект. Выбор площадки был сразу же определен на этом совещании — возле дома РИК (райисполком). Горсовету было поручено начать шурфовку почвы. Местным ОЗЕТ-организациям — обеспечить поставку стройматериалов.

Такой же подход был при рассмотрении вопроса о строительстве летнего кинотеатра. Стройконторе поручалось построить лёгкий летний барак из отходов на 250 мест, в десятидневный срок. Место строительство было определено — базарная площадь. Через профсоюзы и газету предполагалось организовать субботник по утрамбовке поля галькой. Местные органы власти и Биробиджанская контора ОЗЕТа при отсутствии квалифицированных специалистов — архитекторов, экономистов — вынуждены были решать данный вопрос на своем уровне.

Учитывая политическую и пропагандистскую составляющую биробиджанского проекта: город должен был стать для евреев Советского Союза и зарубежных стран тем палестинским Сионом, возвращения к которому они ждали почти две тысячи лет, в Москве было принято решение подключить к этой работе вновь созданный трест ГИПРОГОР. Государственный институт проектирования городов Госстроя РСФСР был образован в 1929 году как трест ГИПРОГОР НКВД РСФСР.

К подготовке проекта была привлечена бригада планировочного Бюро № 7 этого института под руководством профессора Ханнеса Майера, швейцарского архитектора.

Ханнес Майер (Hannes Meyer) родился 18 ноября 1889 года в городе Базель. Закончил Высшую техническую школу в Берлине, был близок к голландской группе «Стиль» и к Ле Корбюзье, пропагандировал «функционализм» в архитектуре. Его имя в 20-30-х годах прошлого столетия было прекрасно известно в Европе и СССР и связано с одним из направлений в мире архитектуры — Баухауз, в переводе с немецкого — Дом строительства. Основателем Баухауза был В. Гропиус, архитектор, объединивший Высшую школу искусства и Школу прикладного искусства в Веймаре.

Х. Майер сменил В. Гропиуса на посту директора в 1928 году. В 1930 году Майер за коммунистические убеждения отстраняется от руководства институтом. В 1932 институт переводится в Берлин, а на следующий год, с приходом нацистов, ликвидируется. В конце 1930 года в Москву из Германии приехали две сильные группы немецких архитекторов. Одну из них представлял политически нейтральный Э. Май, другую — Х. Майер. В феврале 1931 года к Майеру приезжают его бывшие студенты, выпускники Баухауза.

Немецким архитекторам дали имя «Красные бригады». Они спроектировали генеральные планы застройки городов Молотова (с середины пятидесятых годов — город Пермь), Красноярска, Читы, Орска, Рыбинска, Нижне-Куринска и Биробиджана. Коммунистические взгляды Майера открыли ему двери в Кремль. Его часто приглашают на важные и ответственные заседания, в которых принимали участие Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов.

Перед поездкой в Биробиджан Х. Майер изучил в Москве всю имевшуюся информацию о городе, а также проблемы Биробиджанского района. В Госплане ему предоставили экономические показатели развития района, разведанные полезные ископаемые, перспективы переселения, а также отчёт экспедиции КОМЗЕТА, которая была организована под руководством профессора Б.Л. Брука и В.Р. Вильямса, и отчет американской экспедиции «Икор». Цель первой поездки бригады ГИПРГОРа состояла в том, чтобы непосредственно на месте оценить возможности строительства столицы еврейской республики, подготовить предложения по генплану города.

Х. Майер приехал в Биробиджан 31 мая 1933 года с двумя сотрудниками — старшим экономистом И.П. Лебединским и инженером-архитектором Д.А. Гандуриным. Что собой представлял этот посёлок, который должен был стать в перспективе городом, Майер описал в своём отчёте ГИПРГОРу: «Жители поселка предпочли собственные частные дома с маленькими садами — как в какой-нибудь мелкобуржуазной постановке еврейского театра! Разнокалиберные здания в сочетании с различными методами строительства создают впечатление какой-то случайно устроенной выставки жилищ различных народов мира. Местные стройматериалы — дерево, камыш, солома, глина, песок, гравий, известь и известковый камень — преобразовывались в руке жителя согласно его происхождению в процессе индивидуального или коллективного строительства в блочный дом латышского или белорусского еврея, в беленую глинобитную мазанку украинского еврея или в двухэтажную кирпичную постройку еврея из немецкого «рейха». Дополнявшие эту красочную картину крыши были сделаны из камыша, соломы, горбыля, гонта, жести и асбеста. В деревянных постройках в особенности были представлены все виды

строительства — от «натурального хозяйства» корейских домов, сплетенных из сучьев и веток, обмазанных глиной и побеленных известью, и до щитовых стандартных домов Центрожилсоюза. На фибролитовом заводе, недалеко от поселка, группа иностранцев, в основном американские евреи, возводила два двухэтажных деревянных блочных дома в стиле американских блочных конструкций, требующих оборудованной столярной мастерской и большого количества гвоздей. Оба этих условия здесь пока ещё не выполняются. Кроме этого, нам попались три характерных для всего Дальнего Востока круглых стандартных дома, собираемых из готовых деревянных стен и оббиваемых жёстью. Место для огня находится в них посреди круглого внутреннего пространства, которое делится произвольным образом. Кирпичи используются редко. Корейцы производят их на профессиональной основе на двух заводах. Они идут на выкладку печей, каминов, дымовых труб, а также (для престижа!) на строительство трехэтажного здания РИКа. Критика застройки поселка не относится к цветущему колхозу «Валдгейм» (13 км на юг отсюда), который предоставил в распоряжение своих 620 жителей пять типов домов, построенных в единообразном стиле». (Перевод с немецкого Е. Кочевой).

Круглый стандартный дом и строящийся рядом двухэтажный деревянный дом в Биробиджане. Фото из Центрального Архива Всемирной Истории Еврейского Народа. Иерусалим. Публикуется впервые.

Первый предварительный осмотр площадки, намеченной под постройку Биробиджана, был организован 12 июня Биробиджанским горсоветом и Городской Планировочной Комиссией. В нём приняли участие представители 45 учреждений и

предприятий города: от горсовета — Сретенский, Гондельман, от райплана — Бейнфест, Кадышевич, Шкельницкий, от рабоче-крестьянской инспекции — Ицкович, от горкомхоза — Гойхберг, Фикс, от райзо — Чернухин, от госземтреста — Игнатенко, от райздрави — Ярошевская, Богорад, от секции ИТР — Неббель, Гринштейн, от кулпромсоюза — Певзнер, от районо — Вайсбанд, от ЦС ОЗЕТа — Эйдельман, от райозета — Рашкес, от редакций «Биробиджанер Штерн» и «Биробиджанской звезды» — Казакевич, Сегалович, Каплан, от бюро краеведения — Янушевский, от издательства — Добин, от райтруда — Утятников, от мехотдела стройконторы — Чина, от электростанции — Таубин, от райлеса — Либкин, от писателей — Фаликман, Бытовой, от Общества пролетарского туризма и экскурсий — Расель.

Осмотр местности продолжался весь день. За это время Майер провел две беседы: у подножья Большой сопки и на Малой сопке (так в то время называли сопку Тихонькую). На седьмом километре дороги Тихонькая — Бирофельд был сделан привал и проведено совещание, которое продолжалось почти три часа. Вёл его председатель горсовета Сретенский, секретарём был Кадышевич.

Сретенский предложил собравшимся обменяться мнениями о том, «почему приступаем к планировке нового города именно в Тихонькой, где целесообразно его строить — на только что нами построенной площадке или на территории старой Тихонькой, или в обоих местах, какие дома целесообразнее строить в новом городе (из какого материала, какой этажности), как расположить различные зоны этого города».

Он предоставил слово Майеру, который говорил на немецком (перевод делал Кадышевич). Майер подтвердил, что в Москве они «получили задание планировать город, рассчитанный примерно, на 30 000 человек к концу второй пятилетки и — 50 000 человек к концу третьей пятилетки». Но основная дискуссия на совещании развернулась по вопросам технических и социальных проблем планирования города, а также учёта национальных особенностей его строительства. Задавались также вопросы об индустриальном центре на Хингане, претендовавшего на ведущую роль в автономии.

В связи с отсутствием исследовательских материалов по гидрогеологии, строению почв, климатическим зонам, необходимых для вынесения заключений, Майер сделал оговорку, что значительная часть ответов будет носить характер предположений и предварительных намёток, так как из того, что он и его специалисты увидели, трудно делать какие-либо серьёзные выводы и заключения. Но даже данные им ответы показывают, что ряд вопросов был впоследствии решен в соответствии с его предложениями по проекту размещения инфраструктуры города. Здесь приведена часть ответов Майера, нашедших своё решение в дальнейшей работе (стилистика, орфография, нумерация ответов сохранены).

«1. Водоснабжение предполагается организовать, посредством водоема на Малой Сопке, используя в качестве источника водоснабжения реку Биру (в настоящее время именно в том месте находится МУП Горводоканал — И.Б.).

3. С Хинганской проблемой и возможностью возникновения на Хингане индустриального центра мы ознакомились ещё в Москве, но это совершенно не исключает планировки районного административно — культурного центра, базирующегося главным образом на развитии легкой индустрии, но уже развивающегося, в то время, как вопрос о строительстве Хинганского Металлурго-Химического Комбината является ещё далеко невыясненным. Надо предполагать, что в Биробиджане в более или менее отдаленном будущем возникнет ряд городов.

5. Вопрос о стройматериалах для нового соцгорода ещё не изучен. ... При деревянном строительстве приходится ориентироваться большей частью на двух этажных жилых домах и плотность населения 50 человек на га. Если окажутся возможности строить из кирпича, плотность населения увеличится до 76 — 80 человек на га при многоэтажных домах.

6. Для связи нового соцгорода с жел. дор. потребуется построить второй мост, кроме строящегося ныне, примерно около большой сопки, который соединит кратчайшим путем город со станцией. ...Большую роль может сыграть ж.д. ветка, если новая пройдёт в направлении от ст. Тихонькая к Амуру в районе нового соцгорода. (Речь идёт о построенном в 1933 году дере-

вянном мосте через Биру. Второй мост, автомобильный, был сооружён только в 1962 году, как и предлагалось, напротив сопки. Майер предвидел необходимость связать Биробиджан с выходом на реку Амур. Третий, железнодорожный мост, был построен в 1941 году и открыл движение по Ленинской ветке ДВЖД — И.Б.)

8. Отражение в Архитектуре соцгорода Биробиджана национальных элементов и их сочетания современными формами социалистического города меня сильно интересуют. Над этим вопросом работают в частности в одной из секций Комакадемии, в которой я участвую. ГИПРОГОР, при планировке, например, средне-азиатских городов учитывает элементы восточного стиля. Но ничего конкретного на заданный вопрос мы ещё ответить не можем: вопросы выявлений и сочетаний еврейских национальных элементов в архитектуре совершенно не изучен.

10. ГИПРОГОР планирует поселения на 6 — 15 000 населения, но при обязательном условии планировки окружающего района, как это имеет место в Донбассе, в районе будущего Ангарстроя и др. Отдельные же города ГИПРОГОР обычно планирует от 50 000 человек и выше, но при работе в Биробиджане учитывается, что политическое значение, которое вероятно в ближайшие годы приведёт к необходимости планировки всего района с рядом городов колхозных и совхозных поселков и т.д.».

В прениях на этом совещании выступило девять человек. Итог его подвёл Сретенский: «Из выступлений товарищей можно вынести заключение, будто бы Тихонькая уже похоронена. Надо говорить о двух городах и планировать оба. Необходимо новый город пододвинуть к реке и в первую очередь взяться за благоустройство старого. На новой площадке в 1934 г. будет проводиться, вероятно, только планировка участка, строительство же начнется только с 1935 г. Таким образом, нам в старой Тихонькой придётся строить ещё ряд лет, не менее 3-4, тем насущнее, ее благоустройство».

Это было начало долгой и кропотливой работы над эскизным проектом планировки города Биробиджана. Десятки заключений различных организаций, совещаний и согласований, сотни страниц проектной документации свидетельствуют о глубоком и всесто-

роннем исследовании Х. Майером и его бригадой специалистов экономических проблем, технических решений, социологических вопросов при проектировании Биробиджана.

Через 46 дней после приезда бригады Х. Майера, 16 июля на стол горсовета лёг проект предварительного экономического основания к планированию города Биробиджана. Проект, в котором были заложены лёгкая промышленность, энергетика, транспорт, администрация и культура, разъяснял градостроительные составляющие, которые предусматривали три варианта развития города Биробиджана. Этот прогноз основывался на убеждении Майера, что новый город будет развиваться только на базе лёгкой промышленности. На позднем этапе в западной части Биробиджанского района может быть построен более крупный город, где благодаря запасам железной руды гор Малого Хингана сможет развиваться и тяжёлая промышленность. Третий вариант прогноза предполагал функционирование 20 предприятий лёгкой промышленности.

«Мы исходим из предположения, — писал Майер в отчёте, — что в 1937 г. понадобится около 7 кв. м жилой площади на человека, а в 1942 г. уже 9 кв. м. Если на территории одного га смогут расселиться 150 человек, тогда на 50 га старого города можно будет поселить около семи тысяч жителей — от общего числа 44 000 запланированных тут жителей. Для 37 000 оставшихся человек необходимо отыскать около 450 га жилого массива на правом берегу Биры. Желательно, чтобы у города была возможность развития до 75 000 жителей. В поисках места для нового города мы проверили плато западней Большой Сопки, между 3-м и 7-м км Бирофельдского тракта.

Почти ежедневно они выходили на место в сопровождении какого-нибудь релевантного специалиста (геолога, топографа, мелиоратора, почвоведа, агронома, бактериолога, санврача, представителей горсовета и райсовета). Под конец прибыл весь актив по планированию. ...Многие товарищи были в первый раз на этой возвышенности, чувствуя себя в настоящей «обетованной земле». Они наслаждались прекрасным лесом из маньчжурских дубов и кедров, свежим ветром, прогоняющим гнус, простирающимся до тунгусских гор пейзажем, дорогой, служащей для поставки

стройматериалов, возможностью водоснабжения посредством течения Биры, диким виноградом, которым поросла Малая Сопка, 273 ульями пасеки на 7-м км, редкостным смешанным известняком, пригодным для строительства дорог, который обнаружился тут на склонах Сопки, и богатыми залежами глины в овраге. Особенно они восхищались красотой естественного парка вверх по Бире — низиной между Большой и Малой Сопками, большим зеленым массивом между будущим городом и рекой, приглашающим искупаться островом, поросшим ивняком. Этот потрясающий парк напоминает английский сад, устойчивый к зимним морозам. Товарищи справедливо отметили особую важность архитектуры нового города, как творческого и культурного отражения еврейского народа. Товарищи потребовали от нас, архитекторов, сотрудничества с еврейскими трудящимися массами при выработке идей, связанных с градостроительными проектами. Мы должны стремиться, чтобы строительство города отражало как культурные особенности еврейства, так и значение Биробиджана как столицы социалистической области».

О том, что из себя представлял рабочий посёлок в те годы, откровенно говорилось на четвёртом объединённом пленуме Биробиджанского райкома и РайКК ВКП(б), прошедшем в 1933 году. В докладе т. Вилинова отмечалось, что «к Биробиджану приковано внимание не только трудящихся нашей страны, но и трудящихся всего мира. За строительством Биробиджана следят также и наши враги во всём мире». Говоря об ошибках и просчётах в переселенческой политике, на первый план он выносит необустроенность, отсутствие необходимой материально-экономической базы: «Возьмите наши постройки, жилища. На что они похожи? — На строение самого древнего местечкового типа. Прекрасное оборудование наших предприятий находится не в фабричных зданиях, а в сараях. В квартирах наших переселенцев не только электричества нет, но даже и простой керосиновой лампы».

Первым населённым пунктом, который был подвергнут серьёзной критике в докладе, стал районный центр Биробиджан. Вилинов в своём выступлении отмечает, что именно по нему переселенец судит обо всей территории заселения: «Строительство поселка идёт прямо анархически. Каждый строит, где он хочет и

как хочет. Мы настроили много курятников и ни одного здания настоящего городского типа. Посмотрите, как у нас стоят уборные. Их ставят буквально посреди улицы. Из-за канав, которые мы копаем и ничем не закрываем, из-за болот на улицах, нельзя ребёнка выпускать из дому. И вот, увидев этот районный центр, переселенец говорит себе: «если здесь так — то каково уж за 200 километров отсюда, где-нибудь в Амурсете или Сталинфельде?» А между тем, там положение лучше. Возьмите, например, Валдгейм. Был там недавно руководитель бригады ГИПРОГОРа, немецкий профессор-коммунист Мейер. Он прямо восхищён этим поселком. Почему? Потому что там клуб, как клуб, ясли — как ясли, и весь посёлок таков, каким он должен быть».

Пленум райкома ВКП(б) обратил внимание партийных, профессиональных и советских организаций на эффективное освоение районного центра и поселка Бира, чтобы строительство и освоение этих точек проходило по строго продуманному плану.

После отъезда бригады Х. Маеира на заседаниях партийных и советских органов регулярно заслушиваются вопросы строительства, привлечения рабочей силы, снабжения и обеспечения строительными материалами. Предварительные наброски и, пока лишь, идеи архитекторов подвигают власти к принятию решений по привязке новых объектов на правом берегу Биры. На заседании бюро Биробиджанского РК ВКП(б) по строительству было поручено «Горсовету проработать в декадный срок вопрос о возможности размещения отдельных объектов строительства 1934 года на площадке нового города».

Более года Х. Майер и его бригада работали над проектированием Биробиджана. За это время Биробиджанский район был преобразован в Еврейскую автономную область, включённую в состав Дальневосточного края, а город Биробиджан по праву становится её центром. На бюро райкома партии принимается решение о колхозе Карла Либкнехта: учитывая, что «его земельные участки находятся на территории будущего города Биробиджана и в районе особой стройки, признать дальнейшее оставление колхоза на прежнем месте, вследствие этих причин невозможным».

В начале лета 1934 года ГИПРОГОР пишет письмо КОМЗЕТу об окончании работ по эскизному проекту планировки Биробиджа-

на и намерении в первых числах августа выехать в Биробиджан с целью согласования проекта с Биробиджанским горсоветом и облисполкомом, а также в Хабаровске. После этих согласований проект должен был к 15 сентября 1934 года направлен на экспертное рассмотрение в НТС НККХ РСФСР.

Х. Майер. Проект Генерального плана г. Биробиджана

Определённый интерес представляет пояснительная записка к эскизному проекту планировки города Биробиджана, состоящая из восемнадцати пунктов, в которой даётся анализ и конкретные решения по всем рассматриваемым вопросам. В неё были включены фотографии проекта, а также дано описание города, который тогда располагался на левом берегу реки Биры, на низкой местности равнинного характера с чередующимися рёлками и падами, вытянутой на 4-5 километров вдоль железной дороги и зажатой между дорогой и рекой. Существующая застройка, шириной 600-700 м, была беспорядочна, малоценна, состояла из рубленых изб и глиноблочных одноэтажных и двухэтажных домов с единственными кирпичными зданиями райисполкома, электростанции и бани-пропускника.

Через Биру был сооружён новый деревянный мост. На территории посёлка-города разместились РИК, переселенческий пункт, ряд учреждений и организаций, заготовительные предприятия, государственная и кооперативная промышленность, учебные заведения, библиотека, редакция местной газеты, типография, кино и др. Население исчислялось примерно в 6 000 человек.

При анализе градообразующих факторов, имеющих влияние на рост и развитие Биробиджана, Х. Майер отметил:

а) выгодное географическое положение города, стоящего на стыке водной артерии и Бирофельдского тракта, ведущих к Амуру, и связанного с магистралью великого Сибирского пути;

б) благоприятный климат;

в) отсутствие к настоящему моменту других населённых пунктов в районе, могущих оспаривать у Биробиджана административно-культурное значение и руководство создаваемой автономной области.

Постановление ВЦИК РСФСР 7 мая 1934 года о преобразовании Биробиджанского района в автономную Еврейскую национальную область прекратило дебаты по вопросу возможного размещения административного центра области в каком-либо другом населённом пункте.

Были отмечены и проблемы при планировке Биробиджана: территории существующего города, занятые селитьбой, представляли болотные и полуболотные почвы. Полных данных геологического строения местности, а также точных сведений о гидрогеологии и строении почв в материалах обследования существующего города так и не было получено, что вынуждало задачу планировки города решать условно, до подтверждения принимаемых решений материалами инженерно-гидрогеологических и санитарных изысканий.

Намечаемый рост численности города ставил вопрос о дополнительном занятии под селитьбу новых земель. Выбор места для расширения или строительства нового города был осуществлён планировочной комиссией во время пребывания бригады ГИП-РОГОРа в 1933 году и утверждён горсоветом и райисполкомом. Новый город намечалось расположить на правом берегу реки Биры, по возвышенности оканчивающейся Большой и Малой

сопками, вдоль трассы Бирофельдского тракта от 3-го до 7-го километра.

Рассматривая вопрос зонирования территорий, Майер учитывал уже имеющиеся предприятия и перспективу их развития, компактно расположив промышленную и жилую зону с местами отдыха и всеми видами обслуживания в пределах старого города и выбранной им новой территории.

Именно Майером было предложено, учитывая, что существующий вокзал располагается с северной стороны магистрали, а проектируемый город будет размещаться на южной стороне, новый вокзал запроектировать на южной стороне перспективного городского строительства, связав вокзальную площадь и городскую магистраль, идущую от нового моста.

Для налаживания речной транспортной связи города Биробиджана с южной частью района и реки Амур необходимо было провести ряд мероприятий, которые бы обеспечили судоходность реки Биры. Весьма условно проектом была намечена городская пристань на левом берегу Биры.

В схеме планирования общегородской административный центр нового города был запроектирован у Большой сопки, на соединении двух намеченных основных магистралей, идущих к центру старого города, вокзалу, пристани и к промрайону левого берега. В административный центр включались: городская административная площадь, административные здания (облисполком, горсовет, облсуд, прокуратура, милиция, госбанк, спецбанк, хозяйственные, партийные, профсоюзные, кооперативные и другие организации и учреждения). Примыкая к нему, на главной магистрали города, ведущей к вокзалу, располагался торговый центр с универмагом, спецмагазинами, центральным колхозным рынком, Домом колхозника и т. д.

Учитывая, что в 1934 году был образован Биробиджанский район, Майер предлагает расположить районный административный центр в старом городе, на левом берегу, начиная от вокзальной площади до выхода улицы Октябрьской к выстроенному мосту через реку Бирю. Здесь же размещается и районный рынок.

Организация связи между левым и правым берегами осуществлялась по проекту двумя мостами через реку Бирю. Первый мост

находился на продолжении улицы Октябрьской, второй мост проектируется Майером в районе Большой сопки.

Размещение основных, составляющих город элементов принималось следующим:

1. Центральный парк культуры и отдыха располагается на территории между Большой и Малой сопками, с выходом к берегу реки Биры. Небольшая долина между двумя сопками образует естественный выход из нового города к реке, где на острове имеется возможность организовать базу водного спорта и купанья. В ботаническом отношении площадь парка представляла большую ценность богатством и разнообразием своей флоры. С сопки открывался чрезвычайно живописный вид на окрестности.

Районный парк отдыха размещается на острове, отделенном портовой протокой. Связь его со старым городом осуществлялась бы созданием дамбы, закрывающей протоку и превращающей её в речной порт. Физкультурные центры совмещаются с парками: Центральный стадион размещается при ЦПКиО на возвышенности. Районный физкультурный центр (для старого города) размещается на том же острове, вместе с парком.

Культурно-просветительские здания размещаются рядом с ЦПКиО и стадионом и распределяются по территории старого и нового города.

Зона учебных заведений намечается в непосредственном при-мыкании к административному центру нового города.

Жилые кварталы с элементами их непосредственного обслуживания (школьное, сетевое, коммунальное и т. д.) занимают территории: в Новом городе — по низменной части южного склона возвышенности; в Старом городе — центральную часть существующей селитбы.

Организация связи между городскими и промышленными центрами и дорогами внешних сообщений предусматривается сетью улиц и проездов, то есть самой схемой планировки.

Размещение селитебных территорий, принятых проектом, связывается с необходимостью провести ряд инженерных работ, в том числе: регулирование реки Биры и ее протоки путём производства дноуглубительных и очистных работ, обвалование берегов и устройство дамб, проведение мелиоративных работ по

всей территории старого города, включая земли между железной дорогой и рекой Икурой, низменной части нового города и примыкающих к ней территорий, защиты территории старого и нового города от наводнений.

Все запланированные работы, отмечает Майер, должны быть основаны на изученных геологических, гидрогеологических и почвенных данных, только после этого можно производить разработку инженерных мероприятий.

Проектом предусматривалась на 60 процентов двухэтажная застройка деревянными и глиноблочными жилыми домами, и на 40 процентов — кирпичными в 3-4-5 этажей. Здания общественного пользования и специальные — преимущественно кирпичные с этажностью от 1 до 4 этажей.

Из наиболее интересных предложений Майера следует также отметить строительство городского кино (на 750 мест) в центральной части города, Дома книги (центральной библиотеки), музея краеведческого и национальной культуры, научно-исследовательского института, Дома обороны, экскурсионной базы, радиостанции, обсерватории, бюро погоды и метеорологической станции на склоне Большой сопки. Там же, на южном и юго-восточном склоне, проектировалась больница на 500 коек и больничный городок (с родильным домом). Центральная поликлиника, рассчитанная на 1500 посещений в день, намечалась в центральной части нового города. Районная поликлиника на 300 посещений в день проектировалась в старом городе.

Гостиница (с рестораном) располагалась в центральной части города. Местные курорты, санатории, дома отдыха предусматривались в окрестностях города на расстоянии до 10 км в направлении по Бирофельдскому тракту и возвышенности к Валдгеймскому тракту и реке Бире.

Рынки: центральный — на правом берегу, на основной магистрали, ведущей в административный центр города; районный — в старом городе у выхода Октябрьской улицы к мосту (сегодня он находится на этом же месте, оказавшись практически в центре города).

Большое внимание в проекте было уделено разделу «Водоснабжение и канализация», который был разработан старшим инженером Головенчицем при консультации профессора Порфирьева.

В этом разделе уже тогда были изложены проблемы, с которыми столкнутся впоследствии проектировщики и строители города. Биробиджан, исходя из соображений плотности застройки, этажности зданий, рельефа местности и т. д., не канализуется полностью. В проекте отмечалось, что при плоском рельефе местности пришлось бы вести канализационные коллекторы на большой глубине, что было бы экономически невыгодно. Также необходимо было бы построить насосную станцию и переход через реку Биру. Устройство этих сооружений вызовет большие капитальные затраты, которые при небольшой плотности застройки себя не оправдают (к этому затратному варианту впоследствии город и пришёл). В проведённом бригадой Майера анализе просматривается явное преимущество правобережья, которое канализуется полностью. Сточные воды, собираясь коллекторами в одно место, попадают на очистные сооружения, а потом в реку Биру по течению ниже города. Место для очистных сооружений было выбрано из соображений незатопляемости и с учётом розы ветров. (Городские очистные сооружения впоследствии были построены в месте, выбранном Х. Майером).

На основе этих исследований был сделан вывод, что для осушения городской территории, понижения уровня грунтовых вод и создания рельефа, обеспечивающего условия городского движения, застройки и отвода атмосферных вод, необходимы мероприятия по общей мелиорации площади, устройство дренажей городского типа и изменение рельефа местности, так как существовала реальная опасность затопления старого города паводковыми водами.

Учитывая эти обстоятельства, а также прочие условия, Майер считал, что дальнейшие проектные работы по планировке города следует вести исключительно в направлении уточнения и пополнения имеющихся данных техникоэкономических изысканий.

В материалах отчёта о работе Биробиджанского горсовета созыва 1932-1933 года отмечалось: «Партийное и советское руководство области намечает сейчас план размещения новостроек 1935–1936 г.г., которые послужат канвой для дальнейшего проектирования будущего Биробиджана.

Основная установка взята на сплошную компактную застройку и архитектурное оформление площади, Дома Советов и квартала, ограниченного площадью дома Советов и улицы Октябрьской, Постышевской, Партизанской. Вокруг площади Дома Советов будут расположены: 3-х этажное сданное здание клуба, трикотажная, кирпичное здание школы, 2-х этажное здание универсального магазина, жилой дом специалистов и каменное здание Дома печати, и заканчивающееся строительство 3-х этажного здания Дома Советов».

В отчёте, в разделе «Планирование города», было сказано: «Город Биробиджан все эти годы застраивался беспорядочно, беспланового и архитектурного оформления улиц и площадей не было (так в тексте – И.Б.). Только в 1933 г. практически приступлено к планированию старого города и выбора места под строительство нового города. Бригадой ГИПРОГОРа под руководством профессора Мейера составлен предварительный план нового города. В настоящее время проводится инструментальная съёмка существующего города и площадки будущего города. Затрата на планировку и съёмку города на два года выражается в сумме 280 000 рублей».

Биробиджан жил и ждал окончания работ бригады архитекторов ГИПРОГОРа. Но в ходе окончательных согласований проекта Х. Майера в августе — сентябре 1934 года произошёл неожиданный сбой. В октябре 1934 года Наркомхоз РСФСР направляет в СНК РСФСР письмо с грифом «Не подлежит оглашению», в котором называются причины отклонения проекта Майера. Суть их сводится к следующему: «Наркомхоз РСФСР сообщает, что эскизный проект планировки г. Биробиджана, разработанный ГИПРОГОРом и представленный на рассмотрение местных органов нуждается в коренной переработке, так как в мае месяце текущего года часть территории, предположенная по проекту для строительства 1 очереди, изъята Наркоматом обороны из ведения города без согласования с ГИПРОГОРом [и] к настоящему времени уже освоена в основном под строительство военного городка.

Помимо причины, указанной выше, проект подлежит пересоставлению также в силу того, что принятое ранее расчётное количество населения в 44 тыс. человек нуждается в перерасчёте в сторону

увеличения в связи [с] постановлением СНК СССР от 1.X с. г. о мероприятиях по хозяйственному и культурному развитию ЕАО.

В условиях Биробиджана изыскание новых территорий, взамен изъятых НКО и необходимых для расселения дополнительного расчётного населения, представляет значительные трудности, так как близлежащие к городу земли расположены в пойме реки и подвержены заливанию и заболачиванию. Решение вопроса о выборе новых земель может быть принято лишь после проведения значительных съёмочных и изыскательских, в частности, гидрогеологических работ».

Усилия множества организаций и специалистов, принимавших участие в создании проекта соцгорода Биробиджана в течение полутора лет оказались напрасными. Создаётся впечатление, что уже на начальном этапе работы бригады Майера в июне 1933 года военные строили другие планы, не согласовывая их с гражданскими властями. Это подтверждает и докладная записка Х. Майера от 2 июля 1933 года, в которой говорится, что «привлечение представителя штаба армии было отклонено штабом». Майер имеет в виду приглашение принять участие в обсуждении выбора места для строительства нового города, в котором приняли участие представители десятков организаций.

В Центральном государственном архиве РСФСР, под грифом «Не подлежит оглашению», имеется весьма интересный документ: «Заключение по схеме планировки г. Биробиджана, составленной Дальпрогором», подготовленный консультантом при архитектурно-планировочном управлении Наркомхоза РСФСР архитектором И.И. Федоровой.

В этом Заключении даётся общий сравнительный анализ новой проектной работы Дальпрогора, которая была начата в апреле 1935 года, и эскизного проекта Биробиджана, составленного в 1934 году под руководством Ханнеса Майера.

В нём отмечаются погрешности проекта. В частности, И. Федорова указывает на одну из причин отклонения проекта Х. Майера: «В порядке сравнения проектной работы Дальпрогора с предшествовавшей проектировкой ГИПРОГОРа можно констатировать, что в первой из них достигнута та компактность городской территории и максимальная слитность правобережной и лево-

бережной городских площадок, отсутствие которых в варианте Ганнеса Мейера послужило основанием для забракования этого варианта». В Заключении чувствуется негативное отношение к организации строительства города на новой территории — на правом берегу.

Но в этом документе видны и противоречия в оценках тех или иных сторон проекта Х. Майера и Дальпрогора и даже, на мой взгляд, откровенные недоговорённости. Так, И. Федорова отмечает, что «по заявлению автора проекта тов. Орлова, схема распределения территории Биробиджана в процессе её составления неоднократно рассматривалась на пленуме Горсовета, Президиуме облисполкома и Бюро обкома, документов фиксирующих результаты этого рассмотрения, однако не имеется».

Ряд отдельных замечаний и предложений в Заключении по проекту архитектора Орлова входит в противоречие с высказанной там же И. Федоровой мыслью о переносе строительства города на правый берег: «Исходя из целесообразности скорейшего перехода на правый берег со строительством, в том числе административных и общественных зданий, при проектировании площади, примыкающей к современному зданию облисполкома необходимо предусматривать в основном жилой характер, застройки указанной площади. В порядке установления принципа планировочного решения этой площади, представляется возможным остановиться на принципе, положенном в основу варианта 6-гранной площади с «карманом» у здания Облисполкома и с расположением по оси площади наиболее выразительного по объёму и формам объекта. С переходом в будущем облисполкома в новое здание на правом берегу центральную часть площади желательно использовать под сквер». Получается, что застройка на правом берегу Биры — ошибка Майера в проекте планировки города, а в другом месте этого же Заключения отмечается, что это необходимая целесообразность. Автор, по сути, сам себе противоречит.

Вместе с тем в этой фразе просматривается желание автора Заключения учесть национальные особенности области и города. Особенно это касается варианта решения о проектировании шестигранной площади у здания Облисполкома. Это одно из редких рассуждений на тему национальной еврейской архитектуры

в СССР. И. Федорова высказывает по этому поводу следующие соображения:

«А) Большое политическое значение дела создания и дальнейшего развития Еврейской Автономной Области, и та ведущая роль, которую в этом деле призван сыграть Биробиджан, как центр области, обязывают с особенной остротой поставить вопрос об архитектурном оформлении Биробиджана. Логические выводы из этого положения приводят к необходимости немедленного и полного отказа от современной практики применения в порядке осуществления текущего строительства безличных по стилю и низкокачественных архитектурных образцов. Биробиджан может и должен получить свое индивидуальное высококачественное архитектурное лицо на базе осуществления, указания тов. Сталина: «необходимости создать искусство национальное по форме, социалистическое по содержанию».

Б) Залогом успеха разрешения проблемы создания национальной архитектуры в Биробиджане, а за ним и в других населенных пунктах ЕАО, является тот расцвет, который можно наблюдать в настоящее время в СССР, в целом ряде отраслей Еврейского изобразительного искусства (графика, декоративное искусство в театре), которое выдвинуло ряд имен мировой известности (Худ. Альтман, Тышлер и другие).

В) В целях конкретного разрешения поставленной задачи создания новой архитектуры Биробиджана, учитывая отсутствие соответствующих местных архитектурных кадров, необходимо привлечение к этому делу высококвалифицированных мастеров архитектуры и изобразительного искусства, имеющих в центральных городах Союза (Москва, Ленинград, Украина).

С особой щепетильностью И. Федорова подходит к проектированию главного подъезда к вокзалу, который впоследствии так и не был осуществлен:

«1) Неоправданно запроектирование двух почти параллельных проездов, на расстоянии друг от друга в 80 метров, от вокзала в направлении к реке. Невозможно ориентироваться, какой из этих проездов является магистральным подъездом к вокзалу в условиях, когда один из них (Октябрьская улица) ориентирован почти на центр здания вокзала, а второй продолжением имеет через р.

Биру. Целесообразным является и запроектирование между указанными проездами зеленой полосы, так как функционально она не нужна (ширина полосы застройки от ж/д до поймы не превышает 400 метров), а в архитектурном отношении она создает большие неудобства для оформления привокзальной площади.

Проезд от вокзала к реке должен быть создан один и трасса его должна быть выбрана по одному из 2-х вариантов:

I вариант — в качестве магистрали остаётся Октябрьская улица, временная ширина её между линиями застройки 28 м, вполне достаточна для масштаба движения ряда ближайших лет, в дальнейшем при замене существующей деревянной застройки капитальными зданиями поперечный профиль улицы может быть до 40 м (с расширением до линии застройки здания Кино), то есть до размеров Невского проспекта в Ленинграде.

II вариант — одновременно с капитальной застройкой, которая неизбежно в ближайшие годы должна возникнуть в столь ответственном районе, как вокзальный, создаётся новая магистраль, идущая от оси здания вокзала по прямой к мосту, до этого времени магистралью остаётся Октябрьская улица.

Учитывая, что проезд, идущий от вокзала, должен являться одним из парадных проектов, который определит лицо города при въезде в последний следует отдать полностью предпочтение II варианту, тем более, что значительных трудностей при его осуществлении в порядке капитальной обстройки не встретится».

Несмотря на то, что проект Х. Майера был отклонён, партийные и советские органы ещё несколько лет продолжали ссылаться на разработанные бригадой архитекторов решения планировки города по переносу центра Биробиджана на правый берег Биры.

Были реализованы предложения Майера о переносе вокзала на южную сторону железной дороги. На естественном острове в центре реки был создан по его проекту уникальный девственный парк, который сегодня украшает город и является одной из главных его достопримечательностей и одним из лучших на Дальнем Востоке.

Главное здание облисполкома (ныне там находится мэрия города), а также ещё ряд деревянных построек были сооружены в

тридцатые годы в стиле Баухауз. Подтверждение этому — аналогичные по архитектуре дома, построенные в Тель-Авиве.

Генеральный план застройки Биробиджана, задуманный Х. Майером, был обречён на провал, на то, чтобы остаться символом неосуществлённой мечты о соцгороде, расположенном у подножия сопок Малого Хингана, напоминавших ему родной горный ландшафт Швейцарии. У сопки Тихонькой, символизовавшей в то время магический и таинственный Сион, должны были собираться евреи со всего Советского Союза и из многих зарубежных стран. Этот Красный Сион, зовущий и ярко светящийся до 37 года, был потушен в пылу репрессий, прокатившихся по всей стране. Ещё раньше начались репрессии в отношении иностранных архитекторов, в том числе работавших в бригаде Х. Майера. В годы сталинских репрессий Советский Союз отказался от услуг иностранных архитекторов. В 1936 году Х. Майер возвратился в Женеву, затем эмигрировал в Мехико, где работал директором Института городского развития и планирования. Умер в 1954 году в возрасте 65 лет в Швейцарии. Идеи Баухауза легли в основу целого ряда теоретических трудов и не потеряли своей научной ценности до сих пор.

Вторая половина тридцатых годов разрушила все мечты и надежды на создание Еврейской республики, а Отечественная война надолго отодвинула перспективы развития города и области. В 1962 году к проектированию Биробиджана приступил Ленгипрогор, составив за эти годы четыре проекта его перспективной застройки. И только сейчас, в последнем проекте, предусматривается развитие и застройка правого берега Биры, как запроектировал ещё более семидесяти лет назад знаменитый швейцарский архитектор Ханнес Майер.

АРХИТЕКТОР БИРОБИДЖАНА — ЛЕОНИД ПУТЕРМАН

Четыре градостроительных плана Биробиджана

Л.Н. Путерман

Поиски рабочих документов Ханнеса Майера, которые могли бы пролить свет на дальнейшую историю градостроительного плана Биробиджана, привели меня в Государственный научно-исследовательский и проектный институт Урбанистики в Санкт-Петербурге. Там я познакомился с человеком, которого по праву можно назвать лучшим знатоком Биробиджана — Леонидом Натановичем Путерманом. Только одно перечисление его регалий может занять целую страницу. Приведу лишь самые важные — главный архитектор института, председатель научно-технического градостроительного совета, доктор архитектуры, почётный академик Российской Академии архитектуры и строительных наук (РААСН), профессор Международной Академии архитектуры (МААМ), почётный строитель России, автор свыше ста научных статей и научно-исследовательских работ.

Долгие разговоры с Леонидом Натановичем о Биробиджане, о первом генплане, выполненном бригадой ГИПРОГОРа под руководством Х. Майера, выявили неподдельный интерес Л. Путермана к этой истории. Он с удивлением слушал мой рассказ о проекте города на правом берегу Биры и сожалел, что при проектировании им градостроительного плана Биробиджана в начале шестидесятых годов никто не сказал им о проведённых ранее архитектурных работах. Несмотря на огромную занятость, Леонид Натанович пообещал мне написать свои воспоминания о том, с чем столкнулись они при проектировании генплана Биробиджана, и 27 октября 2007 года, в день моего рождения, я получил от него подарок — рассказ о том, как создавались четыре градостроительных плана Биробид-

жана. Это, по сути, первый рассказ об истории архитектуры города, людях, принявших участие в создании облика сегодняшнего Биробиджана, написанный специалистом высшей квалификации. Рассказ Л.Н. Путермана приведён без сокращения.

«По Вашей просьбе направляю справку о градостроительном формировании и развитии города. О воспоминаниях не может быть и речи, т.к. все мои архивы и записи о городе, его руководителях и просто заинтересованных людях, которые находились в моём рабочем кабинете, были уничтожены катастрофическим пожаром в институте 14.03.1998 г.

Во-первых, я должен представиться Вам в творческом отношении. Являюсь руководителем и автором генеральных планов городов Владивосток, Барнаул, Петропавловск-Камчатский, Вилучинск, Благовещенск-на-Амуре, Улан-Удэ, Ашхабад, утверждённых Правительством государства, концепции градостроительного развития Санкт-Петербурга (закрытый конкурс, II премия), новых построенных городов на БАМе — Северобайкальска и Тынды, а также большого числа других городов и, в их числе, Свободного, Белогорска, Райчихинска, Елизово, Усть-Камчатска, Читы, Бийска, Чарджоу, Киришей, Кировска, Красноводска и т.д. Два года тому назад разработал генеральный план столицы государства Республика Маврикий — портовый город — Порт-Луи. Не буду называть работы по сложнейшим районным планировкам областей, краёв и республик страны.

Прошёл в институте, который до 1959 г. назывался Гипрогор, с 1959 — Ленгипрогор и прошедшие сейчас 16 лет — Российский государственный научно-исследовательский и проектный институт Урбанистики, все должности — рядовой архитектор, старший архитектор, руководитель группы, главный архитектор проектов, руководитель творческой бригады, руководитель архитектурно-планировочной мастерской № 4, которую вёл 20 лет до перехода в дирекцию. Другие сведения — при подписи статьи в конце текста.

Итак, Биробиджан. Из когорты близких по численности населения городов могу выделить его по критерию результативности градостроительных проектов и превращению его из бесформенных посёлков в уютный, обустроенный город.

Летом 1962 г. мне — молодому главному архитектору проекта и руководителю творческой бригады было поручено срочно решить вопрос размещения новой индустриальной застройки в Биробиджане. Домостроительные комбинаты находились в Хабаровске, и Биробиджан рассматривался в качестве удобного близкорасположенного потребителя. Для обследования и разработки проекта генерального плана дирекция института сформировала бригаду в составе: главный архитектор проекта — Путерман Леонид Натанович, архитектор — Бронская Ольга Абрамовна (ныне — кандидат архитектуры Мустафаева О.А.), руководитель инженерных разделов — инженер-гидротехник Шифферс Владимир Львович.

Биробиджан в градостроительном отношении представлял бессистемное поселковое образование, рассечённое Транссибом и проходящее на севере вдоль реки Биры. Сейчас трудно объяснить, почему нас тогда не ознакомили с градостроительными проектами 30-х годов, о которых Вы рассказывали. У нас в институте никаких следов от этих работ не было.

Инженерно-строительная геология Биробиджана, в основном, была сложной — крупные галечники, непригодные для защиты застройки от частых наводнений в летнее время и муссонных ливней. Размещение на востоке комбайнового завода было чревато обрастанием вблизи от него кварталами новой застройки. Процесс порочный, декларировавший тогда тезис «промышленность — город» в противовес требуемого «город — промышленность».

Ещё по дороге в Ленинград, в самолёте, мы втроём искали пути разработки генерального плана города. Нам было ясно, что существует реальная угроза сохранения поселковости и разброшенности. Один только комбайновый завод, ныне Дальсельмаш, расположенный к северо-востоку от вокзала за «американкой», с подъездными железнодорожными путями даст толчок к оседанию производств и складов в направлении к нему. В инженерно-геологическом отношении район Сопки, при всех своих сложностях связи с основной частью Биробиджана и функцией использования, с одной стороны, был удобен по геологии, а с другой — требовал создания автономного посёлка и не решал вопросы защиты сложившейся застройки в пойме Биры. Мы пришли, когда ещё были в

полёте, к идее формирования компактного городского района между вокзалом, Транссибом и Бирой, позволяющего сократить улично-дорожную сеть, сконцентрировать инженерные коммуникации, и необходимости во всех случаях строительства защитной дамбы.

Сразу после нашего доклада в дирекции было сказано, что уже были звонки из Москвы от главка градостроительства министерства коммунального хозяйства РСФСР с указанием — новую индустриальную застройку разместить на Сопке, срочно выдать задание на изыскания и в кратчайший срок представить в Москву планировку района для согласования размещения массового строительства. Мы только что пережили поиск решения по созданию города и, ясное дело, были полны контраргументами. Руководство института дипломатично разделило наше мнение, но сказала: осталось только согласовать в Москве, прекрасно понимая, во что это может вылиться.

Итак, эскиз генерального плана был положен на стол начальника главка градостроительства МКХ. На нас обрушились главспецы главка. Они, естественно, не были на площадке города, но было ясно, что нажим идёт от строителей Хабаровска. Сегодня, через столько лет после дорого обошедшегося нам «разговора», ясно, что уважаемый нами начальник главка Игорь Николаевич Ратько, прекрасный архитектор, в душе разделял нашу идею, но, как администратор, потребовал уважения к Хабаровску, которому в те годы подчинялась автономная область. Приехав в Ленинград, доложили о своём несогласии и получили указание — две недели на разработку эскиза и немедленное согласование, ибо «строители ждут».

Я не буду рассказывать обо всех наших переживаниях по Бибиджану, с которыми вообще связана наша профессия. Был второй выезд в Москву и рассмотрение эскиза в главке. Скажу лишь одно — разговор был тяжёлый, категорически требовательный. Но настойчивость главка вызвала у нас противодействие. Мы твёрдо сказали в институте: заказчик — Хабаровский краевой отдел по архитектуре и мы едем туда на доклад и рассмотрение. Трудно сейчас вспомнить детали обсуждения, но была согласована наша идея при представлении двух решений — либо город, либо система посёлков. Протокол заказчика о согласовании эскизов

планировки единого города был направлен в Москву. Был уже 1963 год, но отсутствовали инженерно-строительные изыскания, и институт имел возможность без пожарного порядка создать и разработать первый генеральный план Биробиджана в начале 1965 года.

Мало кто знает, что такое — генеральный план города. А это — сложнейшая система взаимодействия жилой среды, общественных функций, производств и складов, инженерных систем — водоснабжения, канализации, тепло- и энергоснабжения, связи, городского и железнодорожного транспорта, зелёных насаждений общего пользования, парков, садов, бульваров, устройств инженерной защиты территории и вертикальной планировки, это — влияние климата, защита от воздействия производственных выбросов, создание центров управления и обслуживания, ответственность за разрешение строительства по данным инженерно-геологических изысканий, экологическое обоснование и прогноз решения социальных проблем и задач.

Естественно, названные темы представляют лишь часть проблем, ибо каждая из них имеет разветвлённую подсистему частных направлений, это — об общем составе. Но итогом разработки их взаимодействия является создание структуры города, его функционального развития и зонирования.

Надо сказать, что период разработки первого генерального плана города совпал с введением постановления о борьбе с излишествами в архитектуре. Повсеместно планировка городских массивов была направлена на создание простейших схем организации застройки, и материалом её формирования служили один или два типовых жилых дома. В этих условиях стала объективно очевидной необходимость определения параметров общегородского центра, рассчитанного на долговременную реализацию. Поэтому в 1967 году мы разработали проект детальной планировки общегородского центра, определившего и местоположение центра города, и масштабы его пространства. Этот проект я подписывал как главный архитектор проекта, а автором была архитектор О.А. Бронская.

Конечно, за прошедшие десятилетия город смог развить его содержание, объёмы, благоустройство, но плодотворная работа

последующих за нами архитекторов явилась развитием основополагающей градостроительной идеи 1967 года. Все наши проектные материалы за годы работы по Биробиджану находятся у Вас, в архивах разного значения.

Вернёмся к генеральному плану 1965 года. Его главным достоинством надо считать организацию функциональной структуры города, выход к берегу реки Биры, внимание к собранности производственных объектов, сохранение за железнодорожного района усадебной застройки. Безусловно, этот генеральный план оказал большое влияние на концентрацию нового жилищного строительства, на трассировку улиц и магистралей. И хотя параметры расчётных показателей проекта не были достигнуты к 80-м годам прошлого столетия, он, с позиций самых строгих критических оценок, заложил основу последующего развития города.

70-е годы были для градостроительства очень важным периодом. Произошло смягчение установок, реабилитировавших право и необходимость возможного обогащения приёмов планировки и, в том числе, градостроительных узлов и комплексов. В это время в городе стала формироваться идея недостаточности спортивных сооружений, закрепление самовольно возникшего задела нового жилищного строительства в непосредственной близости для завода Дальсельмаш, который перерос в восточный район города.

Второй генеральный план Биробиджана был разработан главным архитектором и автором проекта архитектором Аллой Герасимовой Варзар. Он внёс новое направление развития города на правом берегу Биры, с размещением там парка культуры и отдыха, а также главного стадиона, появление которого обуславливалось строительством нового мостового перехода. Этот генеральный план поставил вопрос о композиционном обогащении застройки домами домостроительного комбината. Второй задачей проекта стала организация западного складского района. Получили развитие уровни социального обслуживания населения, повышение нормы жилищной обеспеченности, зелёных насаждений. Все эти территориальные мероприятия исходили из фундаментальных решений первого генерального плана города и обогатили его предложениями по развитию системы общественных центров районного значения. Генеральный план, впервые для города, рассматривал

акваторию реки Биры в качестве важнейшей планировочной оси, заслуживающей размещения на её левом, городском берегу архитектурно-композиционных узлов. Так было в проекте.

Второй генеральный план создавался в руководимой мной творческой архитектурно-планировочной бригаде, которая являлась одной из структур архитектурно-планировочной мастерской №4, и, по положению, моя должность не вводилась ни в штамп института, ни в текстовую часть, хотя руководитель бригады являлся, *de facto*, одним из участников работы.

Прошли годы, начало изменяться отношение к градостроительству, но сохранялся принцип — не хватает мощности какого-либо инженерного сооружения по обслуживанию города — значит, надо строить новое. Так, в конце 80-х годов встал вопрос о нехватке тепла, и Хабаровский Промстройпроект занялся не модернизацией существующих источников теплоснабжения, а размещением второй ТЭЦ и нового, северо-восточного, промышленного узла, ориентированных на рост города. Отмечу, что надо знать отличие — рост и развитие. Первый требует поглощения всех ресурсов, второй — направлен на эффективное использование существующих, что позволяет исключить диспропорцию и безусловную незавершённость замысла.

В это время начиналась работа над третьим генеральным планом города, и для нас полной неожиданностью было появление проектных материалов по созданию нового промузла. Надо сказать, что я много лет занимался проблемой — градостроительство и метеорология — и ещё в своей кандидатской диссертации разработал новое понимание — полей инверсионного загрязнения пространства и, следовательно, уязвимости города. Зная особенности окружающего Биробиджан рельефа и микроклимат, неспособность Хабаровскпромпроекта к анализу опасности ТЭЦ-2, я принял на себя, как руководитель архитектурно-планировочной мастерской №4, научное руководство проектом, автором и главным архитектором проекта генерального плана которого была назначена Эмилия Сергеевна Горбачёва.

Моя научная оценка складывающейся ситуации показала реальную опасность подверженности города задымлению от второй ТЭЦ. Я пригласил для детальной разработки этой проблемы нашего

многолетнего консультанта и соавтора из главной геофизической обсерватории имени Воейкова — доктора географических наук, профессора Елену Никаноровну Романову. Итог её исследования — подтверждение «диагноза», высказанного мной, и принятие нами решения о необходимости запрещения размещения новой ТЭЦ на выбранной площадке. Все связанные со строительством ТЭЦ административные органы и проектные организации были незамедлительно оповещены о реальной ситуации.

Но тема — ТЭЦ-2 — была актуальна, и для решения вопроса мы выбрали новую площадку для промузла южнее существующего города и резервных территорий его развития. К счастью, экономические проблемы региона сняли с повестки дня идею строительства новой ТЭЦ и промузла. Так что эта тема, в историческом плане развития города, остаётся только на хранящихся в городе чертежах и пояснительных записках генерального плана 1990 года.

Несколько слов об этом проекте. Я рассматриваю его как наиболее удачный результат разработки структуры города уже в третьем поколении во всех направлениях градостроительного формирования Биробиджана. Естественно, он был оптимистичен, и то, что многое из его положений, к сожалению, не реализовано, было обусловлено государственной экономикой.

В конце 2006 года я вёл заседание научно-технического градостроительного совета нашего института Урбанистики по новому генеральному плану Биробиджана и в дальнейшем подписывал проектные материалы как главный архитектор института. Я не могу высказываться о генеральном плане четвёртого поколения, т.к. в городе предстоят его общественные обсуждения и, в последующем, утверждение в органах власти».

Р.С. Леонид Натанович Путерман, несмотря на преклонный возраст, приходил в институт и консультировал коллег по работе, насколько хватало сил. Он умер в Санкт-Петербурге в марте 2011 года. Новый генеральный план, в который были вложены его мысли, знания и любовь к Биробиджану, принимался уже с широким общественным обсуждением и участием представителей института Урбанистики, депутатов, населения и властей нашего города. Новая редакция генерального плана Биробиджана разработана на период до 2025 года и утверждена Биробиджанской городской Думой.

АЛЕКСАНДР БАХМУТСКИЙ. «КАРДИНАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДНЯ».

Вторая попытка возрождения ЕАО

Вторая попытка возрождения Еврейской автономной области пришлось на послевоенный период. Прошедшая война наложила тяжёлый отпечаток на сознание народа, пережившего трагедию людских потерь, счёт которых шёл на десятки миллионов человеческих жизней. Война также отодвинула на второй план и частично сгладила негативный резонанс в обществе от репрессий 1937-1938 годов, объединив людей на фронте и в тылу во имя единой цели — победы над фашизмом. Послевоенное строительство в области должно было укрепить заложенные первыми переселенцами основы в развитии Еврейской автономии. Этому способствовал и ряд внешних обстоятельств: разрушенные в европейской части России предприятия, отсутствие жилья, работы ускорили принятие правительством постановлений о развитии области и целенаправленном переезде в Биробиджан новых переселенцев. Эшелоны вновь пошли на восток.

Но эта вторая попытка стала ещё одной трагической страницей в истории нашей области. Она берёт начало в 1943 году, когда в область приезжает Александр Наумович Бахмутский, которого сразу избирают первым секретарём обкома ВКП(б). А. Бахмутский родился в 1911 году в городе Белгороде Курской области в семье служащего. После окончания в 1927 году школы-семилетки поступил в ФЗУ, затем был направлен на комсомольскую работу. В 1932 году он вступает в ряды ВКП(б), а на следующий год его направляют на партийную работу на Московский электромашиностроительный завод «Динамо». В 1937 году А. Бахмутский решением ЦК ВКП(б) утвержден начальником Главного управления Наркома коммунального хозяйства РСФСР. В следующем году его переводят в Дальневосточный край на должность заместителя заведующего советско-торговым отделом Далькрайкома ВКП(б), а затем избирают первым секретарём Хабаровского горкома пар-

тии. С 1939 по 1943 годы А. Бахмутский работал заместителем председателя исполкома Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся, после чего в апреле 1943 года был кооптирован в обком ВКП(б) Еврейской автономной области, сменив на этом посту П.В. Савика. Это самый молодой секретарь обкома партии за весь период партийной власти в области — ему было всего 32 года. Биография А. Бахмутского, была не столь разнообразной и богатой, в том числе связями с еврейскими организациями в СССР и за рубежом, с творческой интеллигенцией, как у И. Либерберга. Как считает Д. Вайсерман, его назначение в область было связано со слабой работой предшественников, так как вместе с его приходом был заменён ещё ряд партийных руководителей, в том числе в городе Биробиджане были утверждены редактор газеты «Биробиджанская звезда» М. Фрадкин и начальник ОУНКВД С. Красильников. Молодость и энергия, общительность и коммуникабельность Бахмутского должны были компенсировать отсутствие у него высшего образования и знания языка идиш.

Д. Вайсерман называет его «Биробиджанским мечтателем», считая, что Александр Бахмутский, уже знавший об отсутствии согласования в Москве главного вопроса — создания Еврейской республики в Биробиджане, всё же пытался решить этот вопрос, подойдя к нему с другой стороны — рассчитывая привлечь в поддержку своих устремлений зарубежную прессу, общественные организации. Бахмутский считал, что международная поддержка и помощь подвигнет правительство страны быстрее принять так необходимые для Биробиджана решения об изменении статуса автономии. Возможно, что этот до конца непродуманный и даже отчаянный шаг, сделанный им из желания во что бы то ни стало добиться своей цели, мог быть списан тогда на его молодость и отсутствие жизненного опыта. Но вторая попытка создания Еврейской республики была обречена на провал и по другим причинам.

Послевоенная обстановка в СССР — восстановление разрушенных городов в западных областях СССР, голод (до 1947 года действовала ещё карточная система), отсутствие работы, жилья в большинстве разрушенных войной городов и сёл, и всё это на фоне

начинавшейся холодной войны с бывшими союзниками — не способствовала нормализации внутривнутриполитической обстановки.

На волне великой Победы, по праву имея на то все основания, активизировал свою деятельность Еврейский антифашистский комитет, приобретая всё большее влияние в стране и за рубежом, что вызывало крайне негативную реакцию Сталина и, в конечном счёте, привело в действие репрессивную государственную машину. Антисемитский характер репрессий не вызывал сомнений.

Эта кампания, начавшаяся под лозунгами борьбы с «буржуазным национализмом», «безродным космополитизмом» и последовавшим затем «Делом врачей», в жернова которой попали весь цвет еврейской интеллигенции страны, а также руководство Еврейской автономной области, по некоторым данным должна была закончиться поголовным выселением евреев в сибирские и магаданские лагерные гетто. И лишь смерть Сталина остановила безумство антисемитских репрессий и гонений. Только недавно, впервые, в книге «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938-1953» под редакцией академика А.Н. Яковлева (составитель Г.В. Костырченко) были обнародованы документы из центральных архивов страны (ГАСПИ, РГАНИ, ЦАФСБ РФ), посвящённые этой теме и являющиеся одним из ценнейших источников информации о сталинских репрессиях. В одной из её глав приведены материалы, связанные с личностью А. Бахмутского и его ближайшим окружением.

В последние годы, кроме вышеназванных источников, стали доступны и другие документы: уголовное дело № П-80190, получившее название «Биробиджанское дело», в которое, кроме А. Бахмутского, вошло ещё семь человек — руководителей области. Из киевских архивов удалось получить материалы статей за 1945-1949 годы из периодических изданий «Эйникайт», «Нае лебн», альманаха «Биробиджан» и, конечно, «Биробиджанской звезды», где, несмотря на огромный официальный материал, печатались отдельные статьи по рассматриваемой нами проблеме.

Отсутствие публицистической литературы, изданной в послевоенные годы об этих событиях, вероятно, следует связать с начатой «войной» внутри страны, развёрнутой Сталиным против интеллигенции через десять лет после репрессий 1937-38 годов.

Даже после реабилитации репрессированных такая литература издавалась самиздатом или публиковалась впоследствии за рубежом, так как тема репрессий в те годы была под запретом в СССР. Пример тому — отсутствие книг, статей биробиджанских писателей на тему сталинских репрессий в пятидесятые годы. Даже несколько десятилетий спустя, после их возвращения из лагерей, страх владел ими. Вместе с тем о событиях конца сороковых годов можно прочесть в монографии Я. Бабицкого, опубликованной в Израиле, где А. Бахмутский упоминается 25 раз.

Только в последние годы тема политических репрессий, наконец, вышла из тени умолчания. Под руководством губернатора области А. Винникова был образован оргкомитет, взявший на себя функции по подготовке и изданию Книги Памяти жертв политических репрессий, где фигуре А. Бахмутского было отведено достойное место. Появившаяся недавно дополнительная информация позволяет по-новому оценить его роль и значение в истории области.

При внимательном рассмотрении и анализе деятельности А. Бахмутского мы сталкиваемся с уже знакомыми нам предложениями, сформулированными И. Либербергом ещё в период образования автономии, которые касались перспектив промышленного и сельскохозяйственного освоения, научно-технического подхода и, конечно, национально-культурного развития области. Именно поэтому можно говорить о преемственности взглядов и действий по целому ряду вопросов, касающихся перспектив развития автономии.

Сопоставление деятельности этих руководителей правомерно и обоснованно, несмотря на принадлежность А. Бахмутского к областному партийному аппарату, а И. Либерберга — к советскому. Будучи молодым партийным лидером, он смог привести в движение механизм партийной и советской машины с целью возрождения ЕАО. А. Бахмутский сумел выстроить отношения с руководителем облисполкома М. Зильберштейном, а затем сменившим его М. Левитиным. Какой-либо информации о проблемах их взаимоотношений ни в одном материале не приводилось. За всеми инициативами, исходящими от обкома ВКП(б) и облисполкома, чувствовалась его воля и целеустремлённость. В то же

время следует признать, что у И. Либерберга, несмотря на его авторитет и обширные связи, были определённые проблемы во взаимоотношениях с М. Хавкиным, первым секретарём обкома ВКП(б), и его окружением, что нашло отражение в воспоминаниях Э.Розенталь-Шнайдерман — деление вокруг этих руководителей на группировки — «киевских» и «смоленских», несомненно, вредило работе. Конечно, необходимо признать и большое различие между ними в уровне образования, наличии связей среди еврейской интеллигенции, учёных, писателей, поэтов, руководителей еврейских общественных организаций как в СССР, так и за рубежом и, разумеется, в кремлевских коридорах власти.

В показаниях А. Бахмутского, данных в ходе допросов после его ареста и в Информации, подготовленной представителями ЦК ВКП(б), присутствовавшими на VII областной партийной конференции, на имя Секретаря ЦК ВКП(б) Г. Маленкова¹, где подробно излагаются все его «недостатки» в работе, а также ошибки, допущенные бывшими руководителями области, отмечается, что только в 1944 году он стал членом Еврейского антифашистского комитета, тогда же установил связь с газетой «Эйникайт» и начал переписку с американской организацией «Амбиджан».

Можно не сомневаться, что информация Г. Маленкову преподносилась в искажённом свете и носила предвзятый характер, но в то же время этот документ представляет собой собранный за несколько лет деятельности А. Бахмутского фактический материал, отражающий реальные дела в области, показывает направление усилий партийного и советского аппарата по решению задач развития области. За этот период было проведено большое количество различных мероприятий, и представители ЦК Никитин, Матюшкин, Ракушин преподнесли деятельность А. Бахмутского и М. Левитина, а также их окружения, в негативном свете с целью дискредитации.

В материалах «Биробиджанского дела» А. Бахмутскому отводится руководящая роль. По его признательным показаниям, а также письму, направленному им на имя Г. Маленкова с просьбой разобраться с обвинениями, выдвинутыми в его адрес, по

¹ Г.М. Маленков ведал Управлением кадров в ЦК ВКП(б). Это управление, по мнению Г.В. Костырченко, выступало в качестве генератора государственного антисемитизма в стране.

другим документам, «разоблачающим» биробиджанскую группу руководителей во главе с первым секретарём обкома ВКП(б), Д. Вайсерман приводит пять ошибок А. Бахмутского. Именно на анализе этих ошибок был построен доклад А. Ефимова, первого секретаря Хабаровского крайкома партии на VII областной партийной конференции, состоявшейся в июле 1949 года. Этот доклад стал приговором, так как впоследствии все названные в нём люди были арестованы и осуждены на разные сроки.

При прочтении этих документов под другим углом зрения положение дел предстаёт в ином свете, что дает нам возможность увидеть основные направления деятельности руководителей области, их стремление использовать все имеющиеся возможности для её развития.

Вполне вероятно, что такая позиция сформировалась у А. Бахмутского в 1944 году под влиянием его встреч в Москве с руководителями Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), еврейскими писателями, журналистами, с которыми он там впервые познакомился, затем встречался в Биробиджане и вёл переписку.

В 1946 году А. Бахмутский открыто заявил, выступая с докладом в редакции газеты «Эйникайт», о том, что область при условии дальнейшего развития экономики, культуры и заселения её территории может быть преобразована в автономную республику. В этом выступлении были обозначены его серьёзные намерения по преобразованию ЕАО. Об этом свидетельствует и его последующая практическая деятельность.

К первым значимым для области шагам, нашедшим отклики и поддержку внутри страны и за рубежом, следует отнести решение о создании еврейских детских домов. Это была совместная инициатива А. Бахмутского и М. Зильберштейна. Ещё не закончилась война, а в области уже начали ощущаться первые проблески возвращения к обычной жизни. Ещё отправляются на фронт снаряды, повозки, парашюты, зерно, картофель, овощи, продукты животноводства, а партийная и советская власть области уже начала строить планы по укреплению народного хозяйства и воспитанию детей, оставшихся сиротами в годы войны.

В феврале 1945 года бюро обкома ВКП(б) и исполком областного Совета, рассмотрев инициативу колхоза «Валдгейм» об ор-

ганизации детского дома, принимают важное решение, ставшее ориентиром для предприятий и жителей всей области. Общее собрание членов колхоза решило организовать и содержать на свои средства детский дом на 20 детей, оставшихся без родителей. Инициатива валдгеймских колхозников была рекомендована для обсуждения и организации аналогичных детских садов в других колхозах и предприятиях области. Эта инициатива нашла поддержку и со стороны «Амбиджана», начавшего отправку подарков в Биробиджан для детей сирот.

То, что война близилась к концу, стало ощущаться и в подходах партийных, советских органов местной власти к вопросам развития культуры и искусства в области. Состоявшийся в марте 1945 года Второй областной смотр художественной самодеятельности привлёк внимание обкома ВКП(б), который, возможно, впервые провёл совещание по его итогам, наградив участников ценными подарками, отобрав номера на заключительный концерт, а также для участия в краевом конкурсе. При подведении итогов был выявлен и ряд недостатков, в числе которых впервые за многие годы было отмечено, что в области лишь в небольшой степени показано национальное еврейское самодеятельное искусство, что является большим недостатком смотра художественной самодеятельности. В местной прессе появляются небольшие заметки о еврейских писателях, поэтах, живущих и работающих в Биробиджане. Это была первая информация, говорящая об изменении отношения партийной власти к вопросам развития еврейской культуры и искусства ещё до того, как закончилась война.

Первый послевоенный год внёс много нового или, скорее, возвратил область к ранее рассмотренным и поднятым ещё И. Либербергом вопросам развития еврейской культуры и языка идиш. Год начался с проведения учредительного собрания отделения Географического общества Академии наук СССР в Еврейской автономной области. Отдел поставил перед собой цель: изучение географии, археологии, этнографии, геологии, флоры и фауны, истории области, участие в географических изданиях Академии наук СССР. К работе отдела Географического общества намечено было привлечь научных работников, преподавателей истории и географии, агрономов, врачей, работников культпросветучреждений.

Принятое в начале года первое Постановление СНК РСФСР от 26 января 1946 года «О мероприятиях по укреплению и дальнейшему развитию хозяйства Еврейской автономной области» среди прочего предусматривало отправку в область 50 учителей и 20 врачей преимущественно еврейской национальности. Подготовленное следом решение секретариата ЦК КПСС от 4 апреля 1946 года «О мерах помощи обкому ВКП(б) Еврейской автономной области в организации массово-политической и культурно-массовой работы среди населения» дало возможность увеличить тираж газеты «Биробиджанская звезда» с семи до десяти тысяч экземпляров, периодичность выпуска газеты «Биробиджанер штерн» возросла с одного до трёх раз в неделю, был решён вопрос об издании литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Биробиджан» объёмом в шесть печатных листов. В 1946 году намечалось приобрести 50 тысяч экземпляров политической, художественной и научно-технической литературы, новую киноаппаратуру, музыкальные инструменты, радиорепродукторы и т.п.

Практически в то же время правительства СССР и Российской Федерации принимают свои постановления по укреплению и дальнейшему развитию ЕАО, которые связаны с планами нового этапа строительства автономии. В тот период была развёрнута большая работа по подготовке к встрече и приему новых переселенцев. Газета «Биробиджанская звезда» посвящает этой теме целую страницу. Со статьёй о подготовке к встрече переселенцев выступает М. Зильберштейн. Газета сообщает, что в область поступают сотни писем, как коллективных, так и индивидуальных, от учёных, педагогов, врачей, агрономов, зоотехников, электриков, слесарей, токарей, железнодорожников, сапожников, портных, пекарей, парикмахеров и представителей других профессий.

Май 1946 года стал месяцем наиболее активных действий партийных и советских органов области. В этот период при участии А. Бахмутского принимается совместное постановление к 30-летию со дня смерти Шолом-Алейхема, в котором был предусмотрен ряд мероприятий, в том числе проведение на предприятиях, в колхозах и учреждениях, школах докладов, бесед, вечеров, передач на радио о жизни и творчестве Шолом-Алейхема. Специальную концертную

программу из произведений писателя должен был подготовить театр им. Кагановича. Б. Миллеру было поручено выступить с докладом на торжественном вечере, посвящённом этой дате, но самым знаменательным было решение: «Предложить Биробиджанскому горисполкому переименовать одну из улиц города Биробиджана в улицу им. Шолом-Алейхема». Как известно, Биробиджанский горисполком через несколько дней принял своё решение и присвоил имя Шолом-Алейхема главной улице Биробиджана. В местных газетах публикуются статьи, посвящённые великому еврейскому писателю, проводится смотр художественной самодеятельности. Газеты публикуют сообщения о готовности предприятий, колхозов к встрече переселенцев. В прессе появляется ряд статей, подготовленных научными сотрудниками Биробиджанской опытной станции и посвящённых выращиванию картофеля, плодовоовощных и других культур, произрастающих на территории области, а также на краеведческую тему, подготовленных научными сотрудниками Биробиджанской опытной станции.

В октябре 1946 года в газете «Биробиджанская звезда» впервые после репрессий конца тридцатых годов была напечатана большая передовица, целиком посвящённая вопросам пропаганды и агитации на родном языке трудящихся. В ней был дан подробный анализ состояния этой работы как в городе, так и в районах области, выявлены проблемы и пути их решения. Несмотря на то, что в начале статьи речь идёт об общих вопросах партийной пропаганды и политической работы на родном языке, весь материал посвящён анализу ведения работы на еврейском языке в трудовых коллективах. Такая передовица в те годы не могла быть напечатана без визы секретаря обкома ВКП(б) по пропаганде З. Брохина и согласования с А. Бахмутским и М. Зильберштейном, так как высказанные в ней критические замечания касались, в том числе, и деятельности отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б). В ней отмечалось, что вопрос пропаганды и агитации на родном языке был обсуждён на бюро обкома ВКП(б), которое «сурово осудило недооценку политического значения этого дела. Горкому и райкомам партии предложено принять действенные меры по развёртыванию пропагандистской, массово-политической работы и культурного обслуживания на родном языке».

Ещё одним показателем изменения политического барометра в области, а также положительной реакции на передовую статью о пропаганде и агитации на родном языке явилось рассмотрение отчета «О работе областного краеведческого музея за 1945-46 гг.» на заседании областного Совета депутатов трудящихся.

В отчёте о первом годе работы музея отмечается, что с большими трудностями он был открыт 10 июня 1945 года. Из утверждённых государственной комиссией 13 штатных единиц на 15 августа 1946 года было оставлено только 7 человек, в том числе: директор, зам. директора по научной работе, зав. отделом еврейской культуры, научный работник, художник, главный бухгалтер и уборщица. Фонд музея состоял из 1000 экспонатов и небольшой научной библиотеки в количестве 700 книг, среди которых имелись редкие издания. В музее были представлены отделы: природы; историко-революционный; социалистического строительства и еврейской культуры.

Отдел социалистического строительства включал в себя разделы: «Переселение евреев»; «ЕАО — сегодня; промышленность и сельское хозяйство»; «Культура и быт ЕАО»; «Еврейская автономная область в годы Великой Отечественной войны».

Отдел еврейской культуры был представлен наиболее широко: «Евреи в средневековье»; «Старый быт евреев»; «Евреи в истории мировой культуры»; «Еврейская культура до революции и в годы войны»; «Евреи — художники, скульпторы, писатели и композиторы»; «Евреи и революционное движение»; «Участие еврейского народа в Великой Отечественной войне».

В кратком перечислении экспонатов этого раздела в отчёте приводятся названия ряда художественных картин — «Жертва фанатизма», «Субботнее посещение» и др., фотографии, документы, копии редких изданий и предметы религиозного культа и быта, иллюстрирующие жизнь евреев в средневековье и в царской России. Были представлены фотографии евреев — деятелей мировой культуры: художников, писателей, композиторов и т.п., а также портреты евреев — героев Великой Отечественной войны, генералов, крупных революционных деятелей.

Б. Слуцкий, писатель и библиограф, стал руководителем отдела еврейской культуры и работал в музее над составлением биогра-

фическо-библиографической картотеки еврейских писателей, художников, композиторов. Составлялся также научный архив, монографии о жизни и творчестве еврейских писателей, погибших в боях за Родину. Представляет определённый интерес информация о переданных в печать статьях на научные темы, в том числе «ЕАО и её перспективы», «История еврейской культуры», «Еврейский народ в Великой Отечественной войне» и др. К сожалению, в отчёте не было указано, в какие издания они направлены.

Как отмечалось, музей держит тесную связь с кабинетом еврейской культуры при Академии наук УССР, краевым музеем и ведёт переписку с научными силами страны.

Учитывая, что были ещё свежи в памяти события войны, в разделе «Намеченные работы» планировалось открыть новые разделы: «В фашистском гетто» и «Евреи-партизаны», а также организовать уголок «Депутаты нашей области». Коллектив музея поставил перед собой важную задачу превратить музей в очаг культурно-просветительной пропаганды среди трудящихся и научно-исследовательскую институцию по всестороннему изучению богатств области и возможности их практического использования.

В отчёте были указаны и проблемы, с которыми сталкивается музей, в их числе слабая материальная база, необходимость помощи в передаче книг для музея, которые находятся в архиве МВД, а также в сборе экспонатов среди трудящихся области и за её пределами. Для этих целей музей просил откомандировать сотрудника на запад для сбора материалов и решения вопроса об оставшихся экспонатах Одесского музея им. Менделе Мойхер-Сфорима, о материалах еврейских художников Америки и т. д.

Данные запросы работников музея говорят о том, что, несмотря на прошедшие девять лет после расстрела И. Либерберга, в области помнили о его планах по переводу этого музея в Биробиджан. Перед правительством ЕАО был поставлен вопрос о возвращении картин американских художников, подаренных Биробиджану в 1936 году, а также экспонатов сельскохозяйственной выставки в Москве, в подготовке которой принимали активное участие профессор Б. Брук и ряд известных еврейских художников.

Обсуждение отчёта краеведческого музея — одной из важных сторон строительства культуры области, было вынесено и на

страницы областной газеты в статье Б. Слуцкого «Музей и его посетители». Из поднятых в ней вопросов следует отметить его смелые высказывания о роли и месте областного музея, который ранее был одним из проектов И. Либерберга. Б. Слуцкий пишет в статье: «Как музей области, являющейся государственным образованием советского еврейского народа, он не может быть узко краеведческим, а должен давать более широкое представление о жизни еврейских масс в Советском Союзе, об их национальной культуре».

Достойно быть отмеченным, что отдел еврейской культуры больше всех других привлекает внимание посетителей, особенно интеллигенции, учащейся молодёжи, военнотружеников. Пояснения, которые здесь даются, зачастую превращаются в импровизированные лекции по отдельным вопросам истории, культуры и быта еврейского народа».

Но ещё до обсуждения отчёта в газете появилась статья Г. Гринберга, директора областного краеведческого музея, в которой были обозначены основные направления работы. Гринберг также считал, что «такой музей не может быть только краеведческим. Он должен шире отражать культуру и быт еврейских трудящихся масс в Советском Союзе». Он подтверждает, что «ведутся переговоры с соответствующими лицами и учреждениями о передаче уцелевших экспонатов музея им. Менделе Мойхер-Сфорим, о получении некоторых экспонатов из ленинградского этнографического музея, а также специально предназначенных для Еврейской автономной области экспонатов, которые хранятся сейчас в Московском государственном музее искусств. Мы ведем систематическую переписку с рядом научных учреждений, писателей, художников, учёных страны».

Учитывая, что любые публикации в прессе в те годы, особенно касающиеся вопросов, связанных с национальной тематикой, проходили через сито партийного отдела газеты и обязательно должны были получить «добро» в областном партийном комитете, представляется, что данные оценки в статье были заранее согласованы. Как видно, музею придаётся далеко не местное краеведческое значение, а его претензии на создание всероссийского центрального музея истории евреев, с одной стороны,

вызывают уважение, а с другой — приводят к мысли, что они имели поддержку на самом «верху».

Одним из аргументов, окончательно позволивших сделать вывод о том, что А. Бахмутский предпринимал активные попытки использовать опыт И. Либерберга в управлении областью, являются обнаруженные газетные информации о создании научно-технического совета при областном плановом отделе. Найденные затем архивные документы подтвердили, что в области было разработано положение о новой структуре, напоминавшее о первых шагах либербергской Научной комиссии при облисполкоме, имевшей, правда, самостоятельный бюджет, постоянный штат и самые широкие полномочия.

Газетная информация за подписью М. Друяна (председателя плановой комиссии Биробиджанского горисполкома) преподносит эту инициативу как необходимость перенять одесский опыт работы. Однако за всей этой новизной, при детальном рассмотрении предлагаемого состава совета, просматриваются серьёзные шаги по созданию мозгового центра при областной плановой комиссии, который мог бы взять на себя рассмотрение и решение серьёзных задач, стоящих перед областью.

В ноябре 1946 года на заседании исполкома областного совета, которое проводил М. Зильберштейн, принято решение «Об организации научно-технического совета при областной плановой комиссии». В его решении было записано:

«1. Одобрить предложение инженерно-технических работников Биробиджана об организации научно-технического совета при областной плановой комиссии.

2. Утвердить временное положение о научно-техническом совете, согласно приложения.

3. Поручить гг. Друяну, Грузу и Мирлину провести организационное совещание инженерных работников, изъявивших желание работать в совете».

В положении о научно-техническом совете было сказано, что этот орган является добровольной организацией научных и инженерно-технических работников, проживающих как в самой области, так и за её пределами, и создаётся в целях привлечения их к участию в разработке вопросов развития и строительства

народного хозяйства Еврейской автономной области. Учитывая, что в области после репрессий 1937-1938 годов, а также войны, унесших жизни тысяч людей, осталось крайне мало специалистов, инженеров, учёных, было принято решение об обращении в другие регионы с целью привлечения их к участию в работе Научно-технического совета.

Положением совета было предусмотрено создание восьми секций: жилищно-коммунального строительства и стройматериалов, лёгкой и местной промышленности, энергетики и топлива, промышленного строительства, по изучению режима и использованию рек области, по изучению путей развития и перспектив области, сельскохозяйственной и организационно-плановой. Руководство работой совета возлагалось на президиум, который избирался членами совета и состоял из председателя и членов — руководителей секций.

На собрании инициативной группы председателем президиума был избран Друян, руководителями секций — Беркович, Слуцкий, Горностаев, Кадинер, Мирлин, Вайсман и Спиваковский.

Следует признать, что проводимая А. Бахмутским и М. Зильберштейном политика развития ЕАО находила активную поддержку и за рубежом. Американский журнал «Най-Лебн», издававшийся на идише и английском, регулярно печатал как авторские материалы о Биробиджане, так и хронику, где отражались наиболее значимые информационные события из жизни ЕАО. Авторы многих статей в этом издании в основном были приверженцами Биробиджанского проекта, в отличие от материалов, которые публиковались в том же американском «Форвертс».

Одной из наиболее важных публикаций зарубежных авторов за 1946 год, на наш взгляд, следует считать статью Уильяма Дж. Блейка «Биробиджан — перекрестки судьбы». Масштабность его взглядов поражает и сегодня. Писателю удаётся показать Биробиджан в геополитическом пространстве, его состояние и перспективы. Он не боится рассматривать область как центр будущей макроэкономической схемы, которая соединяет Европу и Азию — подразумевая Маньчжурию, Корею, Китай, Японию.

Уильям Дж. Блейк как экономист и стратег оценивает возможности развития области на основе промышленного роста с учётом

использования полезных ископаемых, называя, на его взгляд, наиболее важные из них ресурсы и направления: уголь, железо, гидроэлектроресурсы, металл, развитие транспорта, сельского хозяйства, инфраструктуры — и увязывая всё это с необходимостью прироста населения, которое должно составлять, по его предположениям, 500000 человек. Он предвидит перспективное развитие и новый статус ЕАО в будущем.

Блейк понимает, что фашизм и послевоенная обстановка в мире привели к решению вопроса о переселении евреев в Палестину. Он сопоставляет Палестину и Биробиджан — эти две еврейские страны — с разных позиций и, в конце концов, отдает предпочтение Биробиджану. Только в XXI веке будут происходить предсказанные им события.

Весьма неординарным материалом следует считать публикацию в следующем номере этого журнала изложения беседы П. Новика с главой Московской религиозной общины Шмуэлем Бобруцким, главным раввином Шлоймо Шлифером. Это один из редких документов, в котором религиозные деятели высказываются в поддержку Биробиджана. «Во время беседы, — пишет Новик, — Ш. Бобруцкий отметил, что в Биробиджане строится синагога, что евреи недостаточно делают для построения области, но он подчеркнул, что евреи, которые находятся в настоящее время в области, сделали столько для индустриального и культурного строительства, что можно себе представить, каким будет Биробиджан, если еврейское население ещё вырастет. Бобруцкий указал, что Биробиджан имеет значение для всех евреев. ... Промышленный и культурный расцвет области поможет закрыть рты всем, кто разносит по зарубежным странам старые басни о том, что евреи могут только торговать. ...Он считает, что теперь больше евреев поедет в Биробиджан...».

Растущий интерес к Биробиджану давно перешагнул границы СССР. 1947 год стал для развития области самым многообещающим. Год начался с широко проводимой кампании по выборам депутатов Верховного Совета РСФСР. От Биробиджанского избирательного округа № 178 на собрании медицинских работников и сотрудников областной больницы был выдвинут Ратнер Шахно Израилевич, заведующий кафедрой терапии

Хабаровского медицинского института, доктор медицинских наук, профессор.

Эта кандидатура с воодушевлением была поддержана в области. Ш. Ратнер, как отмечал на собрании главный врач больницы Я. Миценгендлер, не раз приезжал в больницу для консультаций и пользовался любовью и уважением среди населения, медицинских работников и в научном мире. В обсуждении кандидатуры Ратнера приняли участие его бывшие студенты, работавшие врачами в областной больнице. В газете особо выделяется выступление Р. Рузаль, медицинской сестры, и отмечается, что она говорила на еврейском языке и высказала своё мнение о беспартийном Ратнере, подчеркнув, что «вся его деятельность партийна в лучшем смысле этого слова».

После избрания Ш. Ратнера депутатом его приглашают на встречу с президиумом ЕАК и редакцией газеты «Эйникайт», где присутствовали еврейские писатели. Среди выступающих были председатель ЕАК, народный артист СССР, профессор С. Михоэлс, поэт Давид Горштейн, писатели Давид Бергельсон и Борис Миллер, главный редактор «Биробиджанер Штерн».

С. Михоэлс на встрече заявил: «Одно из славных достижений ленинско-сталинской национальной политики является строительство еврейского государства в СССР. Вот почему каждый новый успех в этом отношении вызывает у всех нас такое большое ощущение счастья, гордости и вдохновения».

Мы просим наших уважаемых гостей передать наш сердечный привет строителям еврейской области. Мы обещаем любое содействие в их большой и жизненно важной, исторической работе».

Это высказывание С. Михоэлса следует считать одним из немногих важных свидетельств о его взглядах по вопросу, где должна быть построена еврейская республика.

В своём выступлении профессор Ш. Ратнер заявил: «Я горжусь тем, что был избран депутатом от ЕАО. ...На моих глазах область растет и расцветает. ...Как депутат я повседневно ощущаю большой интерес еврейских рабочих к строительству еврейского государства. Не проходит и дня, чтобы я не получал пачки писем из различных городов, где люди разных профессий просят меня помочь им переехать в Биробиджан. Здесь, в Москве, я тоже

встретил многих людей, которые говорят мне о желании переехать в ЕАО. Рабочие, инженеры, учёные и другие подходят ко мне по этому поводу. Многие письма такого рода также приходят в исполком ЕАО.

Ясно, однако, что процесс иммиграции в ЕАО должен быть тщательно спланирован и увязан со строительством новых домов. Только при таком условии и будет наблюдаться нормальный рост еврейской территории. Область нуждается во всё большем количестве рабочих для фабрик и заводов, колхозов и других предприятий».

Активная поддержка области, её планов и устремлений была и за рубежом. «Най-Лебн» печатает почти в каждом номере статьи о Биробиджане. Эта была политическая площадка, где выступали люди, знавшие о ЕАО не понаслышке, и те, кто просто сочувствовал и желал внести свой посильный вклад, перечислив несколько десятков долларов для строительства области. На страницах журнала появлялись статьи журналистов из Биробиджана и перепечатки о нём из других изданий.

Высоким пафосом была насыщена статья сенатора от штата Кентукки Албена Б. Беркли «Биробиджан — символ мира и прав меньшинства», которая составлена из фрагментов его речи, произнесённой им на обеде, данном Американским Биробиджанским Комитетом. Сенатор, в частности, сказал: «Зная все обстоятельства, сопутствующие возникновению и развитию ЕАО, мы должны заявить об этом с уверенностью. Кровь начинает пульсировать быстрее, когда мы осознаем, что можно забыть о национальном происхождении, языках, теориях, философии, идеологии, когда видишь в Биробиджане что-то вроде божественной искры, горящей в сердцах мужчин, женщин и детей, когда они пришли к самоуправлению и самоуважению.

...Что должно сделать человечество для достижения мира? Есть два вида мира. Один основан на страхе — правительства, жестокости или преследования. Это — мир смерти. Другой — это мир жизни, свободы, равенства и демократии, где каждый чувствует как нечто само собой разумеющееся, что у него есть полнота права человека и возможности строить свою жизнь конструктивно среди представителей всех стран и народов. Биробиджан явля-

ется символом такого мира. Общество, которое признает право меньшинств, помогает построить такой мир, который является единственным миром, способным спасти мир от несчастья».

Но самым значительным из всех опубликованных материалов следует считать статью Александра Бахмутского «Кардинальные вопросы дня», вышедшую в газете «Эйникайт» в августе 1947 года. Статья разделена на три главы и, на наш взгляд, является политическим и программным документом. С учётом изменений, произошедших за десять лет после разгрома либербергских планов строительства ЕАО, она представляет собой чётко разработанную стратегию и тактику созидательной работы по преобразованию автономии в республику. Создание такой платформы, начало которой было разработано и заложено ещё в середине тридцатых годов, могло бы, по мысли А. Бахмутского, с учётом реалий времени и потенциальных возможностей области, сделать фактом превращение Еврейской автономной области в центр еврейской национальной культуры СССР.

В основе этой платформы были четыре года упорной работы А. Бахмутского в областной партийной организации. За это время он узнал с разных сторон проблемы области и пути их решения, познакомился со многими еврейскими деятелями, знаменитыми писателями, поэтами, артистами, художниками, чьи произведения прославляли эту землю, проникся духом её уникальной истории. Его главной целью было сделать Биробиджан центром еврейской культуры. Он проповедовал необходимость усиленно развивать еврейскую культуру, часто употреблял этот тезис на собраниях, совещаниях, в печати.

Выступление А. Бахмутского на страницах еврейского издания, известного всему миру, должно было привлечь дополнительные инвестиции в область, расширить помощь детским домам, которая уже второй год приходила из Амбиджана. Эти вещевые посылки для детей облизполком распределял не только по назначению, но и для поддержки того же еврейского театра, школ, ветеранов войны.

А. Бахмутский, возможно, рассчитывал, что, привлекая таким образом зарубежные средства в область, он подвигнет правительство России на дополнительное финансирование обустройства

прибывающих переселенцев. К тому же сильнейшее весеннее наводнение 1947 года причинило большой урон сельскому хозяйству, и он надеялся, что будут выделены средства на восстановление города и сел области и т.п. Но за лесом текущих проблем он видел и вершины, на которые необходимо было подняться. Мы приведём лишь основные из поднятых им в статье вопросов в кратком изложении.

В первой главе А.Н. Бахмутский акцентирует внимание на экономике региона, тесно увязывая её с проблемой кадров: «Трудящиеся области, которые строят первую в мире еврейскую социалистическую государственность, чувствуют ежедневно заботу о себе со стороны партии и правительства, отеческое внимание к ним лично со стороны товарища Сталина.

Для деятелей науки, техники и культуры ближе стало широкое поле для творческой деятельности в ЕАО. Здесь, в области ставятся и разрешаются большие вопросы дальнейшего всестороннего развития промышленности, сельского хозяйства и культуры.

В области имеются богатые залежи железной руды, которые оцениваются в сотни миллионов тонн. Они представляют собой базу для развития черной металлургии на Дальнем Востоке. Для дальнейшей геологической разведки и научного исследования необходимо, чтобы в работу включились научно-исследовательские институты страны.

Недалеко от области началась подготовка к строительству и разработке одного из самых больших угольных бассейнов, который обладает большими запасами антрацита и коксующегося угля, а в самой области есть ряд других компонентов для производственных процессов металлургического цикла.

Строительство первой очереди Хинганского олово комбината, дальнейшее развитие промышленности по добыче золота, марганца, молибдена, платины, свинца и т. д. дает возможность развивать цветную металлургию. Однако предприятия цветной металлургии страдают из-за нехватки людей — строителей, мастеров, техников, инженеров.

Мы обладаем значительной легкой промышленностью, пищевой, местной и кооперативной, ... создаем мощную базу для промышленности стройматериалов, а специалистов в этой области у нас почти

нет. Нам нужны инженеры и техники для производства цемента, для выжигания извести, производства кирпичей и кровельных материалов, обработки мрамора, добычи и переработки гранита, шифера для обработки древесины и лесохимической промышленности.

В области развернулось большое строительство, как промышленных предприятий, так и жилья, домов, школ и др. объектов культуры и быта, но нам не хватает строителей, сантехников, уже сейчас нужны инженеры, техники и мастера строительных специальностей. Только строителей нам нужно более 100 человек.

Для развития сельского хозяйства области требуются опытные агрономы, овощеводы, полеводы, садовники, зоотехники и ветеринары, инженеры-механизаторы сельского хозяйства, специалисты по электрификации села.

Острую нехватку в научных работниках ощущает Биробиджанская сельскохозяйственная опытная станция. Ей нужны специалисты-почвоведы, знатоки зернового хозяйства и кормов, овощеводы, пчеловоды, специалисты по рисовым плантациям и культуре сои, ирригации и по разведению породистого скота.

Необходимы опытные дорожники, гидрологи, геологи, инженеры-гидроэнергетики и квалифицированные работники по строительству малых ГЭС, мастера по проблемам отопления, водоснабжения, работники торговли и общепита и мн. мн. другие».

Во второй главе А. Бахмутский приводит имена писателей, журналистов, артистов, художников, в их числе известного еврейского писателя Бэра Слуцкого, который понял, что Еврейская автономная область должна стать центром еврейской советской культуры, он живёт в городе Биробиджане и помогает своей творческой работой росту этой культуры. А. Бахмутский называет Б. Миллера, редактора газеты «Биробиджанер Штерн» и секретаря биробиджанской группы еврейских советских писателей, журналистов Н. Фридмана и Н. Циркеля, еврейских советских поэтов И. Эмиота, И. Бронфмана, художественного руководителя ГОСЕТа им. Л.М. Кагановича тов. Штейна, художника Кипниса, заслуженного артиста РСФСР И. Гросса и Х. Гельфанда. Он подчёркивает, что все они «ведут многогранную просветительскую работу среди населения области, выступают на предприятиях с докладами, беседами, чтением произведений еврейских советских писателей и поэтов.

Велики заслуги доктора Я. Миценгендлера в развитии здравоохранения области. Важную научную деятельность ведёт старший научный сотрудник Биробиджанской сельскохозяйственной опытной станции Клара Щупак, которая собирается в этом году защитить кандидатскую диссертацию.

Композитор Рабунский, музыкант Герзон, писатель Рабинков, художник Цимиринов, скульптор Мильчин, врачи Данде, Козлова, Рабинович, экономисты Миневич и Мирлин, специалист Штейн в области озеленения городов и многие другие ведут большую творческую работу, помогают развитию культуры в области».

В третьей главе он обращает внимание на задачи, стоящие перед областью в сфере культуры: «...чтобы решить их успешно и быстро, необходимы силы, которыми область вряд ли располагает. Необходима помощь еврейской интеллигенции всей страны. На этих задачах мы хотим здесь остановиться.

Вопрос организации образования еврейских детей на родном языке — один из самых важных, так как касается дальнейшего развития еврейской советской культуры. Мы расширяем сеть еврейских школ, но эти школы располагают лишь небольшим количеством учебников — начиная с азбуки, грамматики, книг для чтения и заканчивая учебниками по математике, физике, химии, истории и др. В Москве, Ленинграде, Киеве и др. городах есть люди, которые в состоянии создать эти учебники, а также перевести на идиш. Московское еврейское издательство «Дер Эмес» проявляет в этом отношении недопустимое безразличие, пренебрежительное отношение. Несколько лет в «Эмес» лежит рукопись учебника идиш, подготовленная биробиджанским педагогом и писателем тов. Рабинковым. Долгое время лежит рукопись учебника, написанного группой московских авторов. Своей бездеятельностью в этом вопросе они тормозят дело организации образования еврейских детей на родном языке!

Перед нами стоит целый ряд задач, связанных с образованием на идиш. Уже сейчас необходимо начать подготовку к созданию в Биробиджане государственного университета и организацию политехнического образования на родном языке. Еврейская интеллигенция, которая сейчас работает в вузах, работники

науки — евреи должны проявить инициативу и помочь нам в проведении этой чрезвычайно важной меры.

Нужно думать об учебниках для университета, о переводе их, об организации профессуры и др. пед. персонала. Что касается контингента студентов, то представляется, что его достаточно среди еврейского населения Советского Союза. Для развития еврейской советской культуры чрезвычайно необходимо, чтобы в Биробиджанскую группу еврейских советских писателей влились талантливые писатели, драматурги, поэты, публицисты и журналисты, для работы которых издавать их произведения в области есть все условия.

В прошлом году по решению ЦК ВКП(б) у нас было создано еврейское издательство, которое имеет хорошую полиграфическую базу. Нам разрешено издавать альманах «Биробиджан». Мы пока издали только один номер, в то время как имели разрешение издать в течение года 6 номеров. Так как в области есть ряд писателей, поэтов, публицистов, альманах может превратиться в периодический литературно-художественный и публицистический журнал. Может быть увеличена по формату и периодичности газета «Биробиджанер Штерн». Полиграфическая база имеет все возможности для расширения.

Нужно создать в Биробиджане большой музей еврейской культуры, где должны быть собраны все экспонаты и материалы, которые сейчас разбросаны по стране. Нужно собрать, обработать и обобщить материалы об участии еврейского народа вместе с другими народами СССР, в социалистическом строительстве, в Отечественной войне, в большом послевоенном строительстве и восстановлении. Имеет смысл продумать и решить вопрос о переводе в Биробиджан кабинета еврейской культуры, который теперь работает в Киеве.

Назрела потребность заняться вопросом создания Государственного ансамбля еврейской песни и танца, в котором должны принять участие большие мастера — музыканты и актеры. Такой еврейский советский ансамбль (а со временем, возможно, и симфонический оркестр, филармония), должен быть создан не вообще, не где бы то ни было, а именно здесь, в ЕАО. Это важно с политической и практической точки зрения. (В связи с этим сле-

дует упомянуть серьезное значение конкурса еврейской песни и музыки к ней, который в этом году объявлен обкомом ВКП(б) и облисполкомом).¹

Было бы весьма желательно взяться за создание высокохудожественного и богатого в идейном отношении фильма о Биробиджане, о ЕАО. Такой фильм очень поможет в проведении пропагандистской массовой работы, чтобы увеличить количество иммигрантов среди советских евреев в Биробиджан. Попытка создать этот фильм о Биробиджане уже делалась. Мы имеем в виду картину «Искатели счастья». К сожалению, этот фильм создал искаженное представление о действительности Биробиджана и вместо пользы он принес лишь вред.

Мы призываем лучших мастеров кинематографии взяться за почетную миссию и написать сценарий для новой кинокартины о Биробиджане, собрать высококвалифицированных актёров и создать в ближайшее время такую картину. Мы уверены, что наши славные композиторы напишут к этому фильму содержательную музыку.

Область испытывает сильную потребность в медицинских кадрах. Нам не хватает хирургов, специалистов по отоларингологии, дерматологов, окулистов, дантистов, рентгенологов, терапевтов, санитарных врачей и др. Следует провести большую научно-исследовательскую работу по вопросу о здравоохранении в условиях нашей области. Был бы большой вклад со стороны медиков, если бы они переехали в область и включились в работу по охране здоровья и в развертывание соответствующей научно-исследовательской работы.

Мы здесь говорили о некоторых вопросах дальнейшего развития народного хозяйства ЕАО, еврейской социалистической культуры, центром которой должна быть ЕАО. Решение этих вопросов нельзя откладывать, их следует решить в ближайшее время. Но всё это станет возможным лишь при условии большого притока высококвалифицированных кадров. Этот приток в любом случае должен быть организован.

¹ Фестивали еврейской культуры проходят в ЕАО каждые два года, начиная с 1989 года. В настоящее время эти фестивали превратились в международные и являются одним из значимых культурных событий в России. Ни в одном источнике ранее не было ссылок на то, что инициатором проведения такого конкурса в 1947 году был А.Н. Бахмутский.

ЕАО в ближайшем будущем должна стать цветущим и могучим краем. К этому стремятся советские евреи и все народы Советского Союза. Она должна быть построена руками трудящихся евреев. Это дело нашей чести, нашей социалистической совести». (Перевод А. Зарембы).

Безусловно, статья была написана А. Бахмутским исходя из знания и анализа происходящих в области событий. Состоявшаяся в январе 1947 года V областная партийная конференция и последующие события определили задачи по развитию области. Одним из самых важных вопросов, о котором он неоднократно напоминает, являлся вопрос кадров, и в статье эта проблема становится ключевой в решении многих задач области.

В центральных и местных газетах печатаются материалы о ходе переселения. Наиболее важные статьи перепечатываются из других газет. Так, статья, напечатанная в «Эйникайт», о готовности отправки эшелона из Винницкой области появляется и в «Биробиджанской звезде». Председатель Винницкого облисполкома, депутат Верховного Совета СССР Д. Бурченко приводит данные, что в 1946 году из Винницкой области в ЕАО переселилось более 300 человек и, по его сведениям, их хорошо встретили и устроили. После отъезда первой группы они получили уже 556 заявлений от семей еврейских трудящихся, которые пожелали переселиться в Биробиджан. Среди будущих переселенцев много молодёжи и демобилизованных из Советской Армии. Он приводит расклад по профессиям: 155 колхозников, 48 строителей, 25 слесарей, 18 токарей, 25 шофёров, 20 кузнецов, 5 трактористов, 48 сапожников, 39 портных, имеются также инженеры, техники, механики, врачи, учителя и т. д. Облисполком получил постановление Совета Министров СССР об организации на добровольных началах второго эшелона евреев-переселенцев из Винницкой области в Биробиджан, и уже готовится эшелон, продукты питания, будет оказана помощь одеждой и обувью, чтобы создать нормальные условия во время поездки.

Как предполагалось, этот эшелон из Винницкой области должен был прибыть в Биробиджан первого июля. Горожане ждали и считали, где, на какой станции находится эшелон, через сколько дней он будет в Биробиджане. От Москвы эшелон сопровождали

известный еврейский писатель Дер Нистер и член ЕАК, корреспондент «Эйникайт» И. Люмкис.¹ В эшелоне находилось 260 семей — мужчин, женщин, детей общей численностью более тысячи человек — это было для А. Бахмутского хорошей новостью.

О подготовке к встрече прибывающего эшелона, а также о важности этого события для области говорит тот факт, что Бахмутский и Зильберштейн лично встречали на вокзале новых переселенцев. Но ещё за день до этого в Облущье на вокзале произошла встреча эшелона, пересекшего границу области, с партийными и советскими руководителями района, которые первыми приветствовали переселенцев, прибывших в автономию.

Приезд переселенцев из Винницы в Биробиджан стал настоящим праздником. Местные газеты посвятили этому событию целые полосы. Газета «Биробиджанская звезда» в заголовок на всю страницу вынесла текст лозунга, впервые напечатанного в русскоязычной газете на идише: «Новым строителям нашей области — большевистский привет!» (перевод мой — И.Б.).

Через несколько дней в здании Биробиджанского государственного театра состоялось собрание новых переселенцев, где с докладом выступил А. Бахмутский, рассказав об экономике, культуре, предприятиях, стройках области. Его выступление завершилось долгими бурными аплодисментами. На собрании выступили также прибывшие переселенцы, руководители местных предприятий, корреспондент «Эйникайт» И. Люмкис. После собрания был показан спектакль артистов еврейского театра «Восстание в гетто».

Под влиянием областного партийного аппарата расширилась информационная работа, нацеленная на вновь прибывших переселенцев. Появляются статьи журналистов, первых переселенцев, руководителей предприятий с рассказами об истории области, культуре, действующих предприятиях, колхозах. В газетах печатают очерки о писателях, живущих в области и пишущих о ней, публикуют стихи поэтов, в числе которых Дер Нистер, Б.Слуцкий, И. Эмиот, Л. Вассерман, Н. Наволочкин, И. Бронфман, А. Колчин, И. Керлер.

¹Илья Люмкис (родился в 1908 году, в Киевской губернии.) — журналист, в 1948 году издательство «Дер Эмес» выпустило его книгу «Эшелонен гэен кейн Биробиджан» (Эшелоны идут в Биробиджан). Репрессирован в 1948 году. Реабилитирован в 1956 году.

В тот же период, впервые, биробиджанская группа еврейских писателей, насчитывающая семь прозаиков и поэтов: Б.Миллера, И. Эмиота, Г. Рабинкова, Б. Слуцкого, С. Боржеса, Л. Вассерман, И. Бронфмана, — была заслушана с отчетом на заседании Комиссии по областным литературам, созданной при Союзе советских писателей. От имени биробиджанской группы на комиссии выступил Б. Миллер, рассказав о деятельности писательской организации, выпуске первых номеров альманаха «Биробиджан» и привлечении к участию в работе московских и других еврейских писателей.

В местной прессе почти в два раза, по сравнению с прошлым годом, увеличилось количество статей, подготовленных научными сотрудниками Биробиджанской сельскохозяйственной опытной станции. Авторами статей, посвящённых вопросам выращивания картофеля, зерновых культур, ягодных растений, фруктовых культур, рационального использования удобрений, борьбы с вредителями сельхозкультур, были К. Щупак, М. Грузенко, Р. Чепелев, В. Гитлиц. В связи с тем, что в области не хватало агрономов, зоотехников, а многие переселенцы не владели знаниями и навыками сельскохозяйственного производства, целью публикации этих материалов было, в первую очередь, просвещение населения.

Такая активность научных сотрудников Биробиджанской сельскохозяйственной опытной станции была связана также и с тем, что весной 1947 года в Хабаровске состоялось первое после войны совещание работников сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений Дальнего Востока, в котором приняли участие и представители нашей опытной станции. Как отмечалось в статье, опубликованной по итогам её работы, «ценные предложения выдвинули директор Дальневосточного филиала Академии наук СССР тов. Самойлов, директор Биробиджанской опытной станции тов. Захаркин, старший научный сотрудник Дальневосточного института земледелия и животноводства профессор Брук, научные работники Воложенин, Кузнецов, Беликов и другие». Одной из главных задач, обозначенных в обращении ко всем работникам научно-исследовательских учреждений по итогам работы совещания, была задача крепить связь науки с производством и развернуть совместную работу за подъём уро-

жайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства.

В 1947 году вновь начались научные исследования ЕАО по различным направлениям. Вполне возможно, что регулярное проведение научных конференций врачей и медицинских сестер в Биробиджанской городской больнице следует отнести к заслуге главного врача доктора Я. Миценгендлера, чью фамилию называет в статье А. Бахмутский, а также профессора Ш. Ратнера, обещавшего содействие в развитии здравоохранения области. В местной газете сообщается, что на одной из последних конференций, посвящённой нервным заболеваниям и болезням уха, горла и носа, приняли участие профессора из Хабаровска Шварц и Немлихер.

Краевое управление гидрогеологической службы организовало ряд экспедиций по изучению бассейнов рек края. Одна из таких экспедиций под руководством гидролога т. Прозорова занималась изучением реки Биры и 12 её притоков.

Единственная в Хабаровском крае болотная станция, организованная в 1940 году, занялась исследованием одного из крупнейших в области болота Долгого, которое занимает площадь 720 квадратных километров, с целью возможного осушения и превращения его в пахотные земли.

В 1947 году Малый Хинган вновь становится предметом изысканий геологов. В горах работают сразу две геолого-поисковые партии, одна исследует Кимканское железорудное месторождение, другая занимается выявлением скопления вторичных обогащённых руд.

Конец года был весьма насыщенным различными мероприятиями, в том числе выборами в областной Совет народных депутатов. Это были первые послевоенные выборы в местные органы власти. Проведённый нами анализ кандидатов в депутаты показывает, что А. Бахмутский с большим уважением и доверием относился к тем людям, о которых он говорил в своей статье «Кардинальные вопросы дня», кто вместе с ним принимал активное участие в развитии области и поддерживал его во всех начинаниях. Следует учесть, что в те годы все кандидатуры в депутаты областного Совета лично утверждались первым секретарём обкома ВКП(б).

В числе кандидатов в депутаты выдвинут З. Брохин, секретарь по пропаганде обкома ВКП(б). Он пришёл в аппарат из города Комсомольска-на-Амуре, где работал на руководящей советской работе годом позже А. Бахмутского и был на год его старше. Впоследствии З. Брохин будет репрессирован, и вместе они будут проходить по «Биробиджанскому делу».

Большую поддержку А. Бахмутскому оказывал А. Ярмицкий, также выдвинутый кандидатом в депутаты. А. Ярмицкий как бывший председатель горисполкома принимал самое активное участие в поддержке еврейской общины, развитии еврейской культуры, строительстве города. Работая заместителем председателя облисполкома, он активно участвовал в развитии области. (Также был репрессирован и обвинен в национализме).

С большим уважением А. Бахмутский относится к Мейлеру Беру Срулевичу (Борису Миллеру), который был моложе его на два года, но уже зарекомендовал себя настоящим патриотом области. Б. Мейлер родился в 1913 году, в местечке Копай Винницкой губернии. С 1932 по 1936 годы учился в Московском педагогическом институте, по окончании был направлен в Биробиджан. До 1938 года работал учителем в средней школе, а затем заведующим литературным отделом, заместителем редактора газеты «Биробиджанская звезда». В 1949 году вступил в ряды ВКП(б). С 1945 года Б. Мейлер — редактор «Биробиджанер Штерн», член Союза писателей СССР, секретарь биробиджанской группы писателей. Перед войной он был избран депутатом областного Совета.

А. Бахмутский в статье приводит имя учёного Биробиджанской опытной сельскохозяйственной станции К. Щупак. Об этой женщине, к сожалению, ранее почти ничего не было известно, но то, что её имя было упомянуто в статье, оказалось не случайным. Она также была выдвинута кандидатом в депутаты. К. Щупак была единственным учёным, представлявшим научное учреждение в те годы в органах советской власти области.

Клара Давидовна Щупак родилась в 1902 году в семье крестьянина-середняка в селе Новоконстантиново Винницкой губернии. Как и Б. Брук, она экстерном окончила гимназию, с 1920 по 1924 годы работала педагогом в трудовой школе, после была командирована на учёбу в Одесский институт народного

образования, агробиологический факультет, который окончила через четыре года. С 1929 по 1932 годы работала преподавателем в Новополтавском сельскохозяйственном институте, а затем научным сотрудником при институте, одновременно поступила в Московский институт агрохимии и почвоведения на факультет химизации социалистического земледелия. В 1933 году она приезжает в Биробиджан и становится старшим научным сотрудником Биробиджанской областной сельскохозяйственной станции. В 1947 году Клара Щупак сдала испытания на соискание учёной степени кандидата наук.

Практически с первых лет проживания в области она становится известным в крае учёным специалистом земледелия, принимает активное участие в общественной работе. В 1934 году на первом съезде Советов Еврейской автономной области её избирают в состав областного исполнительного комитета. В 1943 году, вступив в члены ВКП(б), она входит в состав членов обкома и Биробиджанского районного комитета ВКП(б).

Её научные труды, статьи в газете были направлены на развитие сельского хозяйства ЕАО и служили практическим пособием для вновь прибывших евреев-переселенцев, никогда ранее не работавших на земле.

1947 год завершился приездом в Биробиджан нового эшелона переселенцев. М. Левитин в большой статье, опубликованной в «Биробиджанской звезде», делает обзор переселенческой деятельности за год. В этот год прибыло три эшелона из Винницкой области в количестве более 2000 человек. 16 ноября 1947 года было принято очередное, третье постановление Совета Министров СССР по вопросам переселения евреев в ЕАО, в котором говорилось «о переселении 250 семей из Крымской области и 704 семей из Херсонской и Николаевской областей в Еврейскую автономную область». В составе Крымского эшелона были преимущественно семьи колхозников. Согласно последнему постановлению Совета Министров СССР в область должно было прибыть около 3000 человек. Правительством были предусмотрены большие льготы для переселяемых, где предусматривалась, кроме бесплатного проезда, выдача 300 рублей на каждого человека на питание, а учитывая зимний период, по паре валяной обуви и другие посо-

бия на первое время. Вопросы подготовки к приёму переселенцев не сходят с повестки дня областных организаций.

Начало 1948 года было омрачено тяжёлой вестью о безвременной кончине Соломона Михоэлса. Через многие годы люди узнают имена заказчика и исполнителей этого убийства, но догадываться об этом начнут намного раньше. Вследствие активной деятельности ЕАК после войны судьба членов Еврейского антифашистского комитета, который С. Михоэлс возглавлял все годы, Сталиным и МГБ была предрешена.

С. Михоэлс — основатель Московского государственного еврейского театра — оказал огромное влияние на развитие всего еврейского театрального искусства. Он принял самое активное участие и в организации Биробиджанского государственного еврейского театра, актеры которого были его учениками. Еврейская автономная область для него значила многое. Через несколько месяцев после создания ЕАК С. Михоэлс и И. Фефер выехали в США для развёртывания антифашистского движения и сбора средств, взяв с собой пропагандистские материалы об успехах в развитии экономики и культуры ЕАО. Руководство области по указанию ЦК ВКП(б) подготовило пакет материалов, которые содержали сведения о природе, запасах недр, хозяйственном потенциале и перспективах развития автономии. Именно благодаря этой поездке удалось наладить связи между «Амбиджаном» и ЕАО, поскольку Михоэлс встречался с руководителем этой организации Будышем в Нью-Йорке в ноябре 1943 года.

С. Михоэлс, как было сказано выше, поддержал появившуюся надежду на повышение статуса ЕАО в связи с принятием в 1946 году постановления Правительства СССР по Еврейской автономной области, позицию А. Бахмутского по этому вопросу и обещал содействие в развитии еврейской культуры автономии.

Безвременная смерть лауреата Сталинской премии, народного артиста, профессора Соломона Михайловича Михоэлса — писали в некрологах в Москве и Биробиджане, во всех уголках нашей страны — потрясла простых людей. Тысячи людей пришли попрощаться с великим актёром. На похороны пришёл также и А. Бахмутский, находившийся в Москве на учебе. Эта трагедия стала началом разгрома Еврейского антифашистского комитета,

началом кампании борьбы с «безродными космополитами и буржуазными националистами».

Уже на следующий день после смерти С. Михоэлса в кулуарах говорили об его убийстве. 20 ноября 1948 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) Еврейский антифашистский комитет как центр антисоветской пропаганды, регулярно поставляющий антисоветскую информацию иностранной разведке, был распущен, газета «Эйникайт» закрыта. В 1949 году начались аресты членов ЕАК, а также репрессии в отношении известных еврейских писателей, поэтов и журналистов, многие из которых были расстреляны. Сегодня, с высоты прожитых шести десятилетий, можно с уверенностью утверждать, что это был ещё один акт геноцида, где уничтожению подвергались люди по национальному признаку.

Тема смерти С. Михоэлса, по понятным причинам, в местной прессе не обсуждалась. Через несколько дней в области информация о трагической смерти сменилась другими проблемами, подготовкой к новому строительному сезону, к приёму новых переселенцев. Вместе с тем редакционные статьи приобретают тревожный оттенок. В разделе «Критика и библиография» выходит критическая статья под названием «Фальшивая книга», где подвергается обструкции книга Ш. Гордона «Биробиджанские старожилы», вышедшая в издательстве «Дер Эмес» на еврейском языке. Автор этой статьи Н. Мирный¹ раскритиковал рассказы Гордона, начиная с его взглядов, позиции, манеры показа жизни, быта, переселенцев и сводя всё к фальши и непониманию писателем происходящих в жизни области процессов.

Через десять дней в газете появляется выступление З. Брохина, секретаря по пропаганде обкома ВКП(б), «За коренное улучшение идеологической работы», где также отмечается: «Крупные упущения имеются в работе по политическому воспитанию писателей, журналистов, учителей, врачей, специалистов сельского хозяйства, инженеров и техников». Говоря об ошибках, допущенных областным радиокомитетом в статьях Г. Рабинкова «Из истории евреев России», он отмечает в этих статьях «извращенное немар-

¹ По информации Л.Б. Школьника, бывшего редактора газеты «Биробиджанер Штерн», под псевдонимом Н. Мирный печатал свои статьи биробиджанский журналист Наум Фридман.

ксистское освещение исторических фактов, сползание на позиции буржуазного национализма». Брохин подверг критике писателя Дер Нистера за серию очерков о переселенцах. Он обвинил писателя в еврейском буржуазном национализме и в том, что тот показывает «лживые мотивы» переселения в Еврейскую автономию.

3. Брохин называет публикацию «политически вредных националистических очерков» Дер Нистера в редактируемой Б. Миллером газете «грубой политической ошибкой». Он также обращает внимание на то, что отдел пропаганды обкома ВКП(б) с большим опозданием отреагировал на допущенные газетой националистические ошибки.

В начале октября в Биробиджан из Узбекистана прибывает новый эшелон переселенцев — 190 семей, более 600 человек. На вокзале их встречают депутаты Ш. Кочина и Ш. Ратнер. На импровизированном митинге на перроне вокзала их приветствовал председатель облисполкома М. Левитин. Сразу после выгрузки на переселенческом пункте состоялось собрание, где М. Левитин выступил с докладом об области, а А. Ярмицкий сделал сообщение о распределении переселенцев по предприятиям города.

Последние месяцы года страна медленно втягивалась в борьбу партийных кланов за победу «пролетарской» мичуринской науки над «буржуазной» генетикой. При активной поддержке Сталина Т. Лысенко провел сессию ВАСХНИЛ, после которой началась кадровая чистка, приведшая к тому, что более 100 генетиков были уволены. Отголоски этой кампании, позднее получившей название «лысенковщины», не обошли и учёных области.

Несмотря на уже проводимую в стране кампанию борьбы с национализмом, А. Бахмутский принимает участие в совещании в Москве, которое проводит Министерство кинематографии СССР. По его итогам принято решение о выпуске в 1949 году документального фильма, посвящённого Еврейской автономной области, а производство фильма поручено Хабаровской киностудии. Кроме А. Бахмутского, в совещании приняли участие директор Хабаровской киностудии Каштелян и режиссёр Культе, художественный руководитель Биробиджанского ГОСЕТа Штейн. В информации об этом совещании в газете приводятся точки зрения Каштеляна и Бахмутского по вопросам сценария и характера фильма. Каштелян

видит задачу в том, чтобы «показать широким планом огромные богатства Еврейской автономной области, объём и масштабы индустриального и культурного строительства, активнейших участников и энтузиастов этой сталинской новостройки». Бахмутский делает акцент на том, чтобы «отобразить торжество ленинско-сталинской национальной политики, трудовой энтузиазм строителей области, спланированную их сталинскую дружбу народов. Особое место в фильме следует уделить показу трудового и бытового устройства новых переселенцев». А. Бахмутский расставляет несколько другие акценты, с учётом своих «кардинальных» вопросов, поставленных на ближайшее время. Для подготовки сценария фильма была выделена группа товарищей из бюро секции еврейских писателей. Фильм предполагалось выпустить на экраны к 31-й годовщине Октябрьской революции.

Обстановка в стране и области становилась всё напряжённее. Состоявшееся в феврале собрание писателей Биробиджана обсудило итоги XII пленума правления Союза советских писателей и статьи газет «Правда» и «Культура и жизнь» об антипатриотической группе театральных критиков. Как отмечалось на собрании, продолжительное время в среде советских еврейских писателей орудовала группа безродных космополитов и буржуазных националистов — Фефер, Гофштейн, Нистер, Кипнис и другие. В этот же разряд попали писатели И. Добрушин, И. Нусинов, Н. Ойслендер. Не обошли стороной и местных писателей, которые «имели возможность сказать свое веское слово и развенчать ряд дутых «авторитетов», но они фактически стояли в стороне, слабо проявляя себя как активную силу в советской литературе».

Это собрание было прелюдией того, что произошло через месяц на собрании интеллигенции города Биробиджана, на котором с докладом выступил секретарь обкома З. Брохин. Объектом критики становятся писатели Б. Миллер и Г. Рабинков. Несмотря на то, что им было предоставлено слово для выступления, чтобы разъяснить свои взгляды, новый редактор газеты «Биробиджанер Штерн» Н. Фридман заявил, что «допущенные ими грубейшие ошибки, их выступления на сегодняшнем собрании показывают, что они продолжают стоять на своих гнилых буржуазно-националистических позициях».

3. Брохин в статье «Выше знамя советского патриотизма» окончательно расставил все точки в деле разгрома местных писателей, ставших на путь «безродных космополитов и буржуазных националистов». Кроме Б. Миллера и Г. Рабинкова, резкой критике подверглись писатели Эмиот, Нистер, Добрушин, Бергельсон, Гольдфаден, Слуцкий, Вассерман, редактор литературного вещания радиокомитета Шименко, художник Цимеринов. Секретарь обкома не просто назвал эти имена, но и разъяснил, в чём именно заключается их космополитизм, буржуазный национализм и национальная ограниченность.

В начале мая 1949 года, к 15 годовщине образования Еврейской автономной области, выходит последняя статья А. Бахмутского под заголовком «В братской семье советских народов». Анализ статьи показывает, что расставленные в ней акценты касаются, в основном, общих итогов развития области. Практически исчезли вопросы развития еврейской национальной культуры и тех задач, которые были обозначены в его статье «Кардинальные вопросы дня».

Дальнейшие события и подробная информация о VII областной партийной конференции раскрыты Д. Вайсерманом в книге «Биробиджан: мечты и трагедия», где наиболее полно изложен ход рассмотрения на конференции вопроса: «О постановлении ЦК ВКП(б) от 25 июня 1949 года «Об ошибках секретаря обкома ВКП(б) ЕАО Хабаровского края Бахмутского и председателя облисполкома т. Левитина» и задачах областной партийной организации». С докладом по этому вопросу выступил первый секретарь Хабаровского крайкома партии А.П. Ефимов, который сообщил, что краевой комитет партии проверил работу обкома ВКП(б) ЕАО и вскрыл целый ряд политических ошибок и недостатков в руководстве областью. На конференции был избран новый состав обкома ВКП(б), который, в свою очередь, избрал первым секретарём П.В. Симонова, работавшего ранее инструктором ЦК ВКП(б). В книге «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938-1953» полностью приводится текст «Выписки из протокола № 70 заседания Политбюро ЦК» за подписью И. Сталина.

П.В. Симонов, сменивший А.Н. Бахмутского на посту секретаря обкома, уничтожил весь цвет интеллигенции области и все ростки вновь зачинавшейся национальной культуры. В 1952 году партийным руководителем области стал А.П. Шитиков, который также приложил руку в борьбе с «безродными космополитами и буржуазными националистами».

Со страниц местной прессы исчезли информационные сообщения о развитии национальной культуры в ЕАО, прекратилось преподавание языка идиш в школах, был закрыт еврейский театр им. Л.М. Кагановича, альманах «Биробиджан».

Начавшаяся в стране в 1948 году кампания борьбы с буржуазным национализмом и космополитизмом была направлена в области, в первую очередь, на её руководителей, еврейскую интеллигенцию, в числе которой были писатели, поэты, учителя, артисты. Главным обвиняемым был назначен А. Бахмутский, который в самом расцвете сил и энергии, в возрасте тридцати восьми лет подвергся репрессиям в составе биробиджанской группы из восьми человек. В 1952 году он был приговорён к расстрелу. Через несколько месяцев приговор о расстреле был заменён на 25 лет лишения свободы. К различным срокам были приговорены его коллеги, которые только после смерти Сталина были реабилитированы.

ИСТОРИЯ ОТКРОВЕНИЯ ИЛИ ОТКРОВЕНИЕ ИСТОРИИ

Воспоминания Шифры, дочери Нохема Борека, одного из первых переселенцев Биробиджана, записанные в октябре 2007 года. Ришон-Лецион, Израиль.

Первые переселенцы, приехавшие в Тихонькую, были как гонцы осеннего хода кеты, которая каждый год поднимается на нерест в верховья рек Биры и Биджана, ведомая заложенной в её генах памятью. В истоках этих рек, берущих своё начало у подножий Хинганских гор, есть студёные подземные ключи, образующие небольшие мелководные озёрца, не замерзающие даже в самую лютую зимнюю стужу, которая охлаждает и успокаивает избитую на перекатах рыбу, исполняющую первый и последний в её жизни брачный танец. Преодолевая долгий путь из солёного моря в пресную воду, кета даёт потомство новому поколению и затем прекращает своё существование. Мальки, вылупившиеся из икринок, весной уходят в море, чтобы через четыре года вновь вернуться на покой в свою пресную водную обитель.

Как безмолвных обитателей морских глубин зовёт в путь геном, заложенный природой, выработанный за тысячелетия законом сохранения рода, так и люди поехали в этот неизведанный край за тысячи километров от родного дома в поисках лучшей доли и по собственной воле. В то трудное и голодное для многих евреев время это был единственный выбор между жизнью и смертью. С одной стороны — жена, дети, старые родители и нет никаких средств прокормить семью, обеспечить её существование. С другой — предложение решить разом все проблемы: получить работу, жильё и — самое главное — на новой земле никто не будет кричать вдогонку это, казалось им, вечно звучащее слово «жид». Не будут кидать в тебя камнями или устраивать погромы, после которых закрывались лавочки, мастерские и евреи покидали свои жилища в поисках более тихого места.

Нет статистики и, тем более, социологических исследований, по какой причине поехали сюда евреи. Двигала ли ими идея при-

нять участие в создании собственного автономного образования, или просто это был единственный шанс выжить в тех условиях, когда уже не было средств к существованию и проблемы антисемитизма гнали людей с насиженных мест, а может быть, действительно звала романтика? Об этом можно прочитать в десятках книг, написанных на русском, идише, украинском, английском в тридцатые годы о Биробиджане — очень далёком и привлекательном крае, где чистые реки, полные рыбой, и леса, богатые растительностью, промысловыми животными, могли обеспечить пропитание, а недра, богатые полезными ископаемыми, давали возможность создавать и развивать промышленность. Но самое главное — здесь было то, что переселенцы могли, наконец, обрести свою обетованную землю.

Это был грандиозный проект на фоне остальных неудачных вариантов переселения евреев в Крым и на юг Украины, и правительство страны было его гарантом. С его согласия и при его содействии поток переселенцев начал менять направление движения с юго-западного на восточное — в Биробиджан.

У них было много общего в прошлой жизни, и призыв «В еврейскую страну!» должен был объединить евреев, дать им шанс настоящей жизни на новой земле. О судьбе одного из них — Нохема Борека, которая показалась мне наиболее типичным примером из рассказов Г. Добина об истории жизни первых переселенцев, я написал в одной из глав своей книги «Лехаим, Биробиджан!». Были и попытки разыскать следы проживания этой семьи в Биробиджане, но никто из оставшихся старожилов не слышал и не помнил такую фамилию.

На презентации книги в Хабаровске, которая проходила в здании синагоги, после моего выступления слово попросил уже пожилой человек. «Валерий Данилович Яковлев», — представился он и без больших прелюдий начал рассказ о своей жизни, которая была, как оказалось, продолжением моей главы «Первый переселенец». Он рассказал присутствующим, что впервые прочёл историю жизни своих предков, подробности, о которых он никогда не слышал и не знал. Внук Борека, семьи первых переселенцев, прибывших 28 мая 1928 года на станцию Тихонькую с первым эшелонам в количестве 624 человек, затронул самые тонкие чувства людей, присутство-

вавших в зале. Они с замиранием слушали повествование о судьбе его предков в Украине и после переезда в Биробиджан.

Когда Валерий Данилович начал говорить о дочери Борека, он вдруг остановился, и мне показалось, что у него перехватило дыхание. «Эта дочь Борека, о которой говорится в рассказе, была одной из первых в посёлке учительниц идиша, это чистая правда написана в книге, — подтвердил Яковлев, — она стала потом моей мамой. Ей сейчас уже 94 года, она живёт в Израиле...».

Глаза у многих людей стали влажными. Они радовались вместе с Валерием Даниловичем, что он несколько дней назад впервые узнал историю жизни своей мишпохи в таких подробностях, пусть хоть через семьдесят лет. Это стало для него настоящей историей откровений.

В этот момент присутствующие в зале люди стали свидетелями как бы прошедшей в прямом эфире передачи «Жди меня», в конце которой большинство зрителей плачет от счастья, видя, как находят друг друга через десятки лет потерянные родные и близкие люди.

Я был также немного растерян, так как не ожидал ничего подобного и не был готов что-либо прокомментировать. Он показал нам фотографии, где его дед и бабушка были молодыми в те двадцатые годы. Под собственный аккомпанемент на пианино он спел песню о Биробиджане, где прошла его юность. Люди не могут быть равнодушными к истории своей судьбы, в которой самые лучшие воспоминания из детства остаются на всю жизнь.

Мы расставались как старые друзья. Я знал историю его родных, приехавших в 1928 году вместе с моим дедом строить Биробиджан, а он прочитал об этом только несколько дней назад и был искренне благодарен за возможность хоть на старости лет вернуться в прошлое, чтобы виртуально встретиться с родными и близкими ему людьми.

Мне предстоял отпуск в Израиль, и, конечно, в плане поездок и встреч с родными и друзьями была намечена встреча с его мамой — Шифрой Нохемовной Яковлевой, проживавшей с дочерью в Ришон-Леционе.

Шифра ждала моего звонка. Это я сразу понял, как только созвонился с ней. Валерий Данилович, предупредив мой визит,

рассказал маме и о нашей с ним встрече в Хабаровске, и о прочитанной истории семьи родителей.

Дверь мне открыла женщина, которая представилась Неллой, дочерью, и следом навстречу вышла убелённая сединой пожилая женщина в очках с большими линзами — это была Шифра, урождённая Бореке. Мать и дочь жили одни в большой квартире. Дети, внуки, правнуки Шифры и Неллы проживали недалеко и почти каждый день навещали их. В квартире было чисто и прибрано. Меня пригласили пройти в зал. В комнате была скромная мебель: пара диванов, телевизор и обеденный стол. У стены стояло старое пианино, привезённое ещё из России.

Первые минуты чувствовалась какая-то напряжённость и насторожённость в разговоре. Понимая эту ситуацию, я начал наш разговор о её сыне — Валерии, о том, как прошла презентация книги и почему я написал о Нохеме Бореке. Мне показалось, что она увидела во мне человека, которому небезразлична судьба её семьи, и почувствовала мою заинтересованность в том, чтобы узнать подробности из её жизни, ставшей уже страницей истории Биробиджана.

Она понимала, что их судьба была лишь частицей, маленьким колёсиком в великом переселении на восток евреев-переселенцев. На лице Шифры как будто расправились морщины, вызванные первой напряжённостью от встречи, изменилась интонация, и я понял, что теперь она мне поверила и расскажет историю семьи Борека от первого лица. Итак, откровение истории из уст реального очевидца событий конца двадцатых — начала тридцатых годов, 94-летней Шифры Яковлевой, в девичестве Бореке.

«В забытой Б-гом Терновке, где жила семья Нохема Борека, не было ни работы, ни хлеба и даже желания жить. Нохем с утра до вечера суетился, пытаясь подзаработать пару копеек, кому что-нибудь поднести, где забор поправить, а может, огород обработать или дров наколоть. Такие, как он, мужики, готовые на любую работу, бродили по улице без дела, не зная, чем бы заняться, чтобы принести домой хоть кусочек хлеба.

Денег почти что ни у кого и не было, рассчитывались картошкой или ещё чем-нибудь из вещей или продуктов питания. Бывало, за день ни копейки не перепало, и Нохем, стараясь не видеть нас,

как будто он в чём-то виноват, затемно возвращался домой. Мы сидели за пустым столом и смотрели на догоравшую свечу, ожидая папу, но мама отправляла нас спать, так как уже понимала, что и в этот день Б-г ничего им не дал. Иногда, правда, мама вечером кипятила чайник и вытаскивала откуда-то маленькие сухарики, что доставляло нам самое приятное удовольствие.

Бореку досталась в наследство маленькая лавочка, в которой, кроме свечек, спичек и соли, почти ничего и не было. Она была больше закрытой, чем открытой, так как управа обложила налогами и не было никакого смысла торговать. Почти всё, что Борек зарабатывал, у него забирала управа. Вот в эту, казалось, нескончаемую черную полосу нашей жизни в село пришло известие о наборе евреев в какой-то далёкий край со странным названием Биробиджан. Сборы были недолгие — котомку с вещами собирали быстро, кормить переселенцев обещали в поезде, во время всего пути.

В первых числах мая 1928 года мы собрались всей семьёй, поплакали на прощание, как будто расставались с папой навсегда, и остались с мамой и братом Меней, который был младше меня на три года, в полном незнании о своём будущем.

После отъезда отца мы переехали в Умань, где мама нашла небольшую работу. Мне исполнилось уже тринадцать лет, и было большое желание учиться. Мама узнала, что в Житомире есть педучилище для девочек. Отвезли меня в училище, где два года я училась на преподавателя еврейского языка. По возвращении из Житомира я на себе ощутила в полной мере, что собой представляет антисемитизм.

Работы в Умани для меня не нашлось, и мы с мамой и братом ездили на прополку овощных культур в частное хозяйство. Хотя мне было всего пятнадцать лет, но от взрослых я не отставала. С раннего утра и до позднего вечера мы были в поле. Палящее солнце в зените невыносимо жгло, и не было сил работать, но уйти с поля запрещалось. Наши руки за день были стёрты в кровь, боли уже не чувствовалось. Самое обидное для меня было в конце дня, когда хозяин с нами рассчитывался. Мне платили в три раза меньше, чем взрослым, и даже на четвертинку буханки не хватало. Маминой дневной зарплаты хватало лишь на полбулки хлеба.

В один из дней, когда мы были в поле, которое было недалеко от дома, я услышала крик своего брата. Я побежала на его зов о помощи, чтобы его защитить и успокоить, но в меня полетели камни. Украинские подростки забрасывали брата комьями земли и камнями. Он кричал и плакал от боли. Я схватила его за руку, и мы вместе убежали к маме. Маленький Меня шёл к нам сообщить, что пришла, наконец, долгожданная весточка от папы, который выслал первый перевод — тридцать рублей, огромные в то время для нас деньги. Мы впервые смогли купить продукты, а мама приготовила нам хороший обед.

Папа написал, что работает в Опытном поле, где учёные открыли сельскохозяйственный институт. Он занят работой по хозяйству: обеспечивает дровами, водой, топит печку, убирает территорию. В один из летних дней, когда на коров и лошадей напал мор — сибирская язва, страшная болезнь, нужен был доброволец, чтобы заняться уничтожением животных, и папа вызвался провести эту работу. За неё хорошо платили, но это было и очень опасно для здоровья. Вот тогда у него появилась возможность скопить немного денег и выслать нам.

Отец приехал за нами только через четыре года. Он рассказал, что работа там найдется каждому, есть крыша над головой, нет антисемитизма, кругом живут евреи, а местного населения почти что и нет. Недолго думая, мы собрали наш бедный скарб, сели на поезд и вместе с другими переселенцами поехали в Биробиджан. Меня сразу направили учительницей в посёлок Бира, но жить там было негде, с квартирами было ещё очень плохо, и тогда предложили переехать работать в Лондоко. Там я вышла замуж, и уже потом мы переехали в Тихонькую. Муж мой был счетоводом. Он был не еврей, но родители его были «субботниками». Они приняли иудейскую веру, по субботам собирались, читали молитвы, соблюдали шабат, еврейские праздники.

В Тихонькой я устроилась работать в еврейском детском саду, русский я тогда почти не знала. Сейчас, конечно, кое-что из идиша ещё помню, но многое уже позабыла. Родители наши, переехав в Биробиджан, поселились в небольшом доме барачного типа, который был рядом с лесозаводом. Каждое лето в сезон дождей река поднималась так высоко, что в доме стояла вода. Когда она спадала,

мои дети ходили на речку с банкой ловить маленькую рыбёшку, которую мама жарила или варила нам рыбный супчик.

Мама была очень тихой и невероятно доброй женщиной, большой чистюлей. В комнате ни одной пылинки по углам, скатёрка на столе, занавески на окнах висели всегда чистенькие. Часто в доме, кроме селёдки и картошки, ничего не было, но мама умудрялась нас накормить и напоить, так что мы и не замечали отсутствия продуктов.

Раз в месяц, когда папа приносил зарплату, мы собирались всей семьёй у родителей. Мама ходила на базар, покупала маленький кусочек старого мяса и долго его варила. Из бульона она готовила жиденький овощной суп. Умудрялась приготовить из вымени моё любимое блюдо «эсик-флейш» — кисло-сладкое. Папа собирал всех нас за стол, и тогда для нас был маленький семейный праздник. Жили мы, конечно, очень бедно и скромно.

Когда началась война, муж ушёл на фронт, и я осталась с двумя детьми ждать его возвращения. После войны я работала заведующей еврейским детским садом, который был при Аремовском заводе. Мой брат работал там же начальником цеха по выпуску мин. Там их вытачивали, делали заготовки и отправляли в Комсомольск-на-Амуре, где мины начиняли. По окончании войны муж остался служить в Германии, а нас перевёз в Майкоп. Через два года он забрал нас в Вальденбург, где проходил службу. Но меня тянуло в Биробиджан. И я уговорила его вернуться к родителям».

Шифра слегка опустила голову, разглядывая зачем-то свои руки, и на минуту замолчала. Я всматривался в её лицо, покрытое морщинами, пытаюсь понять, что с ней происходит. Ей не откажешь в памяти. Она легко воспроизводила события более чем полувековой давности. Почему она молчит, что дальше произошло в её жизни?

Эта остановка, как оказалось, была связана с самыми горькими впечатлениями, которые чередовались и с радостными событиями, и с гордостью за детей. Теперь уже не было такого гладкого и последовательного изложения истории жизни, которую она предполагала мне рассказать. Воспоминания нахлынули на неё, как волны, и она немного потерялась. Дальнейший рассказ состоял уже из фрагментов её жизни, связанных с преследованиями мужа. Только благодаря помощи друзей, её инициативе и усилиям по

розыску свидетелей удалось, при рассмотрении дела в суде, прекратить процесс — муж вышел на свободу. Она на себе ощутила в те месяцы страх за свою жизнь, за детей и родителей.

Она с безмерной гордостью и любовью говорила о своих детях, поддержавших её в то трудное время, когда в послевоенные годы муж ушёл из семьи. В этот момент голос Шифры стал проникновенным и трепетным: «Дети — это моё счастье, они никогда не давали мне повода расстраиваться, мои прекрасные дети». Мужа в разводе она не винила, и я почувствовал в этом разговоре даже силу женщины-матери. Насколько сильной и мужественной надо быть, чтобы не винить другого, когда-то самого близкого человека, ради спасения которого от тюрьмы она готова была на всё, да и сделала все, чтобы его не осудили.

Мы проговорили с ней почти два часа, вспоминая старый деревянный барачный Биробиджан и его новый облик. Затронули проблемы жизни пенсионеров, приехавших в Израиль из бывшего Союза. Не всем там нравится. Чужая страна не стала старикам родной. Возможно, не уехали бы туда наши бывшие соотечественники, родные и близкие, друзья, если бы государство заботилось и переживало за своих граждан, не относилось бы к ним как к расходному, а к пенсионерам как к отработанному материалу, который выбрасывают на свалку. Люди во всем цивилизованном мире считаются основным богатством страны. Жаль, что в России принятые с большим опозданием решения по возвращению граждан ещё не дали того результата, на который законодатели рассчитывали. Значит, что-то не так сформулировано в этих законах, значит, что-то ещё надо менять в устройстве Российского государства, если люди не возвращаются домой, туда, где они родились, где живут их друзья, где для них начиналась Родина. А может, многие наши бывшие сограждане просто не знают, что их здесь давно ждут? Как хочется верить, что вернутся на родную землю наши пенсионеры — наша история и наша гордость, а вместе с ними приедут их дети, иначе не будет будущего у России.

Р.С. Через два года после интервью бывшие биробиджанцы Шифра Борек, а затем её дочь Нелла скончались в Ришон-Леционе.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ КИЛОМЕТР

После Великой Отечественной войны наша страна медленно восстанавливала разрушенное хозяйство. Наступивший мир не принес людям материального облегчения, экономической и политической свободы. На фоне великой Победы над фашизмом культ личности Сталина достиг своего апогея. Руководящие органы партии с марта 1939 года по октябрь 1952 года не провели ни одного съезда.

Партия и власть после войны установили жёсткий идеологический контроль над обществом. Была развёрнута откровенно антисемитская компания против интеллигенции и творческих работников, которая вылилась в широкомасштабную борьбу с космополитизмом. Раскручивалось «Дело врачей», начались партийные чистки.

В то же время на территориях Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики, оккупированных в годы войны немцами, проводилась работа по выявлению предателей, преследованию тех, кто, по мнению властей, преднамеренно остался и не покинул свои дома с приходом фашистов. НКВД не церемонился и не выяснял подробности, почему семья не бежала вместе с отступающими советскими войсками на восток. Многие из проживавших в тех республиках не хотели покидать свой дом, бросать своё имущество, другие — просто физически не успели выехать, как и наши отдельные воинские части, которые в ходе стремительного наступления фашистов оказались в тылу врага на оккупированной территории, и выбор у них был небольшой: умереть или сдаться в плен.

После окончания войны большая часть из почти трёх миллионов бывших военнопленных и репатриированных была вновь отправлена в лагеря или приговорена к ссылке. В конце сороковых — начале пятидесятых годов в результате проводимых «зачис-

ток» на Восток страны под охраной НКВД потянулись эшелоны со спецпереселенцами. Один из них летом 1950 года остановился на станции Биробиджан. По городу прошёл слух, что в область завезли «бендеровцев». Никто в те годы не имел фактической информации о принудительном переселении людей из родных мест. Масштабы депортации целых народов: чеченцев и ингушей, немцев Поволжья, калмыков, крымских татар, корейцев, всего более трёх с половиной миллионов человек, — стали известны только после смерти Сталина, а о некоторых подробностях мы узнали лишь в последние десятилетия.

Женю Гарасим пятнадцатилетней девочкой, вместе с родителями, под охраной высадили на биробиджанский перрон. Родители вполголоса переговаривались между собой о какой-то еврейской области, где проживают евреи, и было в этом что-то настораживающее. Как здесь люди отнесутся к ним, проживавшим на оккупированных территориях?

Она хорошо помнила о событиях той жизни, в период оккупации, когда гестапо и полиция рыскали по сёлам и местечкам Украины в поисках евреев. В селе, где они жили, было много еврейских семей. В начале войны у них дома прятали соседского шестилетнего мальчишку. Это был её одноклассник, смуглый, черноволосый, он отличался от других белокурых детей семьи Гарасим. Как только у калитки дома появлялся посторонний, мама брала мальчугана на руки и прятала на русской печке. На домах и заборах были прибиты объявления, в которых говорилось, что тот, кого поймают за сокрытие евреев, будет расстрелян. Облавы проходили часто, и многие еврейские семьи, кому не удавалось бежать, полиция задерживали и увозили куда-то, и больше их никто уже не видел.

В стоявшие у вокзала грузовики рассадили людей, и колонна машин отправилась в путь. Женька вертела головой по сторонам, пытаясь хоть что-то увидеть и понять, куда их везут, но город через несколько минут, как переехали деревянный мост, пропал, осталась только дикая тайга да грунтовая дорога с ямами и ухабами, разбитая после дождя, которая уносила их в дремучую даль, откуда, казалось, уже невозможно будет выбраться.

Женька знала, что все они спецпереселенцы. Но почему их сюда отправили и какое отношение она имела к этому наказанию, в

таком возрасте она не могла ещё осознать. Вместе с ними в одной машине оказались литовцы, латыши, украинцы, было ещё несколько бывших зеков, высланных на поселение после отсидки.

Грузовик притормозил, свернул с дороги и въехал на небольшую полянку, где они увидели длинные бараки и чуть в стороне несколько маленьких домиков — это был базовый посёлок, расположенный на двадцать третьем километре. Всех переписали, распределили по комнатам, организовали баню, а через двое суток развезли по участкам. Сколько часов проехали, Женька уже и не помнит, но к вечеру добрались до села Чурки. «Теперь здесь будете жить и работать», — сказал приехавшим дорожный мастер. Поселили в бараки, где до них жили японские военнопленные, работавшие в карьере на заготовке камня для строительства дорог. Японцы отсидели положенный срок и были депортированы на родину. А у родителей и Женьки всё ещё было впереди.

Это потом она прочитает и задумается над сталинской фразой о том, что сын за отца не отвечает, и задаст себе вопрос, на который до сих пор нет ответа, — в чём была её вина и за что она понесла наказание с пятнадцати лет. Отец всех народов для кого-то был истиной в последней инстанции, а для конкретной сломленной судьбы ребёнка — оставил в памяти чёрный след. Слишком поздно Б-г обратил на это свой взор. Сотни тысяч людских жизней и несколько поколений их родных и близких власть вычеркнула из общества. Вроде бы они были и живы, но эта жизнь была на грани душевной смерти. Только время может стереть из памяти эти репрессии и залечить нанесенные в те годы душевные и физические раны.

Маленькая комнатка в десять-двенадцать квадратных метров, через тонкую дощатую стенку ещё такая же, и таких комнатушек с общим коридором более десятка — стали для неё и других вынужденных переселенцев общим домом, в котором им предстояло начать новую жизнь. В каждой комнатке проживало от трех до пяти человек. Теперь, с самого первого дня их пребывания, они должны были своим добросовестным и самоотверженным трудом заслужить прощение у советской власти за то, что не покинули свой дом в годы войны. Через год работы на строительстве дороги семью Гарасим перевели ближе к городу, и вновь они оказались на двадцать третьем километре.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов, когда началось освоение этой территории евреями-переселенцами, бирофельдская трасса, ведущая от станции Тихонькой до села Бирофельд, где в 1928 году был образован первый еврейский Совет, и дальше на юг, стала одной из первых областных дорог. На этой трассе через каждые пятнадцать–двадцать километров располагались небольшие барачные поселки дорожных строителей. Двадцать третий километр стал базовым поселком ещё в 1928 году. Уже тогда первые переселенцы заготавливали здесь лес и отгружали его на подводах, запряжённых парой лошадей, на станцию Тихонькую. В этом месте намечалось развитие сразу трех типов хозяйств: молочное, плодово-ягодное и пчеловодство. Тому, что эта территория действительно тогда приглянулась первостроителям, я нашёл подтверждение в книге «Воспоминания о Казакевиче», где в рассказе Любы Вассерман «Две встречи» приводится один из таких незабываемых фрагментов.

«Однажды он (Э. Казакевич — И. Б.) предложил сделать вылазку на 24-й километр, к сопкам. С нами были писатель Давид Бергельсон и поэт Бузя Олевский. Бергельсон, тогда уже пожилой человек, не смог пойти пешком.

— Придётся доставать машину, — сказал Казакевич и куда-то зашагал.

Через некоторое время он вернулся с грузовой машиной. Достать машину в то время было исключительно трудно, так как во всём Биробиджанском районе было около десятка машин.

Дорога на Бирофельд ещё не была асфальтированной. Большая грузовая машина подпрыгивала на кочках и ухабах. Вдруг Эммануил запел, сначала тихо, а потом все громче и громче, популярные песни Дунаевского, Покрасса и другие на еврейском языке. Мы были удивлены, потому что в то время «Москва майская» и «Широка страна моя родная» ещё не были переведены на еврейский язык.

— Вам нравится? — спросил он. — Это я сегодня перевел; кажется, получилось...

Мы подошли к сопке и стали на нее взбираться. Казакевич знал здесь каждую тропинку, каждый кустик, что здесь растет и как оно называется. «Тополь, — рассказывал он, — растет очень быстро, мы насадим его в городских скверах и вдоль улиц».

Ещё тогда, когда контуры города еле обозначались, он видел вокруг себя широкие асфальтированные улицы, скверы и парки.

Мы отдохнули и закусили. Казакевич устроился в тени большого дерева и долго смотрел на тонкий ручеек, который омывал подножие сопки, вслушивался в шум тайги, казалось, впитывал в себя красоту окружающей природы.

Когда мы возвращались домой, он спросил: «Хотите послушать?» — и стал читать свое новое стихотворение «Слово имеет гражданин тайга». Это стихотворение переросло потом в поэму, но начало ее я услышала в тот день у Бирофельдской сопки. Уже тогда он спорил с тайгой и был уверен, что советские люди воздвигнут здесь город с промышленными предприятиями и стройками».

В этой же книге, в рассказе писателя Я. Черниса «В таёжном краю», я вновь натолкнулся на упоминание событий, разворачивавшихся в этом же месте.

«Осенью 1934 года, — пишет Яков Чернис, — в Биробиджан приехала группа писателей, совершивших поездку по Дальнему Востоку: Александр Фадеев, Петр Павленко, Рувим Фраерман и венгерский поэт Антал Гидаш. На предприятиях их радушно встречали трудящиеся города. Гости живо интересовались новостройками и культурной жизнью области. А ночь они захотели провести в тайге. Выехали в одно из живописнейших мест — на двадцать третий километр дороги из Биробиджана в Ленинское.

Как раз в этот день я, тогда секретарь Ленинского райкома комсомола, приехал на «козлике» в Биробиджан. Эма встретил меня в обкоме комсомола. Узнав, что я на легковой машине, он несказанно обрадовался:

— Все, ты уже пропал, и твоя машина тоже пропала.

Выяснилось, что надо доставить его и отца на двадцать третий километр. Они не уехали вместе с гостями, ибо Генрих Казакевич задержался на бюро обкома партии. В Биробиджане стояло бабье лето. Тайга нарядилась в золото и медь. Придорожные кусты были пунцово-красные, а ели и сосны на общем фоне казались только что выкрашенными свежей зеленой краской.

Когда мы приехали к месту, облюбованному гостями, солнце уже садилось. Разложили большой костёр, и Фадеев преподал нам

урок приготовления мяса на костре. Пили кислое вино, закусывали жареным мясом. У костра стояла корзина с только что собранным диким виноградом. Он уже не был терпко-кислым, холодные ночи как бы присладили его.

Пошли разговоры. По правде говоря, сквозь столько лет память не сохранила в подробностях все, о чём говорилось и рассказывалось. Но хорошо помню, что незаметно инициатива перешла к Эме. Он рассказывал, а все с удовольствием слушали и смеялись».

После войны в этот небольшой посёлок на двадцать третьем километре завезли группу японских военнопленных, напоминанием о которых осталось кладбище на вершине сопки. Таких японских кладбищ на территории нашей области было чуть больше десяти. Я знал лишь о трёх из них. Самые большие были в Облученском районе, где захоронены были только в районе сёл Кульдур и Известковое около двух с половиной тысяч человек в каждом.

С японскими захоронениями на территории области я столкнулся, когда работал управляющим Агентством «Интурист» в Биробиджане. Летом 1989 года мне пришлось принимать большую группу туристов из Японии, состоявшую в основном из бывших военнопленных. Туристы прибыли из Хабаровска, и маршрут их пролегал по тем местам, где они после войны сидели в лагерях и работали на стройках народного хозяйства. В нашей области, согласно программе пребывания этой группы, были обозначены два кладбища: одно находилось в пяти километрах от Биробиджана и другое, большое захоронение, — в селе Известковом.

После того, как мы посетили эти кладбища, где были проведены поминальные обряды и вернулись в гостиницу, ко мне обратились три пожилых японца. Заметно волнуясь, убелённые сединой японцы, которым было давно за семьдесят, на вполне понятном русском языке попросили помочь организовать для них машину, чтобы съездить на двадцать третий километр бирюфельдской трассы, где они сидели в лагере для военнопленных. Это было для меня неожиданным, так как я ничего не слышал об этом месте, хотя десятки раз проезжал мимо на машине. Я даже переспросил, а не перепутали ли они, что там был лагерь. Их уверенность не вызвала сомнений, и мне оставалось дать им машину и водителя. Через несколько часов они вернулись

и выразили благодарность за организацию поездки, а водитель рассказал мне, что японцы хорошо ориентировались на трассе и попросили остановить машину на съезде с дороги, который был как раз на двадцать третьем километре. Дальше он проехать не смог, и они пошли по тропе к небольшой заросшей травой полянке, на которой уже не было видно никаких строений. Тем не менее, обойдя её, они нашли там старую скрученную алюминиевую ложку, куски колючей проволоки, какие-то обгоревшие доски. Остановившись в центре поляны, они зажгли коричневые свечи, которые испускали странный тонкий белый дым, и провели молитву в память о не вернувшихся домой товарищах. Тогда я впервые от них узнал об одной из «достопримечательностей» этого двадцать третьего километра.

В начале девяностых годов по соглашению между Россией и Японией на Дальнем Востоке была проведена огромная и кропотливая работа по эксгумации останков умерших японских военнопленных и перезахоронению их праха на родине. У японцев, приехавших к нам, имелись карты с указанием точного месторасположения каждого лагеря и кладбища. Они знали поимённо, сколько военнопленных было похоронено в каждом месте, и почти все захоронения выкопали.

Когда в какой-нибудь могиле находили предметы, позволяющие идентифицировать умершего, то его кремировали отдельно, а пепел собирали в отдельную коробочку. Эта работа проводилась при непосредственном участии японцев, с соблюдением ритуальных обычаев. На протяжении четырех лет с начала лета и до наступления холодов японцы собирали на дальневосточной земле прах своих сородичей, чтобы перезахоронить его на родной земле.

Память о них вновь оживёт в каждой семье. Это великое поминание предков, умерших или без времени погибших на чужбине, свято соблюдается в Японии. Жаль, что в нашей стране даже жизнь человека не имеет такой цены, не говоря уже о сохранении памяти о человеке после его смерти.

Литовцы — бывшие спецпереселенцы, работавшие на строительстве дороги на двадцать третьем километре, как рассказала мне Е. Алёшичева, ещё раньше, в 1957 году выкопали прах своих соплеменников и увезли его домой. Тогда же разъехались многие

насиленно привезённые на Дальний Восток люди. Это была не их земля, не их дом и не их родина.

Первые переселенцы заложили посёлок недалеко от дороги, потом его огородили колючей проволокой для пленных японцев, а после их депортации там поселили спецпереселенцев. Почти сразу на въезде, метрах в двадцати, стоял рубленый небольшой домик, где жил начальник участка, рядом с ним находился маленький магазинчик, куда завозили необходимый минимум продуктов: хлеб, соль, крупы, спички, керосин. Два длинных барака были основными строениями посёлка, которые могли вместить около сотни человек, — один на пять входных дверей, другой на четыре.

Вместе с родителями Женька работала зимой на заготовке леса. Добирались до деляны иногда часа за два и столько же времени шли пешком обратно, километры в тайге не считали. Летом строили дорогу, а в начале пятидесятых годов стали покрывать её асфальтом.

Здесь она прожила до 1957 года, вышла замуж за хорошего парня — шофёра, который возил асфальт из города. За годы жизни в тайге, которую пересекала её дорога, Женька запомнила каждый ручеёк, каждый холмик, дерево — всё, что прилегало к посёлку километров на тридцать в округе, было ей хорошо знакомо. Эта дорога стала нитью, связывающей её с остальным миром, контакты с которым для их семьи были на долгие годы ограничены.

Историю этой прошлой жизни мне поведала сама Женька, а ныне Евгения Григорьевна Алёшичева, которой уже за семьдесят. После реабилитации они не вернулись на Украину, а переехали в Биробиджан, ставший им родным. Евгения больше никогда не была в тех местах, как будто пыталась вычеркнуть из жизни эту почти лагерную жизнь. Но на моё предложение вновь съездить на двадцать третий километр, где прошла её молодость, она, как мне показалось, с удовольствием и почти без раздумья согласилась.

Мы поехали по новой объездной дороге, по которой она ещё не ездила, но когда на восьмом километре выехали на старую трассу, Евгения Григорьевна словно вернулась на пятьдесят лет назад, вспоминая места, где прошла её юность, и называя только ей знакомые приметы, которые проехали или через минуту покажутся из-за поворота. Я смотрел на неё и удивлялся. Как может память

человека через пятьдесят лет так моментально воспроизводить прошлое. Она знала каждый съезд с дороги и мостик, каждый ручей. На очередном километре бирофельдской трассы называла места, где собирали грибы, голубицу, землянику, калину, виноград, маньчжурские орехи, кедровые шишки, папоротник-орляк, дикий лук, черемшу, березовый сок — это была их еда, которой питались всё лето, а заготовленных таёжных припасов должно было хватить и на долгую холодную зиму. Тайга кормила, поила людей и давала возможность выжить.

Километры быстро пролетели под колёсами машины. После двадцать второго километра, на подъезде к нашей конечной цели я сбросил скорость, ожидая увидеть съезд с дороги среди густой зелени деревьев, где должен был быть тот самый мостик в прошлое. Действительно, с правой стороны дороги был съезд на просёлочную тропу. К сожалению, мостика уже давно не было. Маленький ручеёк всё также сбегал с сопки по придорожной канаве среди камней, кустов и терялся в траве.

Мы прошли по тропе и неожиданно увидели за деревьями спецмашины с геодезистами. Здесь расположилась бригада проектировщиков новой трассы. Чуть поодаль, на небольшой полянке любитель-пчеловод расставил несколько десятков пчелиных ульев.

Евгения Григорьевна вдруг остановилась, начала оглядываться, как будто заблудилась, пытаясь определиться на вроде бы знакомой и уже незнакомой местности. Она смотрела на разросшиеся густые кроны деревьев, кусты, склоны сопки, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, чтобы показать мне в этом глубоком зелёном море окружающей нас тайги, где они жили, где стояли бараки, магазинчик, в который ходила пятьдесят лет назад. Она вздыхала и переживала, зачем-то извинялась передо мной, что не может сориентироваться на местности. Как мог, я пытался её успокоить. Мы подошли и переговорили с пчеловодом, с геодезистами, и она наконец успокоилась.

Старые кленовые деревья как бы шепнули ей: очнись — это ведь мы тебе махали тогда листочками, а большая белокурая липа, стоявшая у входа на поляну,дохнула на Евгению медовым ароматом, и она словно очнулась от забытья. Глаза её заискрились, она уже

определилась с зелёными кронами высоких деревьев, косогором сопки, заросшей кустарником, дорогой, больше похожей на тропу, скрадывавшими и изменившими знакомые только ей ориентиры. По её поведению, уверенности в движениях я понял — Евгения узнала участок тайги, где прошли её юные годы.

Почти безошибочно она подвела меня к небольшой насыпи с котлованом. «Вот здесь стоял дом начальника нашего участка», — сказала она. Пробравшись сквозь кусты, я действительно увидел обломки черепичной кровли, остатки фундамента из гранитных камней и кирпичей, трухлявые брёвна, засыпанные землёй. Чуть поодаль, в стороне от этого места был выход на уже знакомую полянку с ульями. И здесь как будто на неё нашло озарение: «А на этом месте стояли наши бараки, где мы жили».

Конечно, там уже не было и следа от этих барачных, все давно разобрали и увезли, когда построили дорогу, но они, словно призрак, стояли перед её глазами. Мне показалось, что она видит перед собой свои маленькие окна, слышит скрежет барачных дверей, ведущий в её небольшую комнатку, где она жила с родителями.

Мне были интересны любые приметы полувековой давности, и мы их нашли. Пройдя немного вверх, на сопку, я увидел в чаще обросший мхом железобетонный постамент. Не понимая, что это, остановился, разглядывая его с разных сторон. Евгения Григорьевна признала в нём подставку для статуи оленя, стоявшей когда-то у дороги в пятидесятые годы. Кое-где на деревьях остались ещё куски проржавевшей колючей проволоки — напоминание о лагере японских военнопленных. В ста метрах к вершине сопки, вспомнила она, было японское кладбище.

По моим сведениям, японцы, приезжавшие сюда несколько лет подряд в начале девяностых годов, среди которых были и бывшие военнопленные, работавшие в этом лагере, не раз пытались, но так и не смогли найти эти захоронения, чтобы выкопать и увезти с собой останки своих умерших сородичей. Так и остались они покоиться на вершине небольшой сопки, заросшей дубками, кустарником, травой. Пусть будет мир их праху и никто не нарушит покой умерших на этой земле японских военнопленных.

Суровая дальневосточная природа стёрла почти все следы жизни в когда-то бурлившем работой поселении первых евреев-переселенцев, затем заключённых, потом спецпереселенцев и просто рабочих строителей. Сегодня, не зная об этом, даже не заметишь этот съезд с дороги в далёкое прошлое.

Может быть, когда-нибудь здесь установят памятный знак, что в этом месте, на двадцать третьем километре от Биробиджана вели заготовку леса первые евреи-переселенцы, наслаждались природой в отрогах Малого Хингана самые известные писатели и поэты России: Александр Фадеев, Генрих и Эммануил Казакевичи, Давид Бергельсон, Люба Вассерман, Бузя Олевский, Яков Чернис, Петр Павленко, Рувим Фраерман и венгерский поэт Антал Гидаш. Здесь трудом искупали свою «вину» военнопленные японцы и сотни спецпереселенцев, в числе которых была маленькая девочка Женька Гарасим, осуждённая «за компанию» с родителями.

Эта точка на карте области — наша история, а эти воспоминания позволяют оглянуться назад, чтобы без прикрас увидеть прошлое время, в котором жили другие люди, была другая эпоха, другая жизнь, которая имела в одном месте, но в разное время свои оттенки и особенности.

Р.С. В 2009 году дорожные строители, в связи с планировкой территории при реконструкции бирофельдской трассы, срезали поляну, где располагался лагерь. Теперь вряд ли кто найдёт это место, оставшееся только в строчках воспоминаний о Биробиджане.

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ И БИРОБИДЖАН

История нашего города неразрывно связана с именем народного еврейского писателя Шолом-Алейхема. Несмотря на то, что писатель никогда не был в Биробиджане, его имя знакомо каждому жителю. Никто из нас не задумывался, почему это стало возможным, что послужило такой популярности писателя в нашем городе. Скорее всего, первые переселенцы-евреи, приехавшие строить и жить на этой земле, привезли с собой частицу его еврейской души, которая выражалась и в оборотах речи, и в самых простых словах любви и признательности к великому человеку.

Кроме убогого скарба да рабочих рук, у переселенцев осталась в сердце память той еврейской культуры, которую они впитали в городах и местечках Украины, Белоруссии, Молдавии, где Шолом-Алейхем, возможно, читал им свои произведения, написанные из их жизни. Этот местечковый быт, приведённый в его рассказах, в котором юмор и слёзы были реальностью их жизни, заставляли слушателей то смеяться, то плакать и в конце задуматься о смысле своего существования.

Биробиджан по праву можно назвать городом, где в каждом доме живёт дух Шолом-Алейхема, чьи произведения сыграли важную роль в формировании многих творческих идей и практических шагов, связанных с его именем. К ним можно отнести решения местной власти о присвоении имени писателя областной библиотеке, переименовании улицы Партизанской в улицу Шолом-Алейхема, ставшей затем главной улицей города, и другие события, имеющие отношение к данной теме.

В последние десятилетия творческое наследие писателя становится предметом изучения и рассмотрения в высших и средних учебных заведениях города. Результаты исследований в дальнейшем претворяются правительством ЕАО в конкретные практические предложения и программы. Это необходимо как

для понимания культурно-исторических процессов развития, так и для восстановления и сохранения историко-культурной памяти биробиджанцев, чьи корни находятся в западных регионах бывшего СССР и ряда других стран, в которых жил и творил великий писатель. Это позволяет также оценить влияние произведений Шолом-Алейхема на творчество местных писателей, поэтов, художников.

Изученные материалы, хранящиеся в Государственном архиве ЕАО, областной научной библиотеке им. Шолом-Алейхема, личных архивах биробиджанцев, подтверждают и раскрывают связь многих происходивших в городе событий с его именем. На их основе впервые сделана попытка систематизировать и разбить на определённые исторические этапы, начиная с 1928 года и по настоящее время, влияние Шолом-Алейхема на творчество местных писателей, поэтов, художников, скульпторов. Впервые взяты интервью у современников автора, чьи работы обращены к Шолом-Алейхему. В научный оборот введен ряд данных, полученных в результате изучения различных документов, которые до настоящего времени в этом контексте не рассматривались. Не всему из приведённых фактов и документов есть объяснение, но поставленные вопросы помогут исследователям в дальнейшей работе.

Рассматривая роль и значение Шолом-Алейхема в творческой жизни местных писателей, поэтов, художников, а также его влияние на развитие национальной культуры и национального самосознания в Биробиджане в данном историческом отрезке времени, можно выделить два этапа.

Первый этап — с 1928 по 1976 годы: создание основы для творческой работы писателей и артистов, открытие Биробиджанского государственного еврейского театра им. Л.М. Кагановича, присвоение областной библиотеке имени Шолом-Алейхема, переименование улицы Партизанской в улицу Шолом-Алейхема, ставшую главной улицей города. Расцвет в первые послевоенные годы — и затухание национальной культуры как результат национальной политики КПСС.

Второй этап — с 1977 года по настоящее время: создание Камерного еврейского музыкального театра — КЕМТа, выпуск учебников

для преподавания языка идиш и разработка школьных учебных программ, открытие газеты «Улица Ш-А», создание памятника Шолом-Алейхему, скульптурных композиций на улицах города, произведений местных писателей и поэтов, в чьих работах есть связь с творчеством великого писателя.

Оглядываясь с высоты прошедших лет на данный исторический отрезок времени, можно проследить, особенно в последние годы, обращение к творчеству великого писателя в работах биробиджанских поэтов, художников, скульпторов. И это не простое копирование или подражание его творчеству, это дань гениальному мастеру, который сумел раскрыть глубины человеческой души.

Его имя стало для Биробиджана синонимом существования, бытия. Горожане, не замечая того, становятся жителями и действующими персонажами его романов. Они приходят на биробиджанский «Бродвей», мощённый брусчаткой, и кладут цветы к подножию памятника Шолом-Алейхему, окружённому молодыми зелёными деревцами нежного амурского бархата, где он, удобно расположившись в кресле, добродушным взглядом встречает и провожает людей, прогуливающих мимо него.

О нём пишут стихи те, кто живёт на этой улице, о тех, кто по ней ходит. Художники рисуют по его книгам лица людей, идущих по улице Ш-А, но живших давным-давно в украинских и белорусских местечках. И таких сближений можно обнаружить очень много, что ещё раз подтверждает необходимость обращения к данной теме. Так хочется понять, что же значил и значит Шолом-Алейхем для Биробиджана.

В 1928 году после принятия ВЦИК решения о выделении евреям земель в районе рек Биры и Биджана, переселенцы из Украины, Молдавии, Белоруссии, других республик и зарубежных государств двинулись на Дальний Восток строить еврейскую автономию. Они проложили через всю страну живую нить, связавшую поколения евреев, выросших в городах и местечках, в которых сотни лет звучал «мамэ лошн», с землёй, где их окружала первозданная тайга, птицы и звери. На этой огромной территории только в станицах и редких сёлах, разбросанных на сотни верст вдоль Амура и небольших горных речек, а также вдоль железной дороги, можно было услышать голоса людей.

«В еврейскую страну!» — под этим лозунгом и призывом шло переселение евреев и были завоеваны понимание и поддержка еврейских зарубежных организаций, особенно американских, специально созданных для помощи евреям, переселяющимся в Биробиджан. Отделы ОЗЕТов, проводившие агитацию в сельских советах и синагогах, обещали будущим переселенцам, что они найдут там работу, получают плодородную и никем не занятую землю, мирную жизнь без погромов и убийств — это будет для них новая обетованная земля. Человек прирастает к земле, на которой он родился, и должны были быть очень серьезные причины, чтобы вынудить его покинуть домашнее гнездо и сменить место проживания. Даже сама мысль о новой обетованной земле будоражила сознание евреев, и, возможно, одной из причин переезда была та самая романтика, о которой писали в те годы пропагандисты этого проекта.

Шолом-Алейхем не мог знать о Биробиджане, так как умер за 12 лет до начала переселения на эту землю, но евреи, приехавшие строить город у реки Биры, не могли не знать о существовании признанного миром еврейского писателя Шолом-Алейхема, в быту Шолома (Соломона) Рабиновича.

Скупая статистика тех лет, которая приводится в ряде исследовательских работ, дает некоторое представление о динамике миграционных процессов и географии переселения евреев в те годы на Дальний Восток. В 1931 году число приехавших в Биробиджанский район составило 3231 человек, из них 995 человек были старше 18 лет. Почти 50 процентов переселенцев приехало в тот год из Украины. В 1932 году из 14 тысяч человек более 40 процентов переселенцев приехало из Украины. Из сохранившихся архивных документов, в которых отражены сведения по количеству переселенцев, прибывших в город Биробиджан в 1931 году, также видно, что из Украины приехало 2097 человек, а из всех остальных стран выхода — 1133 человек, что почти в два раза меньше. В 1932 году прибыло, соответственно, 614 человек из Украины, а из других стран — 2758 человек. Это позволяет предположить, что многие из них могли не только знать о Шолом-Алейхеме, но, возможно, видеть и слышать его на встречах, которые часто проводил писатель.

Моя бабушка, Фейга Бренер (в девичестве Белоус), приехавшая в 1929 году из Житомира вслед за своим мужем (Рувин приехал в числе первых переселенцев в 1928 году) на станцию Тихонькую, знала и, предполагаю, даже могла видеть живого Соломона Рабиновича. Фейга родилась в 1892 году в Белой Церкви — центре еврейской культуры Украины. По воспоминаниям Шлимы Мееровны Берман (в девичестве Фрискер), жены Харитона Бермана (историк-краевед из Белой Церкви, умер в 2007 году), девичья фамилия моей бабушки — Белоус — была ей знакома. Одного из Белоусов — Иосифа, который, возможно, был в родственных отношениях с Либом Белоусом, отцом моей бабушки, Шлима Мееровна помнила как энергичного, деятельного человека в белоцерковском еврейском обществе.

В Белой Церкви с 1883 по 1887 годы Соломон Рабинович жил с молодой женой после женитьбы. После переезда в Киев он не забывает Белую Церковь. Вполне вероятно, что Фейга присутствовала на встрече (ей было уже 9 лет), о которой говорит Шолом-Алейхем в письме Б. Иерухимзону (еврейский писатель, проживавший в Белой Церкви), написанном 27 ноября 1901 года: «Один из этих рассказов я, возможно, буду иметь честь читать публично шестого декабря у вас, в Б. Церкви, на вечере в школе для девочек, хотя, по совести говоря, ваши белоцерковские паршивцы-аристократы этого не заслужили». Но всё это, может быть, лишь плод моего воображения или просто догадок, хотя исключать этого тоже нельзя.

Среди скудного скарба у переселенцев, приехавших в Биробиджан, были книги, часть из которых, как и тысячи других, присланных из различных библиотек страны и частных коллекций, были подарены городской библиотеке. Судьба большинства книг вследствие последующих событий в жизни переселенцев печальна и драматична. Почти половина переселенцев, приехавших в первые годы на станцию Тихонькую, уехала обратно, но остались их книги. В годы борьбы с космополитизмом пострадали не только писатели и интеллигенция, более тридцати тысяч книг были преданы огню, как во времена средневековой инквизиции. Но были произведения, на которые не поднялась даже рука инквизитора. Это были книги Шолом-Алейхема, изданные на русском и идише в

разные годы, в том числе при его жизни (1909-1911 годы), которые и сегодня хранятся в областной научной библиотеке.

В 1935-1941 годах в СССР вышли избранные произведения Шолом-Алейхема на еврейском языке в 15 томах. В переводе на русский язык его сочинения издавались в 1937 и 1948 годах, в самое тяжёлое для страны время. Всего, в период с 1918 по 1957 годы, произведения писателя издавались 480 раз тиражом 5,5 млн экземпляров на 16 языках.

После образования Еврейской автономной области велось комплектование книжного фонда из различных издательств Москвы, Украины, Литвы, Белоруссии. В 1936 году по линии шефской помощи проводилась работа по перевозке в Биробиджан еврейской библиотеки из Киева. Решением бюро обкома заместитель редактора журнала «Форпост» Ш. Клитеник выехал в Киев для определения порядка перевозки библиотеки. В том же году, к 100-летию со дня рождения Менделе Мойхер-Сфорима, библиотеке было присвоено имя этого классика еврейской литературы.

В 1940 году, после сдачи в эксплуатацию нового здания областной библиотеки, ей было присвоено имя Шолом-Алейхема. Официальных объяснений этому событию в архивах пока не найдено, но думаю, что такой исторический кульбит вряд ли понравился бы «дорогому и любимому дедушке», как обычно в письмах к Менделе обращался Шолом-Алейхем. Из этого водоворота событий вспоминается одно из его писем, адресованное Менделе Мойхер-Сфориму в 1909 году: «Моему милому и дорогому Дедушке реб Менделе Мойхер-Сфориму, да сияет светоч его.

Из всех благословений и подарков, которых я удостоился на моем литературном празднестве, этот подарок несомненно самый лучший...». Далее речь идёт о печатной машинке, подаренной Шолом-Алейхему.

Но если бы в то время писатель был жив, то в связи с таким решением местной власти, думаю, нашёл бы пару слов, чтобы пошутить на весь еврейский мир по поводу смены названия библиотеки, например, сообщил бы ему: «Мой дорогой и любимый дедушка, я не виноват, что библиотеку переименовали и назвали моим именем, наверное, твой ученик, как признали биробиджанские аиды, уже превзошёл учителя, такого подарка я и сам не ожидал...».

Через некоторое время мне представилась уникальная возможность задать вопрос внучке Шолом-Алейхема Бел Кауфман. Произошло это таким образом. Летом 2010 года я получил письмо от Сэма Ружанского, бывшего россиянина, проживающего ныне в США, с предложением принять участие в виртуальной встрече с внучкой Шолом-Алейхема Бел Кауфман. Оказалось, что редакция электронного издания «Мы здесь», где редактором наш земляк Леонид Школьник, решила провести виртуальную международную встречу главных редакторов и журналистов ряда популярных еврейских изданий, писателей и учёных с известной американской писательницей, внучкой Шолом-Алейхема Бел Кауфман в канун ее 100-летнего юбилея. Отказаться от такого предложения я не мог и сразу же подтвердил своё участие в этой встрече с человеком-легендой, автором известной книги «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Так я оказался в числе восемнадцати счастливчиков, которым были направлены приглашения принять участие в этом интервью, и нам оставалось сформулировать и задать ей по одному вопросу — таковы были условия этой заочной встречи. Размышляя над этим, я остановился на загадке смены названия библиотеки, что вообще-то не совсем часто происходит в обычной жизни, и решил попросить Бел Кауфман прокомментировать этот исторический факт. Сэму этот вопрос понравился, и он отправил его Бел Кауфман. Конечно, я понимал, что и для Бел Кауфман будет непросто на него ответить. Так и вышло, Бел согласилась, что обид по этому поводу не было бы: «Что касается Менделе Мойхер-Сфорима, то Шолом-Алейхем действительно его любил и уважал, и это нашло свое отражение в присвоении ему имени «дедушки еврейской литературы». И в этом я с ней согласен, два классика еврейской литературы не стали бы из-за смены названия биробиджанской библиотеки выяснять с местной властью причины такого решения. А Бел Кауфман, которой 10 мая 2011 года исполнилось 100 лет, надо пожелать дожить до 120 лет, а дальше как Б-г пошлёт.

Книги Шолом-Алейхема стали питательной средой для творческой интеллигенции, а также театрального искусства Биробиджана. Созданный в 1934 году Биробиджанский областной Государственный Еврейский театр (БирГОСЕТ) начал свою работу с

творческого вечера, посвящённого Шолом-Алейхему, точно так же, как начал свою историю Московский ГОСЕТ с вечера Шолом-Алейхема.

БирГОСЕТ, которому было присвоено имя Л.М. Кагановича, практически сразу включил в свой репертуар спектакли по произведениям Шолом-Алейхема «Тевье-Молочник», «Блуждающие звезды». В 1935 году Натан Корман, директор БирГОСЕТа, во время специальных театральных курсов, проводимых для биробиджанских актёров в московском ГОСЕТе, привлёк в качестве художественного руководителя театра Аврума Айзенберга. Под его руководством ещё в Москве коллектив театра приступил к подготовке постановки по водевилю Шолом-Алейхема «Goldgreber» (русское название «Клад Наполеона»). Премьера этого спектакля, к которому музыку написал известный ленинградский композитор Моисей Мильнер, состоялась 20 ноября 1935 года. А через год, в феврале 1936 года, в результате нападок со стороны Л. Кагановича, наркома путей сообщения СССР, побывавшего на спектакле, он был снят с репертуара.

Наверное, следует особо сказать о роли Файвиша Аронеса, исключительно талантливого актера, режиссёра БирГОСЕТа и одновременно театрального критика. Его публикации в местной прессе под рубрикой «Шолом-Алейхем в Биробиджанском еврейском театре» подчеркивают связь театра с еврейским писателем. Лучшие годы своей жизни Ф. Аронес отдал биробиджанской сцене. 25 мая 1948 года Аронес сыграл на сцене свою самую любимую роль Тевье, одновременно выступив и как режиссёр-постановщик спектакля «Тевье-молочник». Зрители плакали, видя на сцене настоящие человеческие страдания, а в октябре 1949 года Аронес был причислен к стану врагов народа и долгих семь лет в лагерях «играл роль ээка», где режиссёром был Сталин. В том же году было издано распоряжение Совета Министров РСФСР от 22 октября о ликвидации театра по причине нерентабельности.

Под лозунгом борьбы с космополитизмом в конце сороковых — начале пятидесятых годов был уничтожен весь цвет еврейской интеллигенции, в том числе и в нашей области, которая после войны вновь начала развивать национальную культуру и образование.

Первые послевоенные годы были небольшой оттепелью во взаимоотношениях власти с народом. Об этом говорят решения, принятые местными органами власти Биробиджана. 13 мая 1946 года в областной библиотеке, которая всегда оставалась центром еврейской культуры города, состоялся литературный вечер, посвящённый 30-летию со дня смерти Шолом-Алейхема. А за три дня до этого мероприятия, 10 мая 1946 года, при активном участии А. Ярмицкого, улица Партизанская переименовывается в улицу им. Шолом-Алейхема. На заседании исполкома городского Совета депутатов трудящихся он сделал доклад по данному вопросу. Заведующему горкомхозом товарищу Рубинштейну было поручено не позднее 20 мая вывесить новое наименование улицы.

Это решение подтвердило, что городские власти сделали окончательный выбор в определении центра города на левом берегу, который ещё в 1934 году планировался на правом берегу реки Биры. До сороковых годов за улицей Партизанской простиралась обширная пойма, небольшие озёрца, редкие кустарники, болота, поросшие камышом, которые плавно подходили к берегу реки Биры. Это хорошо видно на проекте генерального плана города. Только через десять лет, когда было принято решение о застройке этой улицы, началась засыпка болот, и на отвоёванной земле были возведены здание горкома партии и четыре каменных трёхэтажных дома, а преображённая улица приобрела в те времена вид проспекта. Тогда же, по праздничным датам, на улице имени Шолом-Алейхема впервые начали проводить митинги и демонстрации трудящихся города.

Новое название улицы многое изменило в жизни города. Придание проспекту, как его называли в те годы, статуса главной улицы отразилось в дальнейшем и на отношении к ней писателей и поэтов, простых биробиджанцев. Это решение создало особый колорит города, так как без этой улицы уже невозможно представить Биробиджан.

После репрессий конца сороковых годов и смерти Сталина из лагерей начали возвращаться бывшие «космополиты» — представители биробиджанской интеллигенции, на радио вновь появились еврейские программы, «Биробиджанер Штерн» стал редактировать Бузи Миллер. В декабре 1965 года группой эн-

тузиастов во главе с режиссёром Михаилом Бенгельсдорфом был создан Биробиджанский еврейский народный театр. Уже первые две постановки — «Мазлтов!» и «200000» («Крупный выигрыш») — по пьесам Шолом-Алейхема принесли театру успех, в 1967 году он стал лауреатом Всероссийского смотра и получил статус народного театра.

В Биробиджане пятидесятых годов — это может подтвердить любой биробиджанец, кому за шестьдесят — идиш звучал везде: на базаре, в сквере, в парке, где был павильон с небольшой библиотекой и стояли 5-7 шахматных столиков, в магазинах, во дворах домов, где с утра до вечера картавили и перемалывали друг другу косточки соседи. Каждое утро нас приветствовал диктор областного радио: «Эс рэд Биробиджан! Зайт гэгрост, тайрэ хавэйрим!» («Говорит Биробиджан! Здравствуйте, дорогие товарищи!»).

В киосках «Кагиз», а затем «Союзпечать» продавали газеты «Биробиджанер Штерн» и «Биробиджанская звезда». Добропорядочных евреев на предприятиях в добровольно-принудительном порядке подписывали на эти издания на квартал, полугодие или даже целый год, у кого на что хватало денег.

На идише в Биробиджане говорили много, а кое-кто умел даже свободно читать и писать. Кроме евреев, идиш учили в школе и педучилище и неплохо знали русские, украинцы, корейцы, и порой трудно было понять, кто же в этой интернациональной области еврей. Но это были ещё школьные знания, полученные до пятидесятых годов, так как преподавание на идише закончилось в Биробиджане в 1948-1949 учебном году.

«Ах, идиш, идиш! Кто знает, какую роль он ещё будет играть в жизни нашего народа!» — писал Шолом-Алейхем в письме М. Спектору в 1902 году. Может, не все читали это письмо, но идиш жил в Биробиджане до пятидесятых годов, как и положено, своей еврейской жизнью.

Когда я пошёл в 1956 году в школу, бабушка пыталась научить меня еврейскому алфавиту без учебника, так как их уже не было. Обучение моё проходило с «наглядным пособием» — газетой «Биробиджанер Штерн», при помощи которой она меня учила читать и писать буквы на идише, но мне тогда было не до еврейской грамоты. Мои одноклассники — больше половины из

которых были евреи — идиш не учили, и этот вопрос их особо не волновал. Я уже в то время почти всё понимал, что говорили на идише родители в нашем доме, соседи на улице. Потом, когда после службы в армии, я понял, что идиш для меня небезразличен, самостоятельно сел за журналы «Советиш Геймланд», где на последней странице печаталась подборка в помощь изучающим идиш, и мне эти уроки впоследствии пригодились. Первый прочитанный мною на идише рассказ был «Ножик» Шолом-Алейхе-ма. Этот рассказ раскрывает простую и сложную, с точки зрения детского переживания, необходимость строгого соблюдения одной из заповедей Б-га — не укради. Как в назидание, его сегодня можно было бы назвать «Левит 19:11» — по номеру главы, где прописана эта заповедь.

В 1959 году в стране в честь 100-летия со дня рождения Шолом-Алейхе-ма намечался выход наиболее полного издания произведений писателя в 6 томах тиражом 150 тысяч экземпляров, а также его сборника «Счастье привалило» тиражом 300 тысяч экземпляров (газета «Биробиджанская звезда» от 3 марта 1959 года). К радости читателей, по их просьбе или в связи с большим спросом на Шолом-Алейхе-ма фактический тираж юбилейного шеститомного собрания сочинений составил 225 тысяч экземпляров.

К юбилейной дате, 3 марта 1959 года в Биробиджане вышли две областные газеты: «Биробиджанер Штерн» и «Биробиджанская звезда» — с большой подборкой материалов, посвящённых 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхе-ма. Газеты посвятили целую полосу (формат газеты «Правда») этому неординарному событию в жизни страны и Биробиджана. На страницах местной прессы выступили литераторы, учителя, рабочие и служащие. Надо отдать должное — многие материалы были написаны от души, а не ради того, чтобы заполнить газетную страницу.

В «подвале» газеты «Биробиджанер Штерн» большую статью о жизни и творчестве Шолом-Алейхе-ма написал Бузи Миллер, только вернувшийся из лагеря. Там же опубликована заметка М. Бенгельсдорфа «Смех это здоровье...», где без комментариев было понятно, что это и есть наш Ш-А! Не забыли в газете привести и высказывания классиков: М. Горького, А. Фадеева. Уже в первой фразе Максим Горький коротко и ясно сказал о сути

произведений Шолом-Алейхема: «Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал...» (М. Горький получил в подарок от писателя книгу «Мальчик Мотл»). От М. Горького только одной этой строки достаточно, чтобы понять силу пера и таланта великого писателя. Словно продолжает его А. Фадеев: «...второго такого, как он, нет» (перевод с идиш мой — И.Б.).

В «Биробиджанской звезде» в заметке «Книжные выставки, читательские конференции, коллективные читки» Б. Бергер, заведующий читальным залом областной библиотеки, пишет, что в её фондах имеется более тысячи книг с произведениями Шолом-Алейхема на русском и еврейском языках. В библиотеке, на предприятиях были проведены читательские конференции по произведениям писателя и громкие читки его рассказов.

Соломон Глускин, мой будущий учитель физики и классный руководитель, в небольшом материале также выразил свои чувства к великому гуманисту. Он был восхищён чудесными страницами описания любви в рассказе «Песнь песней». Кстати, много позже, уже выйдя на пенсию, Глускин сам начал писать лирические стихи о любви, возможно, навеянные ещё той, библейской «Песнью», к которой уже не одно тысячелетие обращаются взоры писателей и поэтов народов мира и которую не обошёл своим вниманием Шолом-Алейхем. В этом же номере публикуется большая зарисовка Н. Фридмана и Д. Шавера «Улица Шолом-Алейхема», посвящённая воспоминаниям первых переселенцев, строивших Биробиджан и живших на этой улице. Много тёплых слов было приведено из воспоминаний современников писателя.

Одной из достопримечательностей нашего города, где каждый день звучало известное всем имя, был ресторан «Биробиджан». Здесь в пятидесятые-восьмидесятые годы можно было отведать еврейскую кухню, а вечером из раскрытых окон гремели еврейские шлягеры: «Семь сорок» и, конечно, «Эвейну Шалом-Алейхем», что было слышно и на улице с одноимённым названием. Эти знаменитые мелодии часто использовали в репертуаре музыкальные и танцевальные городские коллективы.

Таким образом, первый этап можно назвать ключевым в истории города, в основе которого решение местных органов власти о переименовании улицы Партизанской в улицу Шолом-Алейхема

и придании ей статуса главной. Это дало Биробиджану особый, ни с чем несравнимый колорит еврейского города.

Дальнейшие события можно охарактеризовать как попытку власти возродить национальную культуру, которая после окончания войны была подавлена мощным идеологическим прессом КПСС. Дозированная национальная культура под жёстким оком партийной цензуры — характерная черта того застойного периода.

В марте 1977 года Совет Министров РСФСР принимает постановление «Об организации Камерного музыкального театра в Биробиджане». С этого решения республиканского правительства можно начать отсчёт второго этапа, который показал новые грани взаимосвязи Шолом-Алейхема и Биробиджана. В ноябре того же года КЕМТ открыл свой первый театральный сезон, поставив оперу-мистерию «Черная уздечка белой кобылице», которая ворвалась, как тройка с бубенцами, и разбудила наш тихий и приветливый город, словно от долгой зимней спячки. Не было горожанина, который не знал об открытии гастролей этого театра, и не все желающие сумели попасть на это грандиозное музыкальное шоу.

Через десять лет Михаил Глуз, музыкальный руководитель театра, напишет в небольшой статье «Уроки Шолом-Алейхема»: «С самого начала существования нашего театра мы чётко обозначили нашу позицию: мы с Гольфаденом, Шолом-Алейхемом и плеядой других замечательных еврейских писателей и драматургов, с Михоэлсом и Зускиным». Надо отдать должное М. Глузу, многие постановки КЕМТа были основаны на произведениях Шолом-Алейхема. Но в период экономического кризиса, начавшегося после развала СССР в 1995 году, единственный в стране профессиональный еврейский театр был ликвидирован «в связи с отсутствием средств в бюджете области». Мотивировка почти та же, что и при закрытии Биробиджанского ГОСЕТа много лет назад. Нравы у власти, к сожалению, не меняются, только время власть нельзя остановить.

Писатели и поэты, жившие в Биробиджане, не могли обойти стороной главную улицу, имя которой притягивало и звало к творческой деятельности. Поэт Исаак Бронфман, родившийся на Украине, в Винницкой области, с 1931 года жил и работал в

Биробиджане. Одно из своих стихотворений он назвал «Улица Шолом-Алейхема». Ему казалось, что за кварталами домов, площадей, где цветет сирень, за журчанием Биры, шумом машин стоит, как бы наблюдая за происходящим, сам писатель:

*Шолом-Алейхем –
Звонкий мастер слова –
Любил людей.
И был любим он ими.
Сегодня мы встречаемся с ним снова
На улице,
Носящей это имя.*

Биробиджанская поэтесса Люба Вассерман в составе «преступной группы» писателей и поэтов, в числе которых были писатели Б. Миллер, С. Боржес, Б. Слуцкий, поэты И. Эмиот, Г. Рабинков, артист Ф. Аронес и другие, проходила по делу № 68. Основным из предъявленных им обвинений был буржуазный национализм. Л. Вассерман воспевала в своих стихах любовь к людям, строящим город, к природе, их окружающей, к реке Бире, к небу над Хинганом, к звёздам над Биробиджаном. И всё это потому, что она считала:

*Биробиджан — мой дом,
И песнь моя о нём.
Люблю свою страну — Биробиджан.*

Этот отрывок из стихотворения, изъятого при обыске и в то время ещё нигде не опубликованного, был признан националистической проповедью и лёг в основу обвинительного заключения. Приговор — 10 лет лишения свободы. По возвращении из лагеря Л. Вассерман вновь пишет стихи о Биробиджане. Среди них есть и «Улица Шолом-Алейхема».

Шолом-Алейхем для Биробиджана — даже больше, чем писатель. Он и мечтать не мог, что его имя будут использовать в своих стихах и песнях местные авторы. В 2004 году был выпущен сборник стихов Александра Драбкина «Мы из Биробиджана». Бывший журналист, а сегодня руководитель отдела криминалистики следственного управления гордо заявляет:

*Я мотаю вёрсты год за годом.
И в местах, где довелось скитаться,
Спросит кто: «Еврей, откуда родом?»,
Я: «С Шолом-Алейхема, 17!».*

Для тех, кто не знает, — это адрес роддома, который поэт весьма удачно использовал в рифме этого стихотворения. Порой мне даже кажется, что это Биробиджан был создан для Шолом-Алейхема, и, как подтверждение этому, А. Драбкин выдаёт чудесную метафору в одном из своих стихов:

*На слезах замешан и на смехе
Мой Биробиджан. Шолом-Алейхем!*

В начале главной улицы Биробиджана, носящей имя Шолом-Алейхема, или, как её любовно называют биробиджанцы, «улица Ш-А», установлен памятник классику еврейской литературы работы местного художника Владислава Цапа. На конкурсе, в котором приняло участие четыре участника из разных городов России, его проект был одобрен единогласно. Памятник был изготовлен в соседней, Хейлунцзянской провинции Китая.

На этапе согласования макета памятника, где я принимал участие, по общему мнению членов биробиджанской общины «Фрейд», эта скульптура никуда не годилась: физиономия Рабиновича была без очков и подозрительно смахивала на китайского подданного, что привело нас к мысли о некоем подвохе со стороны соседей из Поднебесной. Мы единогласно решили, что наш Шолом-Алейхем, во-первых, должен быть в очках, во-вторых, разрез глаз не должен напоминать наших соседей по другую сторону Амура, в-третьих, он должен быть в жилетке. Было поручено В. Цапу вместе с китайскими скульпторами доработать эти детали проекта памятника. В 2004 году под аплодисменты горожан памятник Шолом-Алейхему был открыт и стал одной из наших главных достопримечательностей.

Ради исторической правды следует признать, что памятник Шолом-Алейхему задумывалось установить в Биробиджане задолго до этого времени. Инициатором создания памятника писателю тогда выступил скульптор Абрам Мильчин. Это имя до последнего времени было мало известно даже в Биробиджа-

не, куда он переехал ещё в 1933 году, когда ему исполнился 21 год. Полное его имя Абрам-Янкель Юдка-Пейсахович Мильчин сыграло впоследствии негативную роль в его жизни. Несмотря на признание мастерства скульптора, он оставался неизвестным автором самых известных работ в России.

С детства у Мильчина проявился талант скульптора. Абрам учился в изостудии у скульптора Веры Мухиной, автора знаменитой композиции «Рабочий и колхозница». Она же лично ходатайствовала о его приёме в Суриковский институт, который он так и не закончил из-за начавшейся войны. После войны Мильчин принимает участие в конкурсе к 100-летию Хабаровска на создание памятника первопроходцу. Он становится победителем конкурса и создает одну из самых известных скульптур на Дальнем Востоке и в России — памятник Ерофею Хабарову, который был открыт 31 мая 1958 года. С тех пор этот памятник является визитной карточкой города.

Почти тридцать лет имя автора старательно замалчивалось и нигде в связи с этим монументом не упоминалось, так как отдельным партийным и советским руководителям оно, очевидно, резало слух. Скульптор А. Мильчин оставил на память биробиджанцам в областной библиотеке барельеф Шолом-Алейхема, но его авторство, опять же, известно очень узкому кругу людей, а его мечту — поставить в Биробиджане памятник знаменитому писателю — осуществил через много лет В. Цап.

Владислава Цапа — художника и скульптора, который несколько лет назад был принят в члены Союза художников России, можно по праву назвать главным иллюстратором рассказов Шолом-Алейхема в России. Многие работы Цапа навеяны мотивами и персонажами из произведений еврейского классика. В его картинах запечатлены сцены жизни простого человека из еврейского местечка, которому не чужды радость и веселье, смех сквозь слёзы. Художник чувствует настроение и обстановку, раскрывает и показывает жизнь местечка, как фотографию, сделанную им в той же Касриловке много лет назад.

При финансовой поддержке распределительного комитета Джойнт и Федерации еврейских организаций Дальнего Востока России издан альбом картин В. Цапа «Еврейская улица» по

произведениям Шолом-Алейхема. Сюжеты картин и подписи взяты из рассказов «Касриловка. Город маленьких людей», «Разбойники», «Мальчик Мотл», «Мафусал», «Скрипка», «Тевье-Молочник», «Праздничные гостинцы», «Касриловка», «Не сглазить бы», «Дрейфус в Касриловке», «Блуждающие звезды», «Великий переполох среди маленьких людей», «Новая Касриловка» (Касриловский театр), «Шмуел Шмелькис и его юбилей», «Три вдовы», «Родительские радости». Эти картины выглядят как сцены из театральных спектаклей: на фоне декораций оживает еврейское местечко, где режиссёр, художник и гримёр в одном лице Владислава Цапа представляет нам ожившую постановку из очередного рассказа еврейского народного писателя. К 75-летию ЕАО Цап подготовил два выпуска комиксов по рассказам Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» и «Мальчик Мотл», напечатанных в газете «Биробиджанер Штерн».

Боготворя идиш, Шолом-Алейхем и представить себе не мог, что через сотню лет в Биробиджане люди не еврейской национальности — Роза Строкова и Елена Беляева при поддержке еврейской общины «Фрейд» и Биробиджанского государственного педагогического института подготовят уникальный в своём роде альбом «От Алеф до Тав. Тайна еврейской буквы» — прекрасный еврейский алфавит в рисунках, который достоин самого высокого признания как в художественном, так и в литературном отношении.

Среди неординарных событий Биробиджана в первые годы перестройки было издание в январе 1993 года новой газеты «Улица Ш-А», девизом которой стали слова: «Шолом-Алейхем — значит мир вам!» Главный редактор редакционно-издательского отдела еженедельной газеты «Ди Вох» Майя Котлерман на одной из планёрок поставила вопрос о необходимости выпуска ещё одной газеты, которая дополняла бы рекламный «Ди Вох», была бы более серьёзной и востребованной всем населением города — от домохозяйек до предпринимателей. Формат и тематика нового издания были рассмотрены и утверждены на заседании редакционной коллегии. Над названием думали недолго. Согласились с предложением сына Майи, Бориса Котлермана, выпускника факультета журналистики Московского государственного уни-

верситета имени М.В. Ломоносова: «А что, если это будет «Улица Ш-А»?». Всем понравилось.

Надо признать, что новость об открытии газеты с таким названием разлетелась по Биробиджану быстрее, чем её тираж дошел до горожан. Но как организовать выпуск ещё одной газеты? Из моего интервью с М. Котлерман (проживает сегодня в Израиле) выяснилось, что денег на новое издание газеты у издателей не было. В частной встрече с директором типографии А. Мосейкиным Майя его заверила, что буквально в течение нескольких месяцев после первого выпуска все затраты, включая расходы на бумагу, печатание и прочее, окупятся. Тираж, по её расчётам, в два раза должен был превысить тираж газеты «Биробиджанер Штерн». И типография начала выпуск газеты «Улица Ш-А».

В те годы, когда государство в очередной раз ограбило свой любимый народ и рубль обесценился в тысячу раз, выручка от реализации газет «Ди Вох» и «Улица Ш-А» могла измеряться мешками или килограммами денежной массы. Но это был настоящий «деревянный» рубль, на который можно было хоть что-то купить. А. Мосейкин продолжил печатание газеты, а редакции новое издание приносило всё больше дохода. Это был успех, и помог в этом рискованном деле образ дорогого и любимого писателя, чьи инициалы красовались в названии газеты, а также труд корреспондентов, разносчиков и тех, кто читал и ждал её очередного выпуска.

Как быстрее донести газету до читателя? Этот очень важный вопрос сразу встал перед издателями и редакцией. Тогда же было принято решение привлечь к распространению изданий, кроме киосков «Союзпечати», детей. В начале девяностых годов в условиях финансового и экономического кризиса в стране многие предприятия не работали, прилавки в магазинах были полупустыми. В семьях, где родители, работавшие, например, на одном предприятии, оказались безработными, дома часто не было денег даже на хлеб, поэтому любая возможность заработать ценилась на вес золота. Майя с коллегами пригласили на работу подростков 13-15 лет. Заключался устный договор под честное слово. Ребёнку давалось столько газет, сколько он был в состоянии продать. Получалось по 100 — 300 штук, чтобы хватило на всех. А всех

было иногда до 50-60 человек. За реализацию газет дети получали двадцать процентов от выручки. Это были очень приличные деньги, заработанные подростками честным трудом. Во многих семьях это был тогда единственный источник дохода, который позволял обеспечивать необходимым минимумом продуктов всю семью. Поэтому нередко детям помогали их родители. Утром они получали газеты и уже к вечеру приносили выручку. Расчёт производился на месте и сразу. Тогда же, наверное, родилась идея создания новой газеты «Ух ты!», выпускавшейся под девизом «Для тех, кто растёт», которая чуть позже тоже вышла в свет, но уже под другим руководством. Она привлекла внимание юных биробиджанцев и объединила немало детей.

Газеты пользовались большой популярностью у рекламодателей. Иногда в качестве расчётов редакция частично принимала у рекламодателей продукты питания, сладости, которые раздавались детям безвозмездно, просто чтобы подкормить ребят и их помощников перед работой. Как-то ранним утром, когда в коридоре редакции маленькие почтальоны ждали очередного тиража газета, один из ребят воскликнул: «Когда же нам принесут нашу «УШАНКУ»?» Так газета получила в народе своё второе название, которое было ничуть не хуже первого. Кстати сказать, здоровье каждого работающего ребёнка было официально застраховано.

Думаю, что Шолом-Алейхем оценил бы это по достоинству. Если бы он был жив, то мог бы гордиться такой популярностью своей фамилии в Биробиджане. Пусть скажут ему предприниматели спасибо, что он не вставил в своё завещание пункт о перечислении гонорара за использование его псевдонима в коммерческих целях, так как сегодня на рекламных стендерах по городу мелькают указатели, где в адресе присутствует «Улица Ш-А» и указывается номер дома.

В 1994 году, к 135-летию со дня рождения Шолом-Алейхема в Биробиджане состоялась научно-практическая конференция: «Шолом-Алейхем: творчество и проблемы литературного наследия», прошедшая под девизом: «Шолом-Алейхем — блуждающая звезда еврейского счастья», которую совместно провели Управление культуры правительства области, областная универсальная научная библиотека имени Шолом-Алейхема и Еврейский филиал Института национальных проблем образования МО РФ.

Впервые за многие годы тема творчества Шолом-Алейхема стала предметом научного изучения и рассмотрения ведущими литературоведами, филологами, библиографами, преподавателями вузов и школ города. Следует отметить, что на конференции прозвучал ряд конкретных предложений по данной теме. Так, Т. Файн, заведующая Еврейским филиалом Института национальных проблем образования МО РФ, в своём выступлении на тему «Педагогический аспект литературного наследия Шолом-Алейхема» подчеркнула необходимость использования литературного наследия писателя с педагогических позиций, так как большинство его произведений имеют этнопедагогическую направленность. Исходя из этого возникает следующий аспект, который требует от исследователей и педагогов уяснения места и роли Шолом-Алейхема в школьном литературном образовании, прогнозирования путей и способов сохранения его наследия через систему школьного образования.

В этом же выступлении были определены и конкретные направления работы по введению в национально-региональный компонент обязательного учебного предмета в ЕАО «Еврейская литература на русском языке», который предполагал подготовку хрестоматии по еврейской литературе для начальной школы, где особое место должны занять произведения Шолом-Алейхема. В качестве нового предмета обучения намечалось ввести в еврейской государственной школе с 5 класса «Еврейскую литературу на идиш». Шолом-Алейхем присутствует и в учебных программах 9-11-х классов школ города, в которые включён раздел «Еврейская литература». Рабочая учебная программа и календарно-тематическое планирование были составлены на основе авторской программы Л. Серовой, Г. Пасманик, А. Первишовой в 2002 году и утверждены экспертным советом Управления образования правительства ЕАО.

Авторы программы Г. Пасманик и А. Первишова в примерный тематический план включили такие разделы, как «Шолом-Алейхем — классик еврейской литературы»; «Ранние произведения Шолом-Алейхема. «Мой брат Шимеле»; «Цикл «Железнодорожные рассказы»; «Учитель Бойаз»; «Повесть «Мальчик Мотл» (часть 1); «Семья Мотла в поисках счастья (часть 2)».

В разделе «Литературное наследие ЕАО» наряду с местными писателями в программу также включен и Шолом-Алейхем, его жизненный путь, становление его как писателя. Из ранних произведений писателя, кроме вышеназванных, сюда вошли «Записки коммивояжёра» и «Часы». Программа предлагает для изучения темы: «Шолом-Алейхем — мастер юмористических рассказов и повестей», «Смех сквозь слёзы» как одна из особенностей юмора писателя», «Монолог — излюбленная литературная форма Шолом-Алейхема», «Повесть «Мальчик Мотл» как лучшее произведение классика еврейской литературы для детей».

Для 11-х классов разработана комплексная тема «Шолом-Алейхем — классик еврейской литературы». В неё были включены разделы: «Художественный мир писателя», «Тема искусства в творчестве Шолом-Алейхема», «Трилогия, посвящённая народным талантам», «Романы о трагической участи талантливой человека», который задыхается и гибнет в среде с торгашеским отношением к людям, не способной по достоинству оценить своих талантливых земляков - музыканта-скрипача («Степеню»), кантора, одарённого исполнителя синагогальных песен («Иоселе-соловей»), актёра и певицы («Блуждающие звёзды»). Среди рекомендованных произведений отдельно выделена повесть «Тевье-молочник».

В последние годы возросшей популярности Шолом-Алейхема способствовало и то, что его имя было положено в основу двух песен: «Улица Шолом-Алейхема» и «От фонтана до фонтана», автором слов и музыки которых является Наум Ливант, почётный гражданин города Биробиджана. Припев этой песни повторяется в куплетах в различных вариантах, но всегда начинается со слов: «Улица Шолом-Алейхема...».

Как итог последних двух десятилетий работы творческой интеллигенции, учителей Биробиджана следует рассматривать мероприятия, посвящённые 150-летию рождения писателя. Эти мероприятия продемонстрировали, что в Биробиджане имя Шолом-Алейхема имеет значение не только как относящееся к главной улице города, но и как напрямую связанное с образованием, поскольку произведения Шолом-Алейхема включены в программы изучения литературы в школах, средних и высших учебных заведениях. Подтверждением этому служат проведённые

в области в 2009 году литературные чтения и выпуск Областным институтом усовершенствования учителей сборника материалов, посвящённых этому событию, под названием «Сердце вложил я в книги свои».

Выставки, читательские конференции в библиотеках, школах города, публикации о творчестве народного писателя в местной прессе не оставили равнодушными тысячи горожан. В конечном счёте привело к тому, что за прошедшие годы, независимо от чьей-либо воли или усилий, имя еврейского писателя Шолом-Алейхема в Биробиджане стало знакомо каждому его жителю. Какой город в мире может заявить об этом?

Апофеозом всех этих событий следует считать решение учёного совета Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии после изменения статуса ходатайствовать перед министерством о присвоении вузу имени Шолом-Алейхема, что было поддержано преподавателями, студентами, а также членами Биробиджанской еврейской национально-культурной автономии.

Приказом Минобрнауки России от 24 ноября 2011 г. № 2746 «Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия» переименована в «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема».

В самом университете считают, что с присвоением ведущему высшему учебному заведению области имени Шолом-Алейхема ещё раз увековечена память выдающегося еврейского писателя, внесшего значительный вклад в развитие еврейской культуры и литературы на языке идиш. Здесь уже около 20 лет преподаётся идиш, а в университетском музее есть постоянно действующая экспозиция, посвящённая писателю, созданная при содействии Бар-Иланского университета Израиля. Часть экспонатов подарил музей Шолом-Алейхема из Тель-Авива. На базе вуза создан центр изучения языка идиш, в работе которого активное участие принимает профессор Бар-Иланского университета Борис Котлерман.

Из всего вышеизложенного может быть только один вывод: если и родился великий писатель в небольшом городке Переяславле Полтавской губернии, то прописан Шолом-Алейхем однозначно в Биробиджане, «на улице, носящей это имя»!

ПОДАРКИ АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

История образования и строительства Еврейской автономной области, в которой принимали участие сотни советских и зарубежных организаций, десятки тысяч людей, до сих пор преподносит нам открытия, которые вызывают неподдельный интерес. Одно из них связано с деятельностью ряда американских общественных организаций, собравших коллекцию картин с целью передачи их в дар Биробиджану. Этот искренний и широкий жест поддержки Биробиджанского проекта, несмотря на царившую в те годы в Америке Великую депрессию, буквально через три года подвиг на аналогичный шаг чикагских художников, создавших альбом гравюр под названием «Подарок Биробиджану». В американской и советской прессе тридцатых годов было немало публикаций по данной теме. И тогда, и сегодня они вызывают интерес у тех, кто занимается историей Биробиджана.

Около тридцати лет назад в канун празднования 50-летия образования ЕАО в Биробиджане впервые заговорили о существовании картин, посланных из США в подарок Биробиджану и хранящихся якобы в запасниках Эрмитажа. Скупая информация о коллекции подаренных нам картин вызвала нескрываемый интерес. С коллегами мы обсуждали, с чего начать поиск, кому направить запрос об этих картинах, но эти вопросы в то время так и остались висеть в воздухе. Но всё тайное когда-нибудь становится явным. Эта мысль успокаивала и подсказывала, что со временем всё прояснится и картины будут найдены. Так и случилось. Несколько лет назад к этой теме вновь возвратились учёные и исследователи в США, Израиле и России.

Мой интерес к этой теме возник весной 2007 года, когда я подарил свою книгу Борису Котлерману, нашему бывшему земляку. В ходе обмена мнениями по проблемам, поднятым в ней, в том числе пропавшей выставки картин американских художников, он,

как бы между прочим, сказал, что несколько лет назад предложил Николаю Бородулину (нашему земляку — заслуженному учителю, координатору программ по идишу в Центре еврейской культурной жизни организации «Рабочий круг» в Нью-Йорке), написать статью о судьбе американских картин, привезённых в СССР в подарок Биробиджану. Такой материал им был подготовлен на английском языке под названием «American Art for Birobidzhan» и опубликован в специальном выпуске научного журнала «Jews in Eastern Europe» (The Hebrew University of Jerusalem) № 3(49), winter 2002, который был посвящён истории Биробиджана. Издание этого журнала инициировал Б. Котлерман.

В сокращённом виде здесь приводится перевод статьи Н. Бородулина по поднятой проблеме, которая без сомнения вызовет интерес ценителей искусства.

«В 1934 году группа американских художников, симпатизирующих Советскому Союзу, на заседании клуба имени Джона Рида (прототип советского пролеткульта) предложила организовать выставку для создания в Биробиджане художественного музея. Реальные шаги по реализации этой идеи были предприняты лишь в ноябре 1935 года, когда по инициативе еврейской просоветской организации Икор был создан комитет по проведению художественной выставки для Биробиджана под председательством нью-йоркского скульптора Адольфа Вольфа и секретаря — художника Франка Кирка. Членами комитета являлись известные американские художники и скульпторы Юджин Хиггинс, Минна Гаркави, Луис Лозовик, Вильям Гроппер, Соломон Вильсон, Николай Сиковский, Стюарт Дэвис, Филип Райсман и другие. Они обратились с воззванием к деятелям искусства Америки, включая ряд знаменитостей, приглашая их принять участие в выставке-подарке для «единственной еврейской национальной территории в мире», которая станет, по их словам, «одной из лучших и полных коллекций американского искусства, представленного за пределами США».

По словам Ф. Кирка, комитет в течение нескольких дней получил письменные согласия почти от 200 художников и скульпторов, готовых предоставить свои работы для выставки. Картины были тщательно осмотрены и отобраны членами комиссии в

соответствии с тематикой, отражающей американский образ жизни и трудовую Америку. Полотна и скульптуры несли в себе социальный заряд.

Спонсорами выставки, помимо упомянутой выше организации Икор, выступили: посол Советского Союза в США Александр Трояновский, видные американские еврейские деятели Рувен Брайнин, Бенцион Гольдберг, Роберт Форсайт, Моисей Ольгин, Мойше Надир, Джозеф Фриман, раввин Бенжамин Гольдштейн, а также генерал Виктор А. Яхонтов, Освальд Гаррисон Виллард и другие. Состав спонсоров был явно не однозначен по своей политической окраске, однако всех их объединяла симпатия к Советскому Союзу.

Коллекция из 203 работ, выполненных 119 авторами, была отобрана в феврале 1936 года и выставлена в Нью-Йоркской галерее, в Манхеттене. Выставка проходила с 7 по 28 марта. Об её уровне говорят следующие факты: 56 участников этой выставки представлены в крупных музеях мира, 85 процентов участников выставлены в художественных галереях Америки. Помимо коренных американских художников, а также американских евреев, эмигрировавших, в основном, из России, на выставке были представлены работы мастеров всевозможных школ и направлений в современном искусстве — уроженцев Германии, Италии, Австрии, Польши, Японии, Венгрии, Румынии, Бельгии, Литвы, Эстонии, Англии, Чехословакии, Голландии и Мексики.

Примечателен и тот факт, что почти половина участников выставки были не евреи. Не обошлось и без курьёзов. Так, например, один из участников выставки рассказал, что какая-то незнакомка принесла скульптуру — голову негра — в подарок биробиджанскому музею и, пожелав остаться неизвестной, скрылась, а бронзовая скульптура дополнила и украсила экспозицию.

Выставка картин, собранных для Биробиджана, по словам её организаторов, являлась «выражением признательности свободлюбивых американцев советской системе, освободившей угнетённые народы в целом, и евреев в особенности. Она войдёт в историю как великая связь между Америкой и Советами, между прогрессивной, интеллектуальной Америкой и освобождёнными евреями».

Из 203 работ, представленных на выставке в Нью-Йорке, искусствоведы выделяли рисунок Терезы Бернштейн «Первомайский Парад мира»,^{*1} несущий яркие краски и очарование, полотно Юджина Хиггинса «Дождливый день», картину Морриса Кантора «Жилой дом на ферме»,^{*} полотно Аарона Бохрода «Трущобы»,^{*} работу Сола Вильсона «Погрузка мрамора», картину Франка Кирка «Мир на земле».

Лучшей частью выставки, по общему мнению критиков, являлся раздел графики, представленный работами таких мастеров, как Вильям Гроппер, Оронзо*, Макс Вебер, А. Валькович*, Гарри Стенберг*, Алекс Ставенич, Вильям Сигел*, Мозес и Рафаел Сойер, Мичел Сипорин*, Филип Рейзман*, Сауль Раскин, Мозес Оле, Пауль Мельцнер, Луи Лозовик, Расселл Лимбах*, Г. Глинтенкамп, Гуго Геллерт, Стюарт Дэвис*, Йосл Котляр*, Барбара Боррадж, Юлиус Блох, Адольф Дэн, Пэгги Бейкон и Альберт Абрамович. Из немногочисленной скульптуры (14 работ) особо выделялись произведения Арона Гудельмана «Портрет Мойши Надир» (бронза), «Сидящая женщина» Анны Вульф, «Генри Барбюс» Минны Гаркави, «Сидящая девочка» Вильяма Зораха, «Портрет работающей американской матери» Мориса Гликмана. Вход на выставку был бесплатный, она была открыта для посетителей ежедневно с часу дня до десяти вечера.

К открытию выставки был выпущен иллюстрированный каталог со вступительной статьёй Моисея Ольгина, редактора коммунистической «Morgn frayhayt», с перечислением всех работ и краткой информацией об авторах, представленных на ней. Практически ежедневно для посетителей проводились музыкальные программы, выступления людей, знающих Биробиджан не понаслышке. Выставка, по мнению её организаторов, должна была помочь советским людям лучше понять и узнать Америку, «увидеть её многообразие: надорвавшихся на работе трудящихся, отчаявшихся безработных, бедные рабочие кварталы, которые уже не встретишь в Советском Союзе, эмигрантов... Они увидят Америку такой, какая она есть, Америку, ещё ждущую свою революцию, хотя она об этом и не знает». Более того, устроители выставки были убеждены, что

¹ Картины и фамилии художников, помеченные *, не были отобраны на выставку в Москве.

и «сами американцы должны это тоже увидеть, так как одним из достижений художника является умение показать правду процессов и явлений, которые обыватель видит лишь вскользь».

Небезынтересны были также мнения посетителей выставки. А. Табак делится своими впечатлениями на страницах газеты «Идише вельт» (Еврейский мир, Филадельфия): «Это была непростая задача, но когда мы смотрим сейчас на имена мастеров и их творения, мы осознаём, какая колоссальная работа была проделана. Христиане и евреи, многие из них близки, многие далеки от наших проблем, радостей и болей. Многие из них хорошо известны миру искусства и ... в результате мы имеем художественную коллекцию, которой может гордиться любой музей и которая покажет советским евреям, что в Америке помимо больших долларов имеется ещё немного искусства, и, может быть, не немножко, а много».

С 10 по 24 апреля выставка демонстрировалась в Бостоне. Её посетило более 5000 человек, среди которых находилось много молодёжи, что являлось редким явлением для подобного рода мероприятий. Открытие выставки собрало более 300 человек, что превзошло самые оптимистичные ожидания даже среди членов и сторонников Икора. В Бостоне коллекция пополнилась работами местных мастеров.

Не все картины местных мастеров удалось разместить на выставке из-за нехватки места. Посетители отмечали также необычный характер выставки, разнообразие и разнокалиберность её участников, что, несомненно, вызывает к ней большой интерес. Даже «яростные противники ЕАО: сионисты и деятели «Хадассы» были вынуждены признать, что идея Биробиджана становится всё более привлекательной».

Выставка «Художники США — государственному музею ЕАО» прошла с успехом в двух крупных городах Америки и 7 сентября отплыла на корабле «Фридрих Энгельс» в Москву. Сопровождал её в пути следования секретарь комитета по проведению выставки художник Франк Кирк. Принадлежащий ему каталог выставки в Нью-Йорке и список работ экспозиции в Москве, хранящиеся в настоящий момент в архивах YIVO (Нью-Йорке), позволяют нам с абсолютной точностью определить, какие работы были отобраны на московскую выставку.

Примечателен и тот факт, что «Най лебн» — ежемесячный рупор Икора — с воодушевлением оповестила читателей о том, что коллекция, следующая в Москву, насчитывает 85 масляных полотен, 150 акварелей и рисунков, а также 16 скульптур. А ведь на нью-йоркской выставке демонстрировалось 203 работы. Видимо, прибавившиеся 48 творений явились результатом бостонской выставки, а также дополнительными подарками художников. Коллекция благополучно достигла Москвы, где специалисты-искусствоведы во главе с представителем министерства искусства СССР Замочкиным и секретарём иностранного отдела московского общества искусства художником Дюрусом произвели её тщательный осмотр и анализ. В результате было отобрано 130 работ для демонстрации в экспозиционных залах Музея нового западного искусства по улице Кропоткина 21.

В ходе подготовки к открытию выставки были разосланы приглашения тысячам гостей. Более двух тысяч плакатов было развешено по всей Москве. За несколько дней до открытия выставки специальные объявления о ней транслировались по московскому радио.

Торжественное открытие выставки состоялось 24 декабря 1936 года в час дня. На нём присутствовало много гостей, представителей различных советских общественных организаций, деятелей культуры и науки, прессы. Директор музея Б. Терновец открыл торжественный вечер и предоставил слово С. Диманштейну, председателю ОЗЕТа. Он поблагодарил американских художников и Икор за подарок, который явится «фундаментом для основания еврейского государственного музея в Еврейской автономной области ... и примером для еврейских художников Советского Союза. Советские еврейские мастера художественного искусства подарят еврейскому музею в Биробиджане в честь 20-ой годовщины Октябрьской революции свои работы, в которых должны быть отображены большие процессы преобразования жизни еврейских трудящихся в СССР».

Вначале планировалась, что экспозиция американских картин в Москве будет открыта в течение трех недель, но в результате повышенного интереса к выставке она была продлена ещё на такой же срок. «Советская пресса тепло отзывалась о выставке, высоко

оценивая качество некоторых работ. Несколько экспонатов иллюстрировалось в центральной прессе. Двум работам особенно повезло: рисунок Гуго Геллерта «Владимир Ильич» и скульптура Мориса Лубина «К социализму» были отобраны в постоянную коллекцию музея им. В. И. Ленина».

130 работ, представленных на выставке, органично вписывались в основополагающие принципы соцреализма. Вслушайтесь только в их названия: «Работа в московском метро» и «Томас Муни в тюрьме» А. Абрамовича; «Шахтёр с женой», «Шахтёрский городок», «Очередь» Барбары Боррадж; «Бездомный», «Жилище бедных рыбаков» Дианы Гелерман; «Карл Маркс», «Владимир Ильич», «Очередь за хлебом» Гуго Геллерта; «Разгрузка», «Постройка судов», «За производством матрасов» Гери Готлиба; «Демонстрация» Марка Датца; «Профсоюзное собрание» Вильяма Зигеля; «Классовая борьба» Генриха Келема; «Забастовка» Луиса Лозовика и многие другие.

После демонстрации в Москве след выставки таинственно исчезает. Невозможно отыскать ни единой строчки в прессе о её местонахождении. Эта тайна вполне объяснима. Ещё в начале 1936 года администрация ЕАО, во главе с её председателем, Иосифом Либербергом, узнав о намерении американских художников подарить свои работы художественному музею в Биробиджане, поблагодарила их и заверила, что «одно из больших зданий, строящихся в городе на Бире, будет отдано под художественный музей».

Это заверение, к сожалению, не воплотилось в жизнь. Как известно, в августе 1936 года И. Либерберг был вызван в Москву якобы для отчетного доклада. Его арестовали и обвинили в троцкистской террористической деятельности, а 9 марта 1937 года по приговору военной коллегии Верховного суда СССР он был расстрелян.

Поразительно то, что американские еврей-коммунисты никак не прореагировали на арест и гибель так ими почитаемого И. Либерберга, а только скромно сообщили своим читателям в декабре 1936 года, когда в Москве проходила выставка, что новым председателем облисполкома ЕАО избран М. Катель.

Так печально и безрезультатно закончилась поначалу оптимистическая и многообещающая страница творческого, культурного

обмена между художниками США и Биробиджаном. В библиотеке YIVO имеется большой альбом литографий, созданный в 1937 году чикагскими художниками в подарок Биробиджану. Судя по дате выпуска, этот альбом также вряд ли дошел до адресата.

До последнего времени судьба выставки «Художники США государственному музею ЕАО» оставалась неизвестной. В восьмидесятых годах бытовали мнения, что картины разобрали центральные музеи России. Однако недавно завеса над тайной приоткрылась. Учёный из Санкт-Петербурга, этнограф Валерий Дымшиц, побывав в YIVO и осмотрев каталог выставки, которая проходила в Нью-Йорке, с уверенностью заявил, что, во всяком случае, часть экспонатов находится в Этнографическом музее Санкт-Петербурга. Он сообщил также, что в фондах Российского этнографического музея (РЭМ, бывший Музей этнографии народов СССР) находится до сих пор не разобранный и не описанный фотоархив ОЗЕТа. Этот фонд попал туда стараниями заведующего еврейским сектором И. Пульнера¹ в 1938 году после закрытия ОЗЕТа. Вместе с фотографиями в этом фонде находятся некоторые работы с американской выставки «Подарок Биробиджану»: почти вся графика и несколько скульптур. Где находятся живописные работы, в настоящий момент неизвестно. Остаётся надеяться, что недостающие работы будут найдены и любители искусства смогут воочию увидеть экспонаты этой необычной выставки».

Эта статья стала отправной точкой для поиска потерянной коллекции картин. Н. Бородулин проделал большую работу, доказав своими исследованиями сам факт организации собрания этой коллекции с целью её передачи Еврейской автономии. Оставалось решить совсем простую задачу: связаться с РЭМом и, предъявив статьи из американской прессы, каталог, переписку местных властей середины тридцатых годов, попросить вернуть картины законному владельцу — нашей области. Я разыскал Валерия Дымшица, познакомился с ним, и он подтвердил всё вышесказанное и выразил мнение, что не всё так просто в этом вопросе. После возвращения из Америки он намеревался сверить

¹ И.М. Пульнер – Пульнер Исай (Иегошуа) Менделевич (1900-1942), с 1938 года научный сотрудник, заведующий еврейским отделом Государственного музея этнографии, в 1937 году совершил этнографическую экспедицию в Биробиджан.

американский каталог с имеющимися картинами и выяснить, что всё же сохранилось в архивах этого музея, но ему ограничили доступ к этим фондам, а после того, как он попытался придать огласке информацию о своей находке, его больше не допускали к этим материалам.

Таким образом, мне пришлось самому обратиться к Н. Бородулину, чтобы получить копии документов и статей об этой выставке в американской прессе тех лет, а также каталог картин, которые он любезно предоставил. Затем всё это было переведено на русский язык, и, в совокупности с найденными материалами из областного государственного архива — перепиской И. Либберберга с Икором и с Москвой о готовности отгрузки картин в Биробиджан, я предоставил эти документы нашим органам власти как доказательство незаконной «приватизации» культурного наследия ЕАО более семидесяти лет назад.

В областном государственном архиве ЕАО были обнаружены телеграммы, посланные из Москвы в 1937 году в адрес Биробиджанского ОЗЕТа. В одной из них говорилось: «Днями закрывается выставка работ американских художников для музея ЕАО около 200 единиц. По закрытию выставки придётся коллекцию направить в ЕАО. Договоритесь руководящими организациями подготовке места выставки хранения телеграфируйте». И это был не единственный документ из наших аргументов.

Согласования и переписка, составление различных запросов в Министерство культуры заняли не один год. Нам указывали, что предъявленные документы не факт, надо ещё доказать, что это именно те картины, написанные именно теми художниками, так как не все подписи можно идентифицировать.

Обращения правительства области в Министерство культуры возымели определенное действие. Несколько лет назад была начата работа по возвращению коллекции картин американских художников, переданных в дар Биробиджану в 1936 году. Как и подтвердилось, 76 картин и около 10 скульптур из данной коллекции находятся в настоящее время в Российском Этнографическом музее.

По результатам этой переписки стало также понятно, что РЭМ не намерен передавать коллекцию нашему Музею на постоянное

хранение, мотивировав это тем, что Биробиджан не забрал картины в 1937 году, то есть фактически отказался от подарка. Свой отказ от возвращения нам картин они аргументировали также отсутствием официальных документов, подтверждающих их принадлежность к данной коллекции, которая предназначалась как подарок Биробиджану (не отрицая сам факт её создания в США), и административным механизмом передачи фондов из одного музея в другой внутри страны.

Доводы РЭМа о том, что Биробиджан не забрал коллекцию картин в 1937 году, на мой взгляд, были несостоятельны и не выдерживали никакой критики. Это подтверждают трагические судьбы людей, которые имели отношение к коллекции. Почти сразу, следом за И. Либбербергом, были подвергнуты репрессиям тысячи руководителей, представителей интеллигенции, работников культуры и искусства, специалистов народного хозяйства нашей области.

В том же году в Москве расстреляли всех руководителей центральных органов КОМЗЕТа и ОЗЕТа. По сути, некому было передать и некому было распорядиться и принять эти картины, так как все действующие персонажи, имевшие отношение к этой коллекции, были расстреляны. Это страницы нашей трагической истории, о которой никому нельзя забывать, и ссылка на данный факт вызывает, мягко выражаясь, полное недоумение.

В 1938 году, уже после арестов и расстрела руководителей еврейских организаций, Ликвидационная комиссия передала через И. Пульнера, руководителя Еврейского сектора РЭМа, фонды ОЗЕТа, в которых также находилась коллекция картин американских художников, переданных в дар музею Биробиджана. Этот факт подтверждается данными архива РЭМа.

Вместе с тем РЭМ согласился провести совместную выставку в 2009 году в Биробиджане, а также изготовить графические копии картин этой коллекции. Проведение данной выставки обязывало РЭМ провести определённую подготовительную работу: реставрацию картин, дальнейшую атрибуцию (так как до конца не выяснены вопросы авторства и названия ряда картин), изготовление копий. Но и эти действия на тот период не были сделаны.

В 2010 году я вновь обратился к губернатору области А. Винникову с предложением возобновить работу по возвращению в Биробиджан коллекции американских картин. В министерство культуры был повторно направлен официальный запрос. Состоялись встречи губернатора с министром культуры, с директором РЭМа, и, как говорят, процесс пошёл. Для сотрудников Биробиджанского музея современного искусства был открыт доступ к историческому фонду музея этнографии.

В ходе мероприятий XI фестиваля еврейской культуры и искусства впервые была организована выставка небольшой части американских картин, предоставленных РЭМом в копиях. Выступая на открытии этой выставки, Александр Винников сказал: «Мы начали решать вопрос о передаче картин Еврейской автономной области. Но по ряду причин сделать это пока невозможно. Одной из таких причин является необходимость реставрации пролежавших в запасниках столько лет произведений искусства. Мы договорились, что их будут поэтапно реставрировать, так как на это нужны средства. Но очень хотелось показать картины жителям области именно в дни фестиваля. Нам удалось снять копии с 22 отреставрированных в этом году произведений. Сегодня они перед вами. Полагаю, что история возвращения американского дара только начинается. Примерно такое же количество картин будет реставрироваться ежегодно. Предстоит разыскать и другие произведения искусства, которые были в составе этой коллекции. Работа началась и займёт не один год. Думаю, что настоящие картины жители области смогут увидеть в год её 80-летия, в 2014 году».

Возможно, при определённых совместных усилиях, с привлечением органов прокуратуры, удастся найти остальную часть коллекции — картины, написанные маслом, которые представляют историческую и художественную ценность. Это будет самый дорогой подарок жителям области из нашего исторического прошлого

Собранные Икором и отправленные в наш адрес картины американских художников предназначались именно для художественного музея Биробиджана. И нет нашей вины в том, что произведения американских художников так и не были переданы нам.

Картины, графика, скульптуры должны по праву занять своё законное и достойное место в музее Биробиджана. Это будет нашей главной достопримечательностью и, возможно, стимулом для приезда туристов со всего мира, чтобы увидеть наш город и эту историческую знаменитую коллекцию. Ценность данной коллекции заключается не столько в сегодняшней её стоимости, сколько в великой цели, ради которой жили и творили в те далёкие годы сотни и тысячи людей в надежде увидеть будущую процветающую еврейскую республику на Дальнем Востоке.

Пожелаем нам всем удачи, ну а если потребуется, то надеюсь, что биробиджанцы не останутся равнодушными и поставят свои подписи под обращением к правительству и президенту России о возвращении коллекции картин её законному владельцу.

Подарок Биро-Биджану: Чикаго, 1937

Так назывался ещё один подарок 14 чикагских художников, решивших в 1937 году создать альбом гравюр под этим названием. Для простых американцев, прошедших через Великую депрессию начала тридцатых годов, образование Биробиджана — новой родины для евреев не только России, но и для желающих туда переехать на постоянное место жительства из других стран, стало невероятной возможностью обрести, наконец, свою родину. Возможно, именно в США было впервые сказано о рождающемся на Востоке Красном Сионе — Биробиджане, новой обетованной земле. Чикагские художники, несмотря на то, что кризис в стране ещё не закончился, решили поддержать переселенцев, перечислив в Биробиджан средства, полученные от реализации альбома!

Можно не сомневаться, что экземпляр альбома, вслед за картинами американских художников, был послан в подарок биробиджанцам, однако его следов ни в областном краеведческом музее, ни в Государственном архиве найдено не было.

В США только в конце XX столетия случайно было обнаружено несколько экземпляров этого альбома, один из которых сегодня

хранится в библиотеке YIVO, другой — в Чикагском местном колледже Oakton. Эта находка подвигла исследователей сделать подробное описание найденного портфолио. В 2002 году работники колледжа и художественной галереи выпустили небольшую брошюру с иллюстрациями, рассказывающую об истории создания альбома и о художниках, принявших в нём участие.

Николай Бородулин по моей просьбе пытался найти экземпляр этого издания и подарить его городу, но поиски пока не дали положительного результата. Н. Бородулин сделал копию этого альбома, которую сегодня можно увидеть в областном музее современного искусства и музее Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема.

Во введении к портфолио, написанном на английском и идише, художники объяснили цель их проекта, где было сказано: «Мы, группа еврейских художников Чикаго, передавая наши работы строителям и пионерам Биро-Биджана — символизируем этим действием расцвет новой социалистической концепции, где художники являются частью народа и становятся выразителями его надежд и желаний.

Оглядываясь назад, в древние времена, мы видим тот долгий путь, который преодолел наш народ, памятники славы и страданий увековечили на нём следы этого извилистого пути. Со светлыми чувствами мы думаем о тех еврейских странниках — наших предках, которые часто сталкивались с трудностями, их раны всегда заживали, и всегда возникало ещё более сильное желание, чтобы бороться с нетерпимостью, притеснениями и эксплуатацией.

Сегодня евреи, сыновья Израиля, воодушевлены духом новой культурной силы, частью которой являются наука и художественное искусство. Мы чувствуем, как в наших сердцах бьётся ключом потребность соединиться с нашими братьями, чтобы лучше понять те мечты, которые есть в их сердцах.

Таким образом, через искусство мы сможем передать стремление к новой и счастливой жизни, к лучшему пониманию мира, от нашей творческой энергии пойдут первые сверкающие искры, которые явят к жизни нового еврея в процессе создания».

Ещё один раздел введения в портфолио, написанный на идиш, представляет художников и авторов проекта, в котором сказано:

«Икор Чикаго рада представить еврейских художников альбома «Подарок Биро-Биджану» и поблагодарить художника и издателя Л.М. Штейна за их вклад. Не все картины в этом альбоме отражают идеологию ICOR, но мы рады представить в настоящем издании четырнадцать самых известных художников Чикаго, которые поддерживают наши усилия — создание Еврейской автономии в Биро-Биджане. Мы уверены в том, что все культурные прогрессивные силы в еврейской общине вместе с нами скоро объединятся».

Художники, принявшие участие в этом проекте, имели полную свободу выбора темы для портфолио. 14 картин раскрывают реальные еврейские темы, связанные с Биробиджанским проектом, а также социальные проблемы американцев в эпоху Великой

*Тодрос Геллер (1889-1949).
Изюм и миндаль. Бумага.*

депрессии. Художники использовали гравюры для пропаганды своих идей. Черный силуэт, где художник вырезает из дерева фон пространства, применяется главным образом для мотива «отчаяния». Белый силуэт, где художник вырезает тьму, используется главным образом для мотивов «Новой надежды». Резкий контраст светотеневой гравюры подчёркивает символизм «темноты» против «света» и «отчаяния» против «нового упования».

Этот альбом чикагских художников, как и многие другие примеры приверженности левому еврейскому движению в США Биробиджанскому проекту, ещё раз показывает, в чём заключался феномен создания Еврейской автономии. Это ещё одна малоисследованная тема истории нашей области в контексте общей еврейской истории и культуры.

*Рэймонд Кац (1895-1974).
Моисей и Горящий куст. Бумага.*

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

В истории евреев особое место занимает еврейское кладбище, которое является уникальным памятником культуры народа. Биробиджанское кладбище, именуемое в народе «Старым кладбищем» (такое название сложилось в семидесятые годы после его закрытия и выделения нового участка под кладбище), не относится к древним захоронениям в связи с тем, что образовано оно было в начале тридцатых годов прошлого столетия, когда началось переселение евреев в Биро-Биджанский район.

За все годы с начала переселения учёные, исследовавшие Еврейскую автономию, историю Старого кладбища не рассматривали и не изучали. В годы советской власти в местной прессе практически не было даже заметок журналистов о запущенности кладбища.

Исключение составляет лишь констатация факта его существования, что отмечал Д. Вайсерман, приводя высказывания А. Ярмицкого и его «оппонентов» на суде об отведении участка для кладбища еврейской общины. Чуть позже об этом же написала в одной из своих научных работ Е. Генина.

Из зарубежных публикаций необходимо отметить рассказ «Похороны Мойше Дорфера» бывшего биробиджанского писателя, журналиста Я. Цигельмана, напечатанный в журнале «Сион». В этом рассказе, опубликованном в Израиле на русском языке (он практически неизвестен российскому читателю), возможно, впервые представлена картина событий, происходивших в Биробиджане в начале семидесятых годов. Бывший журналист с присущим ему юмором рассказывает о работе местных газет, редакционной «кухне», взаимоотношениях между людьми.

Я. Цигельман приводит ещё одну трактовку названия Старого кладбища, также бытовавшую в то время: «За годы Советской власти создано три Биробиджана. Биробиджан — 1, собственно город; Биробиджан — 2, посёлок за железной дорогой; Биробид-

жан — 3, кладбище. «Первый» Биробиджан строили энтузиасты тридцатых годов.... Потом они исчезли; некоторые легли в фундамент «третьего» Биробиджана. «Второй» Биробиджан, построенный по ту сторону железной дороги, существовал недолго... Нынешние Биробиджан — 1 и Биробиджан — 2 побеждены Биробиджаном — 3, зарастают могильной травой».

Но была ещё и третья характеристика кладбища, этого последнего пути, откуда уже не возвращались биробиджанцы, характеристика, которая также была в употреблении у поколения наших родителей. Так как дорога к кладбищу шла в одном направлении — в сторону известного села Валдгейм, то обычно употреблялось выражение: «Такой-то... отправился в Валдгейм».

Следует учесть также, согласно общей тенденции в подходе к этой теме, что кладбища в советский период одновременно были неофициальными культовыми центрами. Пример неординарного отношения биробиджанцев к кладбищу был приведён автором в книге «Лехаим, Биробиджан!». После того, как в Биробиджане сгорела синагога, которая была последним бастионом и оплотом уже немолодых хранителей религиозных традиций еврейского народа, старики и старушки, взяв с собой узелки с молитвенниками и едой, тайком собирались на кладбище под сенью деревьев и читали субботние молитвы. Об этом удивительном факте мне поведала моя бывшая учительница географии Бронислава Хинкис. Кто бы мог заподозрить, что они шли на кладбище проводить шабат? Эта конспирация, как она считает, спасла их от преследований власти в то время.

В период моей работы в агентстве «Интурист» ко мне неоднократно обращались иностранные туристы с просьбой организовать поездку на еврейское кладбище, надеясь, возможно, увидеть достойные изучения надгробия, как примеры изобразительного искусства, или эпитафии, которые могут служить важнейшим историческим источником знаний о еврейской жизни.

С первых лет переселения большевиками и КОМЗЕТом велась активная антирелигиозная работа. Вопросы отправления религиозных обрядов не брались во внимание при отправке переселенцев. Как видно из книг, изданных в первые годы переселения в Биробиджанский район, религиозная культура присутствовала с первых дней пребывания евреев на новой земле.

К одной из первых публикаций на эту тему можно отнести книгу писателя В. Финка «Евреи в тайге», где он описывает свою поездку летом 1928 года в преддверии Судного дня со станции Тихонькой в еврейский посёлок Вальдгейм (в такой орфографии он назвал село Валдгейм), где с его участием прошло чтение молитвы.

Серьёзное исследование истории переселения в Биробиджан проделал Я. Бабицкий в работе «Еврейское переселение в Биробиджан». Бабицкий приводит несколько фактов религиозной деятельности, а также рассказывает о проводимой властями антирелигиозной пропаганде. Этой теме посвящена также небольшая зарисовка «Борьба против религии» из книги Э. Розенталь-Шнайдерман «Биробиджан вблизи».

Уже в первые годы переселения в Биробиджанский район сюда приехали тысячи евреев из различных республик СССР и зарубежных стран, где религиозная культура несколько веков существовала в городах и еврейских местечках и где во второй половине двадцатых годов отмечались антисемитские выступления.

Эта волна антисемитизма к концу двадцатых годов докатилась и до Дальнего Востока России. В Хабаровске, Благовещенске, Чите в 1929 году антисемитские выступления были подавлены. Но власти в рамках антирелигиозной кампании пресекали также и любые попытки религиозной деятельности. В. Романова в докторской диссертации пишет: «Из других форм работы краевых органов в области «еврейской политики» отметим закрытие сохранившихся к концу 20-х гг. синагог и еврейских кладбищ. В эти годы была превращена в рабочий клуб Владивостокская синагога, а хабаровская — в «пролетарский музей». «По просьбе трудящихся» закрылись синагоги в Читинской области. Под предлогом противоречия «интересам военной обороны страны» было закрыто еврейское кладбище в Чите (оно оказалось расположенным в непосредственной близости с артиллерийским складом)».

В первые послевоенные годы наблюдается подъём еврейской религиозной жизни.

С уничтожением идишистской культуры в западных областях страны, закрытием еврейских образовательных и культурных институтов синагога осталась единственным центром сохране-

ния еврейских традиций, своеобразным центром культуры для многих евреев.

Некоторое послабление после войны давления власти на религиозные объединения незамедлительно выявило рост авторитета синагог, ставших местом, где собиралась общественная и культурная элита еврейства. Религиозные поминальные службы, посвящённые памяти шести миллионов загубленных нацистами евреев, собирали в СССР сотни и тысячи людей.

Именно в то время, 24 сентября 1947 года, в праздник Йом-Кипур, состоялось торжественное открытие Биробиджанской синагоги в присутствии почти 400 человек. А. Ярмицкий, бывший председатель горисполкома, выделил на её ремонт и реконструкцию строительные материалы. Мебель для синагоги изготовили на мебельной фабрике.

13 октября 1947 года было принято решение горисполкома № 807 «Об отводе земельного участка под новое кладбище». Данный документ, обнаруженный недавно в Государственном архиве ЕАО, приводится без сокращений. В нём было сказано: «Ввиду того, что участок земли, отведенный в 1946 г. под перенос нефтебазы не застраивается, решение Горисполкома от 9 января 1946 г. «Об отводе его под нефтебазу отменить, и участок отвести под новое кладбище. В соответствии с этим отменить решение Исполкома от 26 марта 1945 г. «Об отводе участка под кладбище на землях бывшего корейского поселка, как несоответствующей по санитарным соображениям.

Предложить Зав. Горкомхозом т. Рубинштейну из отведенного участка Гор. кладбища выделить часть участка под кладбище Еврейской общины». От руки в нём было дописано: «Обязать Горкомхоз сделать дороги, огородить кладбище», что имело важное и принципиальное значение, так как неогороженное кладбище не могло считаться оборудованным для проведения захоронений. Документ был подготовлен за подписью председателя исполкома Спиваковского, хотя ранее у Д. Вайсермана делается ссылка по принятию данного решения на Ярмицкого.

Точного документального описания места, где до этого производились захоронения на станции Тихонькой, не обнаружено. Воспоминания биробиджанцев, родившихся в начале тридцатых годов

в посёлке Биробиджан, подтверждают существовавшую версию о том, что ранее небольшое количество захоронений находилось на месте, где впоследствии была построена больница. Так, в интервью с Саррой Будницкой (бывший председатель Облсовпрофа, затем первый секретарь Биробиджанского райкома КПСС), родившейся в Биробиджане в 1931 году (ныне проживает в городе Кирьят Ям, Израиль), она подтвердила, что несколько могил было обнаружено при строительстве зданий областной больницы. Однако, как она утверждает, городское кладбище было расположено за городом.

Следует признать, что на карте города Биробиджана, хранящейся в областном Государственном архиве, было обозначено несколько зданий больницы, расположенных на небольшой возвышенности, но кладбища на этой карте не было. Данная карта не датирована, но, по моему предположению, она относится к 1936 или 1937 году, так как, с одной стороны на ней уже есть железнодорожный вокзал, построенный в 1936 году, а с другой стороны — указана улица Постышева, которая в 1938 году была переименована в улицу Ленина.

Здания больницы действительно были расположены на единственном участке города, где уровень отметки высот, как видно по принятой в то время Тихоокеанской системе измерения, был самым высоким по сравнению с окружающей его территорией.

Обозначенные на карте больничные строения уже выходят за черту городской застройки, где впоследствии будет проложена улица Партизанская, которую в 1946 году переименуют в улицу Шолом-Алейхема. Вполне возможно, что данная территория ранее использовалась жителями станции Тихонькой как кладбище.

В областном архиве пока не обнаружены документы о выделении места под городское кладбище в первые годы переселения. Вместе с тем имеется Отчет о работе Биробиджанского горсовета с 19 февраля 1932 года по 15 ноября 1934 года, где, по всей видимости, впервые, в разделе «Население», приводится ряд данных по численности населения города, которая составляла: «в 32 г. — 6100 чел, в 33 г. — 6300 чел., в 34 г. — 7200 чел.

По национальному составу на 1-е декабря 1933 года евреев было 60 %, русских и украинцев 25 %, корейцев — 7 %, китайцев — 2 %, прочих — 1 %.

Переселенцев евреев в 32 г. прибыло в город — 1619 человек, в 33 г. — 860 чел., в 34 г. на 1/X человек.

В 1933 г. родилось по городу 155 детей, умерло 115 чел., записалось браков 71, разводов — 23.

В 1934 г. на 10 ноября родилось 208 чел., умерло 82 чел., вступило в брак 131, развелось 46». (Орфография сохранена – И.Б.).

Исходя из этих данных следует предположить, что районными властями вопрос захоронения умерших с первых лет переселения был решён в соответствии с санитарными нормами, то есть за пределами городской черты. К сожалению, захоронения тридцатых годов на старом кладбище обнаружить так и не удалось.

Другая проблема, имеющая непосредственное отношение к еврейским канонам, связана с чтением поминальных молитв — Изкор, которые составляют основу Судного дня — самого святого еврейского праздника Йом-Кипур. Это стало головной болью для властей Биробиджана, имевших большое желание покончить с активной деятельностью общины.

Спад религиозной деятельности общины был естественным на фоне крайне жестоких мер, принимавшихся с 1949 года как к руководителям области, так и к еврейской интеллигенции, в числе которой были писатели, поэты, учителя, артисты. Как сообщили автору бывшие биробиджанцы, ныне уже в преклонном возрасте проживающие в Биробиджане и в Израиле, молодёжь из-за возможности лишиться работы боялась ходить в синагогу, соблюдать традиции и обычаи, участвовать в мероприятиях, проводимых общиной, даже принимать участие в похоронах.

Вместе с тем старики продолжали посещать синагогу, несмотря на запреты и гонения властей. Подтверждение этому факту было обнаружено в старой синагоге среди священных книг, молитвенников. Разбирая старые религиозные атрибуты вместе с раввином М. Шайнером, мы нашли неплохо сохранившийся большой текст (формат А-3), написанный на идише. На запylённом пожелтевшем листе гусиным пером было написано обращение на Йом-Кипур.

Это было обращение к прихожанам синагоги. В нём излагалась трагическая история жизни приехавшей в Биробиджан семьи и одновременно записано обращение к людям. Это очень

трогательное обращение написано было в 1959 году человеком, испытывшим и пережившим вместе с семьёй все ужасы страшных военных лет. В конце текста автор пишет: «Скоро будет праздник, мы будем читать поминальную молитву, в которой мы скажем все имена. И мы должны завтра придти в синагогу к скорбной молитве — «Молей Рахомим» — и дать в честь их пожертвование, всё это зачтётся вскоре в наши дни, дай Б-г».

Отсутствие не то что исследований, а даже простых описаний, касающихся изучения вопросов, в том числе того, как проходили ритуальные процедуры, как велась подготовка к ним, кто занимался изготовлением надгробий, составлением эпитафий и т.п., не позволяет проанализировать данный вопрос. Мы можем привести лишь отдельные интервью с жителями Биробиджана, которые принимали участие в похоронах или знают со слов родных и знакомых о том, как все происходило на самом деле.

Так, В. Арнаполин, родившийся в 1934 году и проживавший в доме напротив синагоги, вспоминает о похоронных обрядах, о проводившихся молитвах. В 1949 году он принял участие в похоронах родственника и стал свидетелем проведения обряда согласно принятым обычаям.

Биробиджанец В. Масленников также подтвердил, что его бабушку хоронили по иудейским обычаям, читали молитву. Власти уже не разрешали в то время хоронить евреев на отдельном кладбище, стремясь сломать еврейские обычаи, но запретить проведение обряда не могли.

По еврейским традициям хоронили бывшего председателя общины Лейба Гефона, который из последних сил отстаивал интересы общины, по крайней мере, так о нём говорили старики. Лейб умер в 1966 году, прожив 86 лет.

Двумя годами позже в возрасте 88 лет умер последний староста синагоги Давид Червонный, которого похоронили холодным февральским днём. Игорь Носынков, внук Д. Червонного, рассказал мне, что деда пришлось хоронить на следующий день после его смерти, так как рабочие не смогли выкопать могилу. В февральские морозы пронизывающий ветер сковал землю словно цементом, и только к полудню следующего дня они смогли выкопать могилу. Умершего завернули в саван и накрыли талесом,

проводить его в последний путь пришли родные и знакомые, мужчины по очереди читали молитвы, женщины находились отдельно. Процессия похорон не сопровождалась музыкой, на кладбище кто-то привёз и положил сено в могилу. Это, наверное, были последние похороны, где соблюдались еврейские обычаи и ритуальные действия.

К сожалению, в настоящее время большая часть Старого кладбища находится в бедственном положении. Едва ли не единственным способом сохранения для потомства этих замечательных памятников является их документирование и фиксация ещё сохранившихся эпитафий на памятниках.

Вместе с р. М. Шайнером мы провели обследование старого кладбища, где осталось не так много могил, которые можно идентифицировать. Следует отметить, что уже нет возможности определить, какой именно участок кладбища был выделен под еврейское кладбище.

На некоторых могилах можно разобрать надписи и определить их принадлежность, но большая часть могил представляет собой поросшие холмики. Отдельные надписи и резьба на надгробиях из камня отличаются проработанностью деталей и художественным вкусом. Эпитафии также разнообразны, но, в отличие от общепринятых традиций, согласно которым они делаются на иврите, на ряде могил имеются надписи, сделанные на идише. Есть могилы, где на надгробиях надписи на идише и русском языках. Это указывает на то, что в советский период иврит был забыт, и с сороковых годов на многих могилах стали появляться надгробные надписи на идиш и русском.

На нескольких памятниках встречается надпись: «Здесь покоится *** (имя погребённого в его «официальной форме») такой-то, сын/дочь такого-то». «Официальная форма» — это имя, по которому человека вызывали к Торе, оно же записывалось в кетубу (брачный договор). Перед именем следует «титул» или формула вежливого обращения, такая, как «реб/рабби».

На ряде памятников дата смерти указана по еврейскому календарю. На еврейских надгробиях и на ограждениях сороковых годов прикреплен могендовид.

О том, что была мастерская, где их изготавливали, написал Я. Цигельман в рассказе «Похороны Мойши Дрофера». Вот небольшой отрывок из его произведения:

«— Он был еврей? — спросил старик в мастерской.

— Авадэ! — ухмыльнулся Гершков. — Авадэ, он был еврей!

— Так почему же вы не хотите поставить на его могиле «могн-довид»?

— Почему — не хотим?! Нельзя!

— Почему — нельзя? Пожалуйста! Я вырезал из жести «могн-довид», этот малый выкрасил его, мы вместе укрепили «могн-довид» на пирамидке... Вот он, берите! Почему нельзя? Ложьте на машину, везите на кладбище и поставьте его на могиле Мойше Дорфера, да будет благословенна его память! Он заслужил, чтобы мы для него постарались.

— Да, — сказал Гершков, — он заслужил.

— И чтобы вы постарались, он заслужил тоже — га?

— Конечно, — кивнул Гершков. — Ведь мы были друзьями.

— О да! Вы были ему таким другом, что стесняетесь поставить на его могиле «могн-довид».

— Что вы пристали ко мне с «могн-довидом»? Я это всё придумал?.. Это вдова не хочет. Люба не хочет!

— Га! Кто же захочет? Она боится, это да! «Не хочет!» Она, я думаю, не хочет, чтобы вы пошли в горсовет или в горком... Я знаю, куда вы ходите?».

По мнению автора, это показывает, с одной стороны, не проходящий у людей страх перед жёсткой антирелигиозной работой, которую вели власти в стране на протяжении многих десятилетий, а с другой — всё ещё жива была память и необходимость соблюдения еврейских традиций при захоронениях в тот период.

В начале девяностых годов, когда началась эмиграция в Израиль, в общине обсуждался вопрос о создании небольшого предприятия, которое будет заниматься уходом за могилами, чьи родственники выехали на постоянное место жительства за границу, но всё это осталось на уровне разговоров.

На прибитой закрашенной табличке одного из молитвенных столиков, стоящих как реликвия в маленьком музее Иудаики Биробиджанской синагоги, отчётливо видно выгравированное

имя — Борух Майзлер, он был хазаном и шойхетом Биробиджанской религиозной общины в пятидесятых годах. Таких тумбочек сохранилось около десятка, на некоторых из них также выгравированы имена бывших владельцев, которые покоятся сегодня на Старом кладбище Биробиджана.

По крупицам восстанавливается биробиджанская история. Это наш долг перед памятью давно ушедших от нас биробиджанцев, которые, несмотря на гонения и страх, все свои силы отдали этой земле, до конца жизни остались преданными своей вере, и «могендовид» на их могилах охраняет вечный покой их души. Их старанием и невероятным трудом был построен вдали от цивилизации Биробиджан и создана названная в их честь Еврейская автономная область.

МАРВИН ТОКАЙЕР И «ПЛАН ФУГУ»

В один из летних дней 2010 года ко мне обратился уважаемый реб Мордехай Шайнер с вопросом и сразу с просьбой: могу ли я провести экскурсию с группой туристов из США, Канады, Израиля, которые приедут в Биробиджан через несколько недель. Отказать ему я не мог, тем более что принимал участие в разработке туристического маршрута и изготовлении стендеров по историческим местам города, которые установлены теперь возле нескольких оставшихся в сохранности исторических зданий. Обычно, готовясь выступить перед любой аудиторией, я предварительно узнавал возраст и социальный статус слушателей. И в этот раз машинально спросил у Мордехая, кто эти туристы, которые прибудут в наш город на два дня и от какой туристической компании они сюда едут, так как с несколькими крупными турфирмами США я был знаком по прежней работе. К моему удивлению, р. Мордехай сказал, что эту группу собрал один раввин и в ней будут не молодые, но очень успешные, образованные, интересные люди. Чисто машинально я спросил о том, кто же этот раввин, который привезет эту группу. И тут я услышал, что его фамилия Токайер.

Я посмотрел на ребе и с удивлением переспросил: Это какой Токайер? Его случайно зовут не Марвин Токайер?

— Да, Марвин Токайер, — ответил Мордехай и уже удивлённо посмотрел на меня.

Ещё не веря до конца, что всё так совпало, я решил уточнить у ребе:

— Это тот Токайер, который написал книгу «План Фугу»?

— Да, это он написал эту книгу. Откуда ты его знаешь, ты что, читал эту книгу? Она ведь на русском языке не издавалась.

Тут уже мне пришлось объяснять нашему ребе, что о плане Фугу и о визах жизни, которые спасли тысячи евреев от верной

смерти накануне второй мировой войны, я уже писал. А книгу М. Токайера, изданную на английском языке, мне через знакомых прислали в 2005 году из Японии.

Я пообещал р. Шайнеру, что с удовольствием проведу экскурсию и даже постараюсь организовать встречу Марвина Токайера с общественностью в областной библиотеке. Теперь уже я сам с нетерпением ждал встречи с автором книги, которая стояла у меня на книжной полке.

Через две недели в Биробиджан из Хабаровска на автобусе приехала большая туристическая группа, которую организовал М. Токайер, один из известных в мире раввинов, глава фонда поддержки еврейских общин в США. В составе группы была также соавтор книги, журналистка Мэри Сварц.

Визит М. Токайера в Биробиджан оказался его вторым посещением города. Свою первую поездку в 1970 году он вспоминал как весьма проблемную. Он неоднократно делал попытки прорваться через «железный занавес» страны Советов в Биробиджан. В ответ на его просьбы посетить Еврейскую автономную область власти создавали всяческие препятствия. Преодолевая их, с большими трудностями, почти полулегально он всё-таки побывал тогда в Биробиджане.

Сегодня он увидел другой город и совершенно другое отношение к нему как руководителей правительства области, так и простых людей, оказавших ему и туристической группе душевный приём. Туристы совершили обзорную экскурсию по городу и побывали в двух синагогах.

Этот приём до глубины души растрогал М. Токайера, который на встрече с биробиджанцами в областной библиотеке сказал: «Я никогда в жизни не думал, что когда-нибудь окажусь в Биробиджане спустя столько лет и смогу говорить на идише в еврейском городе, в еврейской библиотеке имени Шолом-Алейхема. Я побывал на семи континентах мира, но эта встреча, сегодняшний момент в моей жизни — самый великий и волнующий.

Когда я был раввином в Японии, в Токио, мы собирали еврейскую общину, и в руках у нас был журнал «Советиш Геймланд» — это журнал, в котором была информация о Биробиджане. Мы прочитывали каждый номер этого журнала, выходившего на

идише десятилетия тому назад. События в нём освещались информантами Советского Союза. Мы понимали, что не все в нём соответствует действительности. Один из членов агентства «Новости» по секрету мне сказал: «В «Новостях» нет правды, а в «Правде» нет новостей».

Я могу сказать, сравнивая то время и сегодняшнее, что разница так велика, что она больше, чем между днём и ночью. Никто со мной не разговаривал во время моего первого посещения Биробиджана, все от меня убегали, говорили: «Быстрее уезжай отсюда». Эта обстановка отличается от сегодняшнего дня. Я переполнен тёплыми чувствами от того, как нас принимали в Биробиджане — искренне, тепло, душевно. Мы увидели достоинство в людях, высокую культуру. Мы это никогда не забудем. Мы очень приятно поражены тем колоссальным объёмом деятельности, который осуществляют здесь уважаемый раввин, его жена. Не только тем объёмом мероприятий, но и тем, какие культурные ценности они привнесли в общину. Они поделились с нами этой информацией».

Выступление М. Токайера не оставило нас равнодушными, и наши аплодисменты во время выступления даже смутили писателя. Запомнилась эта встреча не только туристам, но и нам, биробиджанцам, так как известный в мире и очень скромный человек в ответ на тёплый и радушный приём открыл нам свою душу, рассказав о своих планах и желаниях. М. Токайер пообещал выслать в подарок областной библиотеке сотни книг, в том числе и «План Фугу».

Николай Пегин, заместитель председателя правительства ЕАО, вручил Марвину Токайеру памятные альбомы об автономии и выразил общее мнение, сказав: «Эта миссия известного раввина М. Токайера приобретает формат не просто туристического посещения Биробиджана, а послов мира — людей, которые, увидев сегодняшний Биробиджан, расскажут детям, друзьям, коллегам, что такое есть настоящее нашего города, нашей области».

Вечером того же дня я пригласил Марвина Токайера и Мэри Сварц к себе домой. Вместе с ними пришёл его внук. Несколько часов, уютно расположившись у камина, мы говорили на идише и английском о его книге, о Биробиджане и, конечно, о дальнейших творческих планах.

Имя М. Токайера вошло в еврейскую историю с его книгой «План Фугу», открывшей миру удивительную и невероятную историю спасения тысяч евреев японцем Тиуне Сугихара. Несколько десятилетий назад, после выхода в свет этой книги Т. Сугихара, бывший японский консул в Ковно, навечно занесён государством Израиль в список Праведников мира. Мир узнал ещё об одном праведнике, спасшем тысячи евреев от верной смерти в фашистских лагерях смерти. Книга повествует о жизни и деятельности этого человека, его судьбе, которая не баловала и не была безоблачной до и после войны, о трагедии евреев и роли Японии в решении «еврейского вопроса» в те годы.

Название книги для читателей, незнакомых с японским названием рыбы — фугу, весьма оригинальным деликатесом, ничего не скажет. Да и в книге об этой рыбе практически ничего не сказано, за исключением одного её качества — наличия в ней яда, крайне опасного для человека при неправильной обработке в ходе приготовления блюда. Но именно название этой рыбы было использовано японцами в связи с принятием плана, вошедшего в мировую историю как «План Фугу». В основу его был положен критерий крайней осторожности и деликатности в работе с евреями, с которыми, считали японцы, надо правильно и точно выстраивать отношения, иначе всё может закончиться весьма печально для тех, кто недооценит этот фактор.

Но целью Марвина Токайера и Мэри Сварц было не столько определить соответствие этих характеристик, сколько рассказать об отношении японцев к евреям. Это рассказ о трагедии, постигшей евреев в годы Второй мировой войны. В книге впервые представлены совершенно неизвестные страницы истории — разработка планов и участие Японии в специфическом решении еврейского вопроса. Она повествует о планах Японии в Европе, на севере и юге Китая, связанных с предполагаемым переселением около миллиона евреев в северную провинцию Китая, а также конкретных шагах в этом направлении.

Учитывая, что эта книга не является академическим научным исследованием, следует признать, что приведённый в ней материал представлен авторами в виде реальной картины событий, происшедших в мире в тридцатые — сороковые годы прошлого века.

Главы книги в строгой хронологической последовательности предлагают читателю следовать ходу истории и позволяют ориентироваться в международных отношениях государств, политических процессах, которые имели отношение к данному японскому плану.

В книге имеются уникальные фотографии действующих лиц этой истории, документов, что придаёт достоверность изложенному в ней материалу. Открывает коллекцию представленных снимков фото бывшего консула Японии в городе Ковно Сэнпо (или Тиунэ) Сугихары, человека, вошедшего во всемирную летопись истории и названного единственным среди лиц азиатского происхождения Праведником мира. Имя Сугихары навечно занесено в списки Праведников мира в Музее Яд ва-Шем в Иерусалиме и находится в одном зале с Оскаром Шиндлером, Раулем Валленбергом, королем Дании Кристианом X (Christian Carl Frederik Albert Alexander Vilhelm) и многими другими, спасшими в годы второй мировой войны тысячи евреев от смерти. На 1 января 2010 года Яд ва-Шем признал Праведниками мира 23 226 человек. В честь каждого из них проводится церемония награждения, на которой самому Праведнику или его наследникам вручается почётный сертификат и именная медаль, где на двух языках — иврите и французском — выгравирована надпись: «В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

На фотографиях в книге запечатлены непосредственные участники разработки плана Фугу, а также представлены снимки еврейских общин в Кобе, Шанхае, ряда документов, в том числе приведена карта мест проживания евреев в городе Шанхае — своеобразной резервации, напоминающей гетто.

Придерживаясь правдивости в изложении материала, авторы проделали огромную работу, поместив в эпилоге короткий рассказ о судьбах большинства действующих лиц книги. Это даёт возможность не только узнать об их роли и участии в решении описываемых событий, но и проследить за судьбами людей и одновременно реально оценить правдивость многих приведённых в книге фактов.

Вне всякого сомнения, среди различных событий, связанных с созданием нашей Еврейской автономной области, план Фугу

следует считать одной из новых страниц истории ЕАО. Если бы лет тридцать назад кто-либо сказал, что нашу область изучали и рассматривали японцы как возможный вариант создания еврейского государства, объединяющего территорию Маньчжурии и граничащей с ней по Амуру на российской стороне еврейской автономии, трудно было бы в это поверить.

Вместе с тем скудная информация ввиду закрытости наших архивных документов предоставляла отрывочные данные о японских планах и видах на автономию. О японском следе в сфабрикованных ГПУ шпионских делах в 1937-1938 годах в отношении многих биробиджанских руководителей написал Иосиф Баскин в своей книге «Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего».

Материалы японских планов, нацеленных на автономию, стали предметом изучения учёных-историков, писателей, журналистов, кинорежиссёров. В. Романова приводит весьма интересный исторический факт, о котором рассказала Чизуко Такао, профессор из Японии, в своём докладе «Переоценивая «биробиджанский проект». Региональный контекст» на международной конференции в Хабаровске, прошедшей в 1995 году. Японский консул в Одессе Сигеру Симада, за месяц до принятия решения Советским правительством официального постановления о закреплении земель в приамурской полосе Дальневосточного края для заселения трудящимися евреями (постановление принято 28 марта 1928 года), направил в Министерство иностранных дел своей страны доклад о «биробиджанском проекте».

Учитывая, что ввод Квантунской армии в Маньчжурию в 1931 году был нацелен на создание марионеточного государства Маньчжоу-Го, становится понятно и стратегическое значение для японской политики находившегося по другую сторону Амура Биробиджанского района, делает вывод Романова.

Чизуко Такао в продолжение своих исследований приняла участие в международной научно-практической конференции, которая прошла в городе Биробиджане в августе 2007 года, где выступила с докладом на тему «Биробиджанский проект в японской перспективе». В её выступлении основной лейтмотив сводится к событиям, подтверждающим, что в конце двадцатых — начале тридцатых годов Япония столкнулась лицом к лицу с «еврейским

вопросом». Япония пристально вела наблюдение за сопредельной территорией — Биробиджанским районом, куда началось переселение евреев. Тем более что в 1930-х годах, ограничив в результате оккупации Маньчжурии права русского эмигрантского сообщества, включавшего и евреев, она начала строить более далёкие планы будущей экспансии этой территории.

В те же годы Япония вступила в конфронтацию с СССР, где на противоположном берегу Амура уже осуществлялось строительство Еврейской автономной области. Не исключено, что информация о поддержке Биробиджанского проекта в начале тридцатых годов еврейскими организациями в США, Канаде, Франции подвигла японцев на создание плана Фугу, направленного на заселение евреями китайской Маньчжурии.

По итогам конференции в 2009 году в научном издательстве «Питер Ланг» вышел сборник «Мизрах», в котором напечатан доклад Чизуко Такао, где приводятся ссылки на документы министерства иностранных дел Японии, военного ведомства, министерства экономики, подтверждающие разработку плана Фугу.

Другой научный труд на эту тему был подготовлен в США. В 1996 году была издана книга «В поисках Сугихары», которую написал Г. Левин, профессор религиоведения Бостонского университета США. Книга представляет собой подробную биографию японского дипломата Тиуне Сугихары. В ней приводятся воспоминания его жены Юкико Сугихары и волнующая история событий тех дней, когда в течение нескольких месяцев, вопреки указаниям своего начальства, он выписал несколько тысяч спасительных виз для евреев, бежавших из оккупированной Польши.

Так как у подавляющего большинства беженцев не было действующих паспортов, поверенный в делах Великобритании и голландский консул оказали ему бесценную поддержку, начав выдавать временные туристские документы всем желающим. На основании этих «липовых» справок Сугихара выписывал транзитные визы — для путешествия в другие страны через Японию вопреки инструкциям и отказу Токио дать разрешение на проезд тысяч беженцев.

Когда официальные бланки виз закончились, он чертил их от руки, работая до поздней ночи. Всем, кому вручались визы,

Сугихара давал совет: при первой же встрече с японскими властями кричать «Банзай Ниппон!» — «Да здравствует Япония!». Это должно помочь, уверял он. В конце августа, в связи с переводом в Берлин, Сугихара был вынужден закрыть консульство. В оставшиеся дни в гостинице и даже уже сидя в купе поезда, он продолжал оформлять визы. Люди от руки копировали и размножали их, перерисовывая иероглифы, ничего не понимая, что там написано, но веря в эти спасительные бумажки.

Марвин Токайер, восстанавливая картину событий, описывает встречу этих «туристов» на японском пограничном пункте, когда прибывали последние пароходы с беженцами, и пограничники, проверяя документы, недоумевали, глядя на эти от руки заполненные фиктивные визы, в каждой из которых была вписана одна и та же фамилия — «Рабинович». После долгих мытарств и эти «однофамильцы» также нашли спасение на другой стороне планеты. В России эта книга, к сожалению, до сих пор не известна читателю, так как она ещё не переведена на русский язык.

Книга «План Фугу» начинается с эпиграфа: «На счастье (То mazal) тем, кто сделал возможное реальностью». Этот эпиграф посвящён лицам, в адрес которых Токайер выражает благодарность за помощь и сотрудничество при подготовке этой книги.

В предисловии М. Токайер пишет, что в 1979 году немного было известно о плане Японии переселить до миллиона европейских еврейских беженцев в её марионеточное государство Манчжоу-Го и «Нью-Йорк Таймс» дал серию новостей относительно изданной книги. Теперь план Фугу широко признан как один из немногих положительных моментов в замученной судьбе европейских евреев.

В течение этих лет одна персона плана Фугу обрела человеческое лицо — это Тиуне Сугихара. С ноября 1939 по сентябрь 1940 Сугихара был японским консулом в Ковно (Каунас), Литва. В действительности Сугихара был послан в Ковно, чтобы собрать сведения о передвижениях в данном районе советских и немецких отрядов. Он стал одним из основных игроков в плане Фугу — схеме, которая к концу войны должна была спасти жизни тысяч евреев так же, как это произошло с иешивой Мир, чьи ученики выжили, чтобы продолжить новую эру в еврейском учении в США и Израиле.

Книги и статьи на английском, японском, еврейском и китайском языках написаны теперь о Сугихаре. В Японии его имя стало символом того, кто заботится о других. Его жизнь вошла в программу изучения в средней школе. На Мемориальной доске в Министерстве иностранных дел Японии отмечается его гуманизм, несмотря на то, что он проигнорировал распоряжения своего начальства не выдавать визы.

В то время, когда войны и убийства, голод и болезни, жадность и власть угрожали существованию жизни на планете, История «Плана Фугу» показывает нам, как люди могут действовать по-другому и таким образом изменить курс истории.

В 1930 годах самые влиятельные японские военные, банкиры, промышленники, политические деятели и аристократы обсудили наиболее эффективные методы их возможного участия в судьбе мировой империи. Без сомнения, они достигли огромного успеха, включая вторжение и захват Маньчжурии, но некоторые члены группы рассматривали возможность использования другой идеи. Почему бы не потратить деньги, ресурсы и время лучшим способом? Не выбрать путь, который был бы более конструктивен, не настолько расточителен для человеческой жизни, возможно, более длительный и определенно более дешёвый. Почему бы не доминировать над миром торговли вместо военной экспансии и войны? Японцы решили, что сделать это они должны с помощью тех, кто считался лучшими в мире торговли и производства, нужны были люди, которые, ориентируясь на японцев, знали, как делать качественные товары, управлять финансами, развивать рынки и иметь мощных друзей в Америке. Они решили, что они нуждаются в евреях. Таким образом был рождён «План Фугу», нацеленный на то, чтобы принять евреев Европы, преследуемых нацистами, которые стремились их уничтожить, и привезти их в Маньчжурию — на японскую территорию.

Японцы оккупировали землю, но не могли её обустроить. Им нужен был штат самостоятельных и талантливых людей, которые могли бы наладить их бизнес, обеспечить производство, управлять их фабриками и продолжать международную торговлю, особенно с США. Другая история, о которой раввин Токайер узнал, касалась японского консула в Литве. Не многие могли даже

вспомнить его имя и имели только какие-то обрывочные записи или мимолётные воспоминания. Одно обстоятельство, с которым они все соглашались, состояло в том, что японский человек дал им то, чего никакой другой представитель любой другой нации на земле не желал давать в то страшное и смертельное время после нацистского вторжения в Польшу. Он открыл дверь, когда все были закрыты. Он дал им визы. Путь наружу. Он дал им их жизни. Визы Сугихары спасли тысячи жизней. Потомков тех людей, которым он сохранил жизнь, сегодня насчитывается более пятидесяти тысяч человек.

Сугихара никогда не был связан с людьми, которых называли «евреями». Конечно, он знал, что Гитлер обвинял евреев во всех проблемах Германии. Но до этого момента «еврейская проблема», в любом случае, никогда не была его проблемой. Сугихара понимал, что евреям, если они останутся в Литве, придёт конец. У них уже не было возможности покинуть Европу другим путем, не через Россию и Японию.

Он понял всю трагичность их положения. У него не было никаких сомнений, что эти люди не были врагами, они не были солдатами, они не были даже уголовными преступниками. Они были невинными, отчаявшимися беженцами. В беспомощности они просили о самом простом — о помощи у Японии. Он должен был сделать выбор и решить для себя, что он может сказать всем тем людям, стоящим под его окном. Видя трагичность положения евреев, страдания беженцев, он ищет возможности выдачи им транзитных виз через Россию и Японию.

Марвин Токайер дает ключ к пониманию психологии японцев в отношении евреев, идеологической и политической составляющих формирования военных планов Японии в Азии и на Дальнем Востоке, а также мотивов появления плана Фугу, его идейных вдохновителей.

План Фугу — лишь одна из 20 книг, написанных писателем за эти годы, но уже этой книги, переизданной в 2004 году третий раз, достаточно, чтобы его имя было занесено в еврейскую историю.

Прощаясь с городом, Марвин (Мойше) Токайер сказал: «Мы провели здесь чудесное время и находимся под большим впечатлением от визита в Биробиджан. Мы пролетели тысячи километ-

ров, чтобы оказаться здесь, но я должен вас заверить, что каждая секунда нашего пребывания останется в памяти и она бесценна. Мы были в синагоге на утренней молитве, и у каждого блестели слёзы в глазах потому, что мы благодарны людям Биробиджана и так рады, что здесь побывали». Уезжая из Биробиджана, он сказал мне, что ещё обязательно вернётся, и я верю, что так и будет. Дай Б-г ему здоровья!

Над дверьми старой Биробиджанской синагоги
была вырезана по дереву надпись:
«ОТКРОЙТЕ ПРЕДО МНОЮ ВРАТА ПРАВЕДНОСТИ,
И Я ВОЙДУ В НИХ, ВОЗНОСЯ БЛАГОДАРНОСТЬ БОГУ.
ЭТО — ВРАТА ГОСПОДА, ПРАВЕДНИКИ ВОЙДУТ В НИХ».
(Книга Тегелим, гл.118, п.19)

БИРОБИДЖАНСКАЯ СИНАГОГА

История биробиджанской общины медленно приоткрывает завесу над когда-то активной деятельностью. Несмотря на печальный конец её короткого существования, всё больше появляется информации о событиях прошлых лет. В небольшом Музее иудаики при синагоге ребе М. Шайнером и раббанит Эстер совместно с прихожанами собрана уникальная коллекция атрибутов религиозной деятельности, документы и фотографии, воспоминания биробиджанцев, которые записываются в Книгу Памяти о переселенцах, прибывших на станцию Тихоньку начиная с 1928 года.

Уже в первые годы переселения в Биробиджанский район сюда приехали тысячи евреев. Они прибыли из разных республик СССР, 14 зарубежных стран, где религиозная культура существовала в городах и еврейских местечках. Государственный Акт о закреплении за евреями-переселенцами этой земли давал им надежду и возможность получить землю и работу, обрести счастье. Они ехали из голодных местечек Украины, Белоруссии, Молдавии, где не было работы и был голод. К тому же во второй половине двадцатых годов в этих республиках отмечались и антисемитские выступления. Устные воспоминания, рассказанные Шифрой Борек, подтверждают факты гонений и антисемитских преследований.

Г.В. Костырченко в книге «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» отмечает: «То обстоятельство, что борьба государства с антисемитизмом постепенно оборачивалась репрессиями против самих же евреев, воспринималась создававшимся Сталиным аппаратом отнюдь не как нелепый парадокс, а как своеобразная диалектика жизни, ибо наверху с годами росло убеждение, что массовую юдофобию порождает не столько шовинизм, сколько провоцирует сама еврейская общественная активность».

Переселение евреев на Дальний Восток из густонаселенной европейской части страны, где исторически сформировались очаги юдофобии, могло сократить масштабы этой социальной болезни. Это был лишь один из немаловажных мотивов политической целесообразности принятия постановления СНК СССР от 28 марта 1928 года о закреплении 4,5 млн. гектаров приамурской полосы Дальневосточного края для переселения евреев.

Определённая часть евреев, прибывавших на станцию Тихонькую, везла с собой, кроме убогого скарба, предметов быта, инструментов, и атрибуты религиозного культа: молитвенники, талесы (молитвенная шаль), тфиллин (две маленькие коробочки из кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы.) и т. п. Распределение переселенцев по населённым пунктам происходило в основном по их профессиональной принадлежности. Пункты ОЗЕТа на местах вербовки переселенцев иногда комплектовали целые артели и бригады, создавая готовые к работе коллективы. Конечно, вопросы отправления религиозных обрядов не брались во внимание при отправке переселенцев. Но, как видно из книг, изданных в первые годы переселения в Биробиджанский район, религиозная культура присутствовала с начала пребывания евреев на новой земле.

Писатель В. Финк в рассказе «Йом-Кипур» (Судный день — в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов – И.Б.) описывает свою поездку летом 1928 года со станции Тихонькой в еврейский поселок Валдгейм. Финк добрался в посёлок затемно, когда молитвенные обряды давно должны были закончиться. Его завели в дом, где по углам сидели девять человек. Когда он вошёл, раздались возгласы: «Вот! Вот теперь будет миньян! (Кворум из десяти взрослых мужчин старше 13 лет, необходимый для общественного богослужения и для ряда религиозных церемоний — И.Б.) ...Я оказался, по-видимому, тем десятым, который нужен был, чтобы своим присутствием придать молитве достаточную солидность...Евреи быстро встали, повернулись лицом к востоку и взяли за свои талесы. Они накинули их на головы, бормоча слова каббалистических заклинаний: «Так да облечутся душа моя, 248 членов моих и 365 жил моих светом заповеди о нитях видения, которая

равнозначит 613 заповедям». ...Талесы у евреев старые, рваные, в заплатках. Кто знает? — быть может, они и погромы видали, эти полосатые покрывала, которые живут столько тысячелетий и даже до тайги добрались.

...Евреи приехали в Вальдгейм весной. Они подошли к тайге, которая гудела, идохнула на неё горячим дыханием людей, которые хотят жить и трудиться. Они приехали за десять тысяч километров из голодных местечек, из бывшей черты их оседлости, которая осталась чертой их нищеты; они одолели традиции поколений, и расстояние, и тайгу, и построили себе селение, и живут, и корчуют старые пни, и обрабатывают землю. Слушай это, Израиль! И не-Израиль, тоже слушай хорошенько!»

Наиболее серьёзное исследование истории переселения в Биробиджан сделал Я. Бабицкий в работе «Еврейское переселение в Биробиджан». В главе «Значение еврейской религии и идиш в Биробиджане», в разделе «Еврейская религия» он рассказывает об удивительном и, возможно, единственном в своём роде факте строительства синагоги в землянке (перевод с иврита р. М. Шайнера).

«В первые дни приезда среди евреев-переселенцев были те, которые чувствовали необходимость молиться. Крайне интересно свидетельство писателя-коммуниста Отто Геллера, который посетил Биробиджан в 1930 году: «Несколько сот метров от Опытной станции (Бирофельд) был виден искусственно построенный необыкновенный холм, который был полностью покрыт травой. Данный так называемый холм был выпуклым — в него довольно трудно было войти. Он был создан в 1928 году первыми переселенцами, чтобы в нём молиться. В то время переселенцы пока ещё не забыли местечковых традиций. Собственно первое помещение, которое они построили, была эта синагога. Наверное, этот молитвенный зал был единственным в мире. Но сейчас он стоит пустой, никто в нём не молится во время праздников».

Я. Бабицкий приводит ещё несколько фактов религиозной деятельности в ряде сёл и в городе, а также рассказывает о проводимой властями антирелигиозной пропаганде.

«Борьба против религии» — так называлась небольшая зарисовка из книги Э. Розенталь-Шнайдерман «Биробиджан вблизи».

Суть её такова: В Биракане переселенец — Шмульт-Яков Левин, приехавший из Риги, выпекает мацу для посёлка. Против него начинается жестокая борьба. Ему не продают муку для изготовления мацы, ссылаясь на то, что она нужна для выпечки хлеба, и советуют, чтобы он выбросил эти пережитки из головы. Этот факт получил огласку в газете. В итоге принимается решение провести открытый суд, чтобы показать истинное лицо врага.

В прессе тридцатых годов ведётся целенаправленная кампания против «религиозных пережитков». В канун праздника Пейсах (весенний праздник в память Исхода евреев из Египта), 17 апреля 1935 года в газете «Биробиджанер Штерн» была опубликована передовая статья с призывом бороться с «религиозной контрреволюцией», а в дни праздника Пейсах — работать с преданностью и энергией, чтобы встретить Первомай ударным социалистическим трудом. Через несколько дней в этой же газете был опубликован материал о том, что еврейки в Валдгейме пекут мацу и кошеруют посуду на Пейсах, не выходят на работу во время праздника.

В районных центрах и колхозах области собирались для совершения религиозных обрядов группы верующих евреев — миньяны. Были они в сёлах Бирофельд, Валдгейм, Ленинском и некоторых других. Неофициально общество иудеев в Биробиджане действовало с 1934 года.

Эти факты, по сути, являются первым упоминанием о том, как проходили религиозные еврейские обряды с начала заселения евреями Биробиджанского района. Без всякого сомнения, они имели место, хотя о религии писали только в негативном свете, а карательные меры со стороны государства пресекали любое проявление религиозной активности.

Первое послевоенное постановление СНК РСФСР от 26 января 1946 года «О мероприятиях по укреплению и дальнейшему развитию хозяйства Еврейской Автономной области», а также подготовленное следом решение секретариата ЦК КПСС «О мерах помощи обкому ВКП(б) Еврейской автономной области в организации массово-политической и культурно-массовой работы среди населения» давали робкую надежду и оптимизм на будущие преобразования в ЕАО.

После войны было несколько ослаблено давление на религиозные объединения, и это незамедлительно привело к росту авторитета синагог: они стали местом, где собиралась общественная и культурная элита еврейства. Религиозные поминальные службы, посвящённые памяти шести миллионов загубленных нацистами евреев, собирали сотни и тысячи людей. В первые послевоенные годы наблюдается подъём еврейской религиозной жизни. С уничтожением идишистской культуры в западных областях страны, закрытием еврейских образовательных и культурных институтов синагога стала единственным центром сохранения еврейских традиций, своеобразным центром культуры для многих евреев. Даже не имевшие ничего общего с религией евреи приходили к синагогам на еврейские праздники. Синагога становилась местом духовного возрождения еврейского народа.

15 декабря 1946 года в области впервые зарегистрирована еврейская религиозная община. Она была открыта в Биробиджане решением Совета по делам религиозных культов как ранее действовавшая.

Раввином общины стал Кац Герш-Мойше Хаймович, работавший экспедитором в облпотребсоюзе, которому в том году исполнилось семьдесят лет. По данным областного архива, Г.Х. Кац приехал как переселенец в декабре 1933 года и устроился «десятником» (бригадиром) в Биробиджанский райпотребсоюз.

Первая биробиджанская синагога разместилась в квартире деревянного дома по улице Калинина, д. 17, что и сейчас стоит напротив железнодорожного вокзала. Всех прихожан эта синагога не могла принять и, проработав там с марта по август 1947 года, переехала на улицу Чапаева, 3, в одноэтажный большой деревянный дом площадью 372 квадратных метра, построенный в 1936 году, в котором ранее размещалась гончарная мастерская.

Через десять дней после еврейского нового года, 24 сентября 1947 года, в праздник Йом-Кипур состоялось торжественное открытие синагоги в присутствии почти 400 человек. Это событие не осталось без внимания Б. Гребенникова, уполномоченного Совета по делам религиозных культов. Из его справок известно, что около 150 работниц швейной фабрики в этот день самовольно оставили работу и ушли в синагогу. В том же году 200 работниц обратились

к директору с просьбой освободить их от работы для посещения синагоги в праздничные дни. Параллельно община обратилась к уполномоченному освободить от работы всех верующих на три дня праздника Йом-Кипур, но получила отказ.

В общине числилось по списку почти 300 человек, и даже в будни синагогу посещало от 80 до 150 прихожан. По сведениям Б. Гребенникова, община уже имела в то время большое влияние на окружающее население. В марте 1948 года горисполком выдал разрешение на проведение службы, а 28 сентября был заключён бессрочный договор о бесплатном пользовании помещением.

С 1947 года и до мая 1948 года синагогу посещали не только пожилые люди, но и молодёжь. В праздничные дни Пейсаха, Йом-Кипур, Рош га-Шана (еврейский Новый год) собиралось до 400 и более человек. Активными участниками общины оказались близкие родственники работников горисполкома и облисполкома, некоторые партийные и комсомольские работники.

Члены общины активно обсуждали «палестинский вопрос», который решался в то время на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. При этом верующие порой ревниво относились к идее создания второго еврейского государства, полагая, что достаточно уже образованной Еврейской автономной области.

Перед общиной стояли и другие задачи: издание еврейского календаря, открытие магазина кошерного мяса, получение белой муки для выпечки мацы. Летом 1948 года община, собрав деньги, отправила р. Каца в Москву для решения этих проблем, но Совет по делам религиозных культов разрешений на эту деятельность не выдал.

Чтобы уменьшить активность еврейской общины, партийные и советские органы начали оказывать давление на руководителей предприятий, отпускавших работников на религиозные праздники. Если на Йом-Кипур 1948 года почти 600 биробиджанцев пришло в синагогу выразить своё отношение к самому знаменательному празднику еврейского народа, то в 1949 году, на Йом-Кипур, синагогу посетило около 450 человек, а в 1950 году — почти 350 прихожан.

Религиозная община постепенно утрачивала своё влияние. Если в марте 1948 года в ней было зарегистрировано 300 человек,

то на 1 июня — всего 43 человека. Снизилась посещаемость синагоги прихожанами: после мая 1948 года в пятницу в синагоге бывало 25-30 человек, в субботу — от 60 до 100 человек. Резко сократились денежные сборы, в связи с чем несколько месяцев кантор синагоги С. Каплун не получал жалование. Зимой 1948-1949 года из-за того, что не было средств на отопление, синагога часто была закрытой.

Оценивая сложившуюся в 1949 году обстановку, Б. Гребенников отмечал, что резкое сокращение посещений синагоги верующими в Биробиджане произошло потому, что обком ВКП(б) и горком партии крепко прижали кое-кого из членов, кандидатов в члены партии и городских руководящих работников, близкие родственники которых посещали синагогу и совершали религиозные обряды. Во время этих гонений община лишилась раввина. По сведениям из архивов Хабаровского края, на 1 октября 1950 года председателем правления общины стал Лейб Гершевич Гефен, 1880 года рождения, проходивший по документам как иждивенец.

Сложным в жизни еврейской общины стал 1950 год. В справке «О религиозном движении и деятельности религиозных культов по Еврейской автономной области», которую Б. Гребенников в октябре 1950 года направил в Хабаровский крайком ВКП(б), сообщалось о всё ещё сохранявшейся в Биробиджане нездоровой обстановке. Под грифом «Секретно» он направляет секретарю обкома ВКП(б) ЕАО Адаскину список «активных религиозников». В нём были отмечены члены правления, члены ревизионной комиссии, кантор общины, большинство из которых родились до 1900 года и давно были на пенсии.

В октябре 1950 года Б. Гребенников пишет в справке: «По Еврейской автономной области имеется официально зарегистрированная одна еврейская религиозная община в г. Биробиджане, в которой числится верующих, постоянно посещающих синагогу, 57 чел. Из них 39 мужчин, 18 женщин. ... Периодически посещающих синагогу, особенно в дни больших праздников Йом-Кипур, Рош-Гошано (так в тексте — И.Б.), Суккот или праздник урожая (один из основных праздников еврейского народа, в это время по традиции следует жить в шатре, куще — И.Б.) и Пасху, до 400 человек и более...

Кроме зарегистрированной общины евреев в области имеются группы верующих евреев, которые собираются по 15-20 человек где-либо на квартире и совершают религиозные обряды. По имеющимся сведениям, такая группа есть в райцентре с. Ленинского, эта группа 20 сентября на праздник Йом-Кипур собиралась. Есть сведения, группа миньян имеется в колхозе «Валдгейм» Биробиджанского района...».

После завершения праздников 1950 года председатель правления общины Л. Гефен, подтверждая происходящие изменения в жизни общины, заключает: «Наши праздники с каждым годом проводятся беднее, вера падает, верующих, посещающих синагогу, все меньше и меньше, наши расчёты на то, чтобы в праздники собрать побольше средств и отремонтировать синагогу, не оправдались».

В начале 1951 года Л. Гефен встречается с уполномоченным, чтобы определиться с дальнейшей работой общины. Из состава правления выбыло несколько членов, и возникли проблемы с довыборами, посещаемость молитвенных собраний снизилась, не было денег даже на свечи, не говоря уже о том, что требовался ремонт синагоги. Гефен поднял вопрос о невозможности исполнять свои обязанности. К тому времени из-за давления власти из Биробиджана выехали главные организаторы синагоги — раввин Г. Кац, З. Вайсер и многие другие верующие.

В 1952 году впервые в синагогу в праздничные дни не приехали верующие из колхозов, не было нарушений трудовой дисциплины, связанных с самовольным уходом с рабочих мест. Перестали проводиться религиозные обряды. Верующих евреев хоронили без соблюдения ритуала на общем кладбище. Община уже не настаивала на отводе отдельного кладбища для евреев, не просила организовать приготовление и продажу мацы и кошерного мяса.

Последний всплеск религиозной активности общины пришёлся на праздник Йом-Кипур, который состоялся 18 сентября 1953 года. В синагоге присутствовало более 500 человек. Такая активность прихожан, как считает Д. Вайсерман, вызвала ответную реакцию власти. Была разработана операция по дискредитации общины спровоцированной дракой и ночным погромом в здании синагоги. Это стало поводом для принятия решения исполкомом областного

Совета народных депутатов в ноябре того же года о закрытии синагоги. Это было начало конца её существования. Драка и скандал рассорили прихожан, и они перестали ходить в синагогу.

Упадок религиозной деятельности общины был естественным на фоне крайне жестоких мер, принимавшихся с 1949 года как к руководителям области, так и к еврейской интеллигенции, в числе которых были писатели, поэты, учителя, артисты. В этот период были закрыты областной музей, еврейский театр им. Л.М. Кагановича, прекратилось изучение языка идиш в школах. Это было наступление по всему фронту под флагом борьбы с «буржуазным национализмом и космополитизмом».

В докладе первого секретаря обкома ВКП(б) А. Бахмутского в феврале 1949 года, в разделе «Вопросы идеологической работы», отмечалось: «...обком партии допустил серьёзную ошибку, совершенно забросив антирелигиозную пропаганду, хотя сигналы активности религиозников у обкома были. Обком не сделал для себя выводов даже после того, когда члены некоторых наших руководящих работников, в т.ч. и областных, начали посещать синагогу. Бюро обкома ограничилось тогда внушением этим работникам, но не организовало обсуждения в партийных организациях вопроса об отношении партии к религии... Надо развернуть активную наступательную антирелигиозную пропаганду, как против иудейской, так и против христианской религии...».

Но даже эти признания не помогли Бахмутскому, который вынужден был балансировать на грани борьбы с властью за национальное развитие области и преодоления сильнейшего давления на него, выразившегося в предъявленных к нему обвинениях в «буржуазном национализме», потворстве «космополитам». Через два года А. Ярмицкий вместе с А. Бахмутским и М. Левитиным были исключены из партии за «буржуазный национализм и космополитизм». Их позиции в политических и национальных вопросах признаны ошибочными. Они были осуждены на различные сроки и впоследствии реабилитированы.

Судьба уготовила этой синагоге печальный конец. В книге И. Эмиота «Биробиджанское дело» есть небольшой рассказ о событиях тех дней. Эмиот как очевидец событий описывает атмосферу трагедии, эмоции людей, принимавших участие в спасе-

нии имущества синагоги и тушении пожара, без которых трудно ощутить прошлое время. (перевод с идиш мой — И.Б.)

«Евреи, произошло несчастье. Биробиджанская синагога сгорела. Много прихожан в ней не было. Она действовала уже не так активно. Только раз в неделю, в субботу, туда ходили помолиться. В основном приходили старики, старушки, но на праздники Рош га-Шана и Йом-Кипур была полная. Тогда приходила и молодёжь, которая заранее просила у бригадира на производстве дать выходной, обещая потом за этот день отработать в течение недели.

Пожар начался от мастерской, которая стояла неподалёку. Здание сгорело полностью вместе с соседними домами. Во время пожара они еле успели спасти свитки Торы. Они не стали дожидаться приезда пожарников, религиозные евреи бросились в огонь, чтобы спасти свитки и всё, что осталось. Они даже спасли несколько разорванных молитвенников и сидур.

Биробиджанское небо стало красным от огня. В этом огне ушло последнее звено еврейской культуры, за которое они держались из последних сил. Потом группа евреев приобрела домик, чтобы продолжить еврейскую традицию. Это был маленький дом, который стал островком для древней еврейской культуры и традиции, вокруг которого образовался современный иудаизм, представлявший собой пустоту».

Безусловно, ценны воспоминания Майзлер Нины (проживает в настоящее время в Израиле), дочери Б. Майслера — шойхета Биробиджанской синагоги, записанные в мае 2008 года: «Отец пришёл после пожара весь в копоти. Вместе с прихожанами он спасал всё, что можно было вынести из синагоги: свитки Торы, молитвенники, книги, рог шофара, вещи, среди которых были талесы, тфиллин, меноры и т.п. Все самое ценное прихожане перенесли к нам в дом. Книги, вещи лежали по всем углам дома. Через месяц папа заявил, что мы с ним поедem на Украину.

Поездка на поезде была долгой. Мы побывали в Москве, Киеве, Каменец-Подольске и, конечно, в Жмеринке, где папа родился. Везде, куда бы мы не приезжали, папа сразу направлялся в синагогу и встречался с раввинами, прихожанами, и, конечно, разговор шёл о постигшем горе. Он просил о помощи в покупке небольшого дома для синагоги, восстановлении оборудова-

ния, так как большая часть мебели сгорела. Я присутствовала при этих разговорах и хотя многое не понимала, но суть их мне была ясна. За два месяца мы объехали эти города, и часть денег, необходимых для восстановления синагоги, папа все же собрал. Он молился, пока мы ехали в Биробиджан, чтобы как можно быстрее решить вопрос о покупке дома и восстановлении синагоги».

В 1956 году был действительно куплен на собранные деньги небольшой дом на той же улице. Биробиджанская религиозная община иудеев в лице председателя правления Лейбы Гефена, как записано в договоре купли-продажи домовладения, заключённом 22 августа, приобрела бревенчатый дом за двадцать шесть тысяч четыреста рублей. По всей видимости, вновь было разрешено открыть синагогу сугубо для пенсионеров, так как других прихожан в то время уже не было.

О судьбе Лейбы Гефена мне удалось узнать в Валдгейме от его племянника Залмана: «Гефены привезли с собой Тору, талесы, тфиллин, а здесь ничего нет, ни синагоги, ни молитвенного дома. Пусть и не были все приехавшие сюда верующими, но праздники соблюдали. На праздники, правда, курицу зарезать приглашали шойхета, прочесть молитву — Лейб был всегда рядом. Дядя мой, Лейб, читал Тору, сидур, различные молитвы.

В Валдгейме синагоги не было, собирались периодически на квартирах. Как-то раз у нас дома собирались женщины. Когда была образована область, Лейб переехал в город и посвятил всё своё свободное время биробиджанской общине. Он стал хазаном и отстаивал интересы общины в городе, по крайней мере, так о нём говорили старики, вспоминая те времена».

С помощью Д. Кофмана, а также по воспоминаниям детей бывших прихожан и на основе сохранившегося плана дома, реконструированного после его покупки под синагогу, я восстановил схему размещения установленных там религиозных атрибутов.

Это был старый одноэтажный дом с печным отоплением. Дощатая наружная дверь, ведущая в коридор, плотно не закрывалась. Из коридора сразу попадаешь в комнату размером в 72 квадратных метра. В центре была оборудована Бима (возвышение (кафедра) в синагоге, предназначенная для чтения Торы и других выступ-

лений. В некоторых общинах эта кафедра служит и для ведущего молитву) с загородками, за которой кантор читал молитвы, напротив был установлен длинный стол со скамейками вокруг него. У стены стоял вырезанный из дерева Арон-Кодеш (специальный шкаф в синагоге (священный шкаф), в котором хранятся свитки Торы). Арон Кодеш был закрыт парохет (так называется занавес над Арон Кодеш) из красного бархата. На столе стояли несколько подсвечников и менора. Из этого зала был проход в две комнатки поменьше. В одной из них находились при чтении молитвы женщины, в другой был кабинет председателя общины. Стены в комнатах были оштукатурены и побелены какой-то серой извёсткой, отчего помещение казалось неухоженным и грязным. Окна были закрыты деревянными ставнями, которые открывались изредка, по праздникам, а два окна были просто заколочены досками.

Вместе с Л. Гефоном в качестве кантора проводил службу Эйных Альцикер. Вместе с ним службу вели Марк Случ, Аврум Зингер, был в общине и шойхет — Борух Майзлер. Прихожане уже не так активно собирались на шабат, но миньян был всегда. На еврейские праздники в общину приходило до ста человек, и тогда открывали двери, ставни на окнах, чтобы стоявшие во дворе люди могли услышать слова молитвы. Закрывать этот общинный дом в те годы уже ни у кого рука не поднималась. На молитвы ходили одни старики и старушки, молодёжи не было, и, следовательно, никакого вреда, по мнению властей, они принести не могли.

Старый дом доживал свой век, и когда он стал разваливаться, чему способствовали неоднократные пожары, восстанавливать его не стали. В последние годы его существования произошла ещё и кража. Были похищены священные для евреев свитки Торы. В 1986 году горисполком выделил дом на улице Маяковского, привёл его в порядок и передал общине, которую возглавил Борис Кофман. Туда же перенесли все, что осталось после пожаров и кражи.

Деятельность общины едва теплилась, что подтверждают сухие отчёты и справки уполномоченных по делам религий по Хабаровскому краю. Из этих справок становится понятно, что к 1985 году община прекратила своё существование, не было исполнительного органа, раввина. Несмотря на это, надо отметить,

что стараниями известных личностей были попытки проведения отдельных мероприятий. Так, по инициативе Л. Школьника, в то время редактора газеты «Биробиджанер Штерн», была проведена первая за многие годы еврейская свадьба с хупой (навес, символизирующий будущий дом, в который жених вводит невесту), но без настоящего раввина. Это был больше пропагандистский акт, но он всколыхнул национальные чувства евреев.

В сентябре 1996 года была зарегистрирована религиозная иудейская община «Бейт Тшува», которая входит в состав КЕРООР (Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России). Расположилась она в старом здании на улице Маяковского, куда до этого переехала синагога. В 2001 году решением главного раввина России А. Шаевича на должность раввина был назначен И. Шавульский, который через несколько лет выехал в Израиль.

Эта община, несмотря на все старания, не смогла привлечь внимание и найти поддержку со стороны еврейской общественности Биробиджана, что послужило поводом к созданию в 1998 году еврейской религиозной общины «Фрейд», которая вошла уже в состав ФЕОР (Федерация еврейских общин России). Поддержка местных властей и активная деятельность совета общины, которую возглавил Л.Г. Тойтман, объединила евреев Биробиджана.

При финансовой поддержке ФЕОР, Джойнта, Еврейского Агентства в России в 2000 году был открыт общинный центр, в котором разместились молельный зал, библиотека, компьютерный класс, благотворительная служба Хэсэд (Еврейская благотворительная организация), которая оказывает помощь малообеспеченным жителям области, предоставляя им бесплатные обеды, продовольственные наборы, лекарственные препараты, медицинское реабилитационное оборудование. «Фрейд» имеет печатное издание «Община».

В 2002 году, по предложению главного раввина России Б. Лазара, в Биробиджан прибыл раввин М. Шайнер. Через два года после его приезда рядом с общинным центром была построена синагога, в которой ежедневно проводится служба и отмечаются еврейские праздники.

В 2005 году на праздник Суккот у синагоги общины «Фрейд» была изготовлена сукка новой конструкции. Если в Израиле

в период проведения этого праздника ещё довольно тепло, то наши климатические условия не позволяли не то что ночевать, но и организовать обед. Сукку построили на биробиджанском предприятии «Металлопласт» и установили рядом с синагогой. За основу был взят бытовой модуль, внутренние стены которого утеплили и обшили фанерой, а крышей стал настил из еловых веток. В таком шалаше, площадью 18 квадратных метров, теперь каждый год проводится этот праздник.

В Биробиджане на телеканале «Россия-1» уже восьмой год ведётся еврейская еженедельная авторская программа Т. Кадинской «Идишкайт», в которой принимали активное участие в качестве консультантов и непосредственных участников раввин М. Шайнер и раббанит Эстер. С 2012 года в ней участвует новый раввин Эли Рисс. Главной целью этой программы является рассказ о еврейской жизни в городе и районах области и, конечно, о традициях и культуре еврейского народа.

Стало уже традицией в Биробиджане отмечать весёлый еврейский праздник Ханука зажжением огня в самом центре города. В 2007 году ханукальный огонь был зажжён на новом бульваре и на вершине сопки Тихонькой, которая является символом Биробиджана и изображена на гербе города. На её вершине установлена телерадиотрансляционная вышка. На ней, на высоте двадцати метров, были закреплены прожектора, которые зажгли одновременно со свечами хануки на бульваре. Свет хануки, установленной на высоте более двухсот метров над уровнем моря, был виден из окон поездов и машин, проезжающих мимо Биробиджана, за десятки километров. Установить хануку на самом высоком месте предложил и организовал автор этой книги. Это самое высокое место расположения хануки в России, и теперь она будет претендовать на занесение в Книгу рекордов Гиннеса России.

В ноябре 2007 года в общине состоялось отчётно-выборное собрание. В новый состав совета вошли 17 человек, в числе которых представители местных властных структур, работники сферы культуры и образования, предприниматели. Руководителем биробиджанской общины избран Р. Ледер.

При финансовой поддержке Американского еврейского распределительного комитета Джойнт в Биробиджане и ряде районов

области открыты благотворительные столовые, где ежедневно питаются более 100 малоимущих и одиноких биробиджанцев. Более 600 малообеспеченных членов общины получают продовольственные наборы.

При общине действует Биробиджанский еврейский народный университет — единственный в своём роде на Дальнем Востоке, где изучают иврит, историю еврейской культуры, классические еврейские тексты. Общинная деятельность включает и работу творческих коллективов: молодёжный клуб «Хаверим», женский клуб, клуб бывших малолетних узников гетто и концлагерей, культурно-просветительское общество «Эйникайт». Члены клубов проводят познавательные мероприятия, отмечают шاباتы (суббота) и еврейские праздники. В планах председателя Р. Ледера — продолжать активную благотворительную деятельность общины, а также совершенствовать её работу в культурном, образовательном и других направлениях.

Совет общины разработал проект, главной целью которого является привлечение различных социальных групп еврейского населения к участию в полноценной еврейской жизни, знакомство с основными понятиями иудаизма, еврейской культурой, литературой, историей, традицией сохранять еврейские ценности и передавать их из поколения в поколение.

Проект даст возможность еврейскому населению отдалённых районов области получить весь комплекс религиозных, культурных и благотворительных мероприятий, не выезжая за пределы своего населённого пункта. Почти в каждом населённом пункте области проживают еврейские семьи — потомки первых переселенцев. Внуки, правнуки евреев многие годы были лишены знаний об еврейских традициях, истории, культуре, религии. Вместе с евреями в сёлах проживают и представители других национальностей и этнических групп. Участвуя в качестве зрителей в этих мероприятиях, они будут с уважением относиться к еврейской культуре и традициям, что в конечном итоге укрепит межнациональное согласие в области. Подобные мероприятия в сёлах области ранее практически не проводились.

Основные элементы программы проекта составляют лекции об иудаизме, проведение шабата с местным населением, выставки

предметов иудаики и книг об иудаизме, рисунков и поделок на тему «Еврейский мир глазами детей», концерты творческих коллективов художественной самодеятельности общины «Фрейд», обеспечение местного населения еврейской литературой, газетами и журналами, медицинские консультации еврейского населения районов врачами-волонтерами. Предусмотрена доставка продовольственных наборов, медикаментов и медицинского реабилитационного оборудования клиентам Хэсэд непосредственно к месту проживания. В районах области также проводятся Дни еврейской культуры. Как рассчитывает их организатор — община «Фрейд», это, безусловно, скажется на росте национального самосознания людей. Община принимает активное участие и в международных фестивалях еврейской культуры и искусства, которые проводятся каждые два года в Биробиджане.

Несколько лет назад Биробиджанская синагога получила подарок от международного центра еврейской книги — The Sami Rohr library of recorded Yiddish Books — более 200 дисков, на которых записаны рассказы самых известных еврейских писателей: Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Исаака Башевиса-Зингера, Переца Маркиша, Давида Бергельсона и других, писавших на языке идиш. Произведения еврейских писателей читают профессиональные чтецы на мамэ-лошн. Этот подарок — хорошее подспорье для учащихся еврейской школы Биробиджана и просто желающих послушать на идише произведения еврейских писателей.

История Биробиджанской синагоги приоткрыла в последние годы новые неизвестные страницы своей прошлой жизни. 14 февраля 2006 года мы вместе с р. М. Шайнером пришли в синагогу, что расположена на улице Маяковского, к р. Д. Кофману, который обещал показать старые парохет, Арон-Кодеш, именные столики, хранившиеся у него уже много лет. Первый же осмотр показал, что перед нами находятся всеми забытые религиозные атрибуты и священные книги — подлинные реликвии, когда-то принадлежавшие прихожанам биробиджанской общины. Они имеют безусловную историческую ценность, так как являются подтверждением активной религиозной жизни в Биробиджане.

У стены стояли два старых Арон-Кодеша. На том, что повыше, вверху шкафа, была обгоревшая от пожара надпись — десять заповедей, записанных на двух скрижалях. Над ними был нарисован могеновид с именем Б-га, написанным в центре звезды.

Между Арон-Кодешами стояла большая «Амуд» (Амуд — специальная тумбочка-подставка, за которой произносит молитву кантор в синагоге), на которой также была картинка с записанной молитвой, а под ней наполовину стёртая надпись: «Амуд подарила Сара, дочь ребе Авром Бер». Старые парохет аккуратно лежали в шкафу на нижней полке. Сшитые из красного бархата, они выцвели и порядком обносились. Мордехай с трудом разобрал слова, что там было написано: «Парохет подарила в синагогу женщина Вити, дочь ребе Шолом Ноте Файман десятого ава».

Верующие евреи знают, что это за день и предшествующий ему Девятое Ава. Скорее всего, после того пожара прихожане сообща принялись восстанавливать синагогу. И в день десятого ава 5717 года от сотворения мира евреи принесли и подарили эти символы и атрибуты иудейской религии своему дому. Эти парохет, Амуд, подаренные биробиджанской синагоге десятого ава, являются свидетельством той высшей религиозной культуры, которая отличала прихожан нашей синагоги. Именно после дней траура, которые заканчиваются по еврейскому календарю Девятого Ава, на следующий день прихожане принесли в общину всё, что было необходимо, чтобы возродить к жизни новый храм взамен сгоревшей синагоги. Они так поступили по долгу веры и по совести. Что может быть ещё более значимым в такой ситуации, чем принятое общиной решение собрать деньги и купить другое здание, чтобы не прекратилась религиозная жизнь, чтобы не закрылась синагога, не умерла надежда, которая объединила людей после такого горя.

На полках в шкафу лежали ещё несколько старых парохет, кип, тфиллин и мешочков для их хранения, покрывал для Торы, талес и пять больших полных пакетов со старыми молитвенниками, сидурами, календарями, книгами, большей частью разорванными и частично обгоревшими. Более пятидесяти лет назад эти книги были спасены от огня, но языки пламени прошли по этим обложкам и страницам книг и навсегда оставили свои черные следы.

Некоторые молитвенники были зачитаны до такой степени, что края полей страниц были стёрты до текста. Сколько человек держали в руках эти книги? Сколько раз они читали эти молитвы? Где, в каких местечках и синагогах они поддерживали дух её владельцев? Кто привёз их в Тихонькую? Многие евреи-переселенцы из Украины, Белоруссии, Молдавии, других республик и городов СССР и зарубежных стран привезли с собой в котомках самое ценное, что у них было, — книги, тфиллин, талесы. Они переходили, как фамильная драгоценность, из рук в руки, от прадедов к дедам, отцам, детям, внукам.

Развернув талесы, я вспомнил слова писателя Виктора Финка, попавшего на молитву Йом-Кипур в Валдгейме, о старых заплатанных талесах, которые он увидел у собравшихся евреев. Мне показалось, что передо мной лежали те же самые старые талесы, которые видел Финк. На них были пришиты разными нитками заплаты из разных тканей, и потому было понятно, что этот ремонт был сделан разными людьми в разное время. Эти талесы были из ткани, совсем непохожей на те, что я когда-либо видел в России. Быть может, им тоже было не одно столетие.

Пакеты с книгами, вещи были перевезены в синагогу. С помощью р. М. Шайнера все было разобрано и описано. Всего было исследовано около 200 книг. Самым старым книгам «Берейшит» и «Бамитбар», изданным в типографии Ш. Вакса в 1842 году, было уже более 170 лет. Старинные тиснённые кожаные переплёты нескольких раритетов изрядно истрепались. Почти у половины книг из-за ветхости и отсутствия ряда страниц невозможно было определить дату и место издания. На некоторых книгах имелись фирменные печати их владельцев, в которых использовались идиш и старый русский язык.

Молитвенники были отпечатаны в разных городах мира: Варшаве, Петракове, Вильно, Кракове, Люблине, Вене, Редельайме, Иерусалиме, Берлине, Житомире, Одессе, Черновцах, Бердичеве. Книги были переведены с иврита на разные языки, в том числе более 20 книг — на идиш. Почти половина книг была польского издания. Некоторые из них были напечатаны с переводом ещё на старый идиш, который давно вышел из употребления. Несколько фрагментов молитвенников попало с переводом на старый руский язык.

Пять книг были комментарием для простых верующих и женщин — «Цеэна Уреэну», что в переводе с иврита означает «Пойдите и поглядите», одной из них более 170 лет. Более пятидесяти книг были книги «Махзор» в различном варианте. По мнению р. М. Шайнера, это свидетельствует о том, что в дни еврейских праздников в синагоге собиралось довольно большое число прихожан.

В некоторых молитвенниках р. М. Шайнер нашёл в текстах молитву, посвящённую русскому царю, в которой выражались преданность и верноподданнические чувства евреев к государю. В ней они обращались с просьбой к Б-гу благословить Царя Александра Николаевича и его жену Марию Александровну, его сына Николая Александровича, других сыновей и дочерей и чтобы его враги умерли пред его ногами, чтобы он имел успех на престоле.

В одном из пакетов были календари, составленные прихожанами в виде рукописи и фотографий, которых насчитывалось 15 штук. Один из календарей 1920-1921 года сочетал в себе еврейский, григорианский и юлианский календари. В некоторых календарях были записи на идише, сделанные от руки, с пометками дат и годовщин, по всей видимости, родных людей. Мы насчитали также более десяти табличек, которые вывешиваются в синагоге при проведении различных молитв. Один из рукописных документов оказался образцом «Ктубы» — брачного контракта, в котором фиксируются обязательства мужа по отношению к жене.

Среди вещей была шапочка для кантора, 15 очень старых талесов, 6 ручек для свитков Торы и 4 покрывала, в которых они хранились, 9 парохет, 29 мешочков для тфиллин, талес, молитвенников, гусиное перо, высохший кожаный пергамент для тфиллин.

В одном из небольших пакетиков, в котором были какие-то обрывки верёвочек и листов страниц, ребе М. Шайнер узнал «гнизу», где специально хранятся обрывки текстов священных книг, уже ненужные списки, рукописи.

Но, пожалуй, самой важной и драгоценной находкой стала небольшая часть настоящего свитка Торы, которая содержит полную главу Ваикра. Вместе со свитком были две старинные деревянные ручки Торы. Сегодня все эти находки нашли достойное место в Музее иудаики биробиджанской синагоги. Почти каждый день музей принимает посетителей и гостей города.

По крупицам будет восстанавливаться история биробиджанской синагоги. Это необходимо для восстановления исторической справедливости по отношению к тем людям, которые, несмотря на гонения и страх, остались преданными своей вере.

В подготовке материала были использованы данные исследований Я. Бабицкого, Д.И. Вайсермана, докторов исторических наук Е.С.Гениной, Г.В. Костырченко, В.В. Романовой, документы Государственного архива ЕАО, сделаны переводы с иврита и идиша из книг, изданных за рубежом, приведены воспоминания родственников бывших прихожан синагоги. Здесь приводятся классификации книг и религиозных атрибутов, оставшихся после сгоревшей в 1956 году старой синагоги, которая была проведена при содействии раввина М. Шайнера и руководителя общины «Бейт Тишува» Д. Кофмана.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Б.Л. БРУКА

Б.Л. Брук

Борис Львович Брук родился в 1885 году в небольшом еврейском местечке Мезени Черниговской губернии в бедной семье ремесленника. Его краткая биография, написанная на основе воспоминаний дочери, ряда документов, хранящихся в областном краеведческом музее, областном Государственном архиве, была мной представлена в научном журнале «Региональные проблемы» ДВО РАН и книге «Лехаим, Биробиджан».

В 2011 году мне удалось получить ряд новых материалов, изучение которых дает возможность значительно расширить наши представления о научной работе и творческой деятельности Б. Брука как учёного, писателя и поэта. Переданный его внучкой — Натальей Ботвинник — личный архив Б. Брука позволяет по-новому оценить его участие в деятельности КОМЗЕТа, лучше понять его роль в выборе территории будущей Еврейской автономии, его творчество, которое пока остаётся неизвестным для жителей нашей области, где ему недавно было присвоено посмертно звание «Почетного гражданина Еврейской автономной области». Несомненно, что это будет вкладом и в мировую летопись истории еврейского народа, которая обогатится новыми историческими фактами его биографии.

Имя Б. Брука, к сожалению, не было внесено в последнее издание Российской еврейской энциклопедии, хотя имеющиеся документы, на мой взгляд, показывают масштабность этой фигуры, широту его научных взглядов в период работы в различных научных учреждениях и в КОМЗЕТе. Именно как профессор, учёный он подвергся преследованиям со стороны власти, был заключён в тюрьму, а затем выслан на поселение. После ссылки

была самоотверженная работа в Еврейской автономной области, куда он по собственному желанию был направлен после освобождения.

Изучение полученных нами документов можно разделить на две группы. К первой необходимо отнести автобиографию Б. Брука: он написал ее дважды — в 1934 и 1937 годах, затем она была несколько раз напечатана и отредактирована: в 1938, 1943, 1946-47, 1955 и 1958 годах. В ряде вариантов автобиографии названы основные научные работы, выполненные Б. Бруком в разные годы.

В полученных нами документах имеется около двадцати опубликованных работ, а также список научных трудов, напечатанный в 1937 году и частично исправленный от руки в 1946 году. На его основе в 1946 году был напечатан более полный Список основных научных трудов Б. Брука, который подписан автором и заверен Учёным секретарём Дальневосточного научно-исследовательского Института земледелия и животноводства.

Особый интерес в этом списке вызывают записи, сделанные Б. Бруком от руки под номерами 12 и 15 — зачёркнутые им же. В первой речь идёт о казачьих и корейских хозяйствах в Приамурской полосе, а во второй от руки сделана запись о том, что, по всей видимости, Борис Брук написал работу под названием «Биробиджанская опытная станция» и, возможно, отправил её в журнал «Вестник Академии наук» в 1938 году. О работе учёных Биробиджанской опытной станции известны лишь отрывочные сведения, и если такая монография существовала, то крайне интересно было бы изучить эту работу.

К документам этой группы следует также отнести справки, выписки, письма из различных государственных органов и учреждений, датированные с 1926 по 1949 годы, в том числе заполненный Б. Бруком Личный листок по учету кадров, в котором отражена его трудовая деятельность с 1910 по 1949 годы. Сохранились читательский билет Б. Брука в Государственную библиотеку В.И. Ленина и несколько его фотографий, сделанных в разные годы. Изучение этого блока документов вкупе с автобиографическими рассказами позволяет составить наиболее полную биографию и проследить становление Б. Брука как учёного и общественного деятеля.

Борис Брук после смерти отца в возрасте 4 лет остался сиротой и находился на попечении бабушки и дедушки, которые научили его читать молитвы по религиозным книжкам. В возрасте семи лет его взяли на воспитание в бездетную семью брата отца, где потом он был усыновлён. Уже в те годы Борис приобрёл славу способного и многообещающего мальчика, для которого был уготован путь религиозного воспитания и обучения. Чтение книг не прошло для него бесследно, и много лет спустя знание Торы, других религиозных книг, заложенное с детства, выльется в создание рассказов на библейские темы. Свою мать, которая после смерти мужа уехала к родителям в Минскую губернию, он ещё раз увидел в 12 лет и больше о ней даже не слышал.

Практически самоучкой в 1906 году Борис экстерном, с золотой медалью, заканчивает Первую Киевскую классическую гимназию. С 15 лет Брук стал жить своим заработком — уроками математики, о чём мы узнаём из его рассказа «Увядающая любовь». После окончания гимназии он одновременно начинает готовиться к поступлению в двух направлениях — в университет и политехнический институт. Блестяще сдаёт экзамены в оба учебных заведения, но принимает решение поступить на сельхозотделение в Киевский политехнический институт, где увлекается экономикой сельского хозяйства и в 1912 году защищает дипломную работу. Как написал Брук в своём дневнике, выбор был вызван тем, что именно «в плоскости сельского хозяйства» он видел «возможность экономического и политического возрождения еврейского народа. Не так много случаев в жизни ..., когда он проявил цельность внутренних устремлений и реальных поступков».

После революции в 1918 году Б. Брук становится заведующим отделом землеустройства Воронежского губернского земельного управления и работает там до 1924 года. Как пишет Б. Брук в автобиографии об этом периоде своей работы, ему пришлось руководить передачей помещичьих земель крестьянству в этой губернии с чрезвычайно сложными аграрными отношениями. В основу работы были положены разработанные им в 1919 году и утверждённые съездом Советов нормы наделения крестьян землёй. С 1919 по 1926 годы он заведует экономическим отделом Воронежской областной опытной станции. В те же годы Б. Брук

становится доцентом Воронежского сельскохозяйственного института по кафедре организации сельского хозяйства, а в 1926 году его назначают на должность профессора по курсу сельскохозяйственной и земельной таксации. В этом же году Б. Брук переходит на работу старшим агрономом КОМЗЕТа при ЦИК СССР и переезжает в Москву. Как опытного специалиста аграрника его приглашают на работу различные научные организации.

С 1928 по 1930 годы он одновременно состоял учёным специалистом Совхозного института и Государственного института опытной агрономии ВАСХНИЛ. В ряде автобиографий Брук отмечает своё участие под руководством академика В. Вильямса в известной экспедиции КОМЗЕТа «по изучению Биро-Биджанского района ДВК для земельного устройства евреев», подчёркивая, что «состоял начальником этой экспедиции и организатором переселенческой работы в эти годы». Борис Брук отмечает в своём дневнике, что получил для проведения этой работы грамоту, подписанную М. Калининым.

В 1930 году Б. Брук вместе с его коллегой профессором А. Чайновым подвергается аресту по сфабрикованному НКВД делу «Трудовой крестьянской партии». О своей судимости Б. Брук упоминает лишь в одной автобиографии, написанной в 1934 году. Семья несколько месяцев не знала, в какой тюрьме содержат отца. Дочь Брука, Нина Борисовна, с которой я встречался в городе Хабаровске, рассказала мне драматическую историю поиска отца по тюрьмам. Только благодаря активной помощи Екатерины Павловны Пешковой, жены М. Горького, к которой они обратились с просьбой помочь разыскать отца, семья вскоре узнала, что его содержат в Бутырке. После рассмотрения дела его отправляют на административную высылку в Казахстан, но даже когда Б. Брук находится в ссылке, его берут на работу в качестве сотрудника Зернотреста и Овцеводтреста в городе Петропавловск (Казахстан).

В 1932 году после пересмотра дела, согласно справке ОГПУ, он был освобождён досрочно от ссылки с правом свободного проживания по Союзу ССР. Б. Брук возвращается в Москву и поступает консультантом при Бюро севооборотов НКЗ СССР. Но клеймо бывшего заключённого было на нём почти всю его жизнь.

Из личных документов Б. Брука этого периода представляет также интерес письмо, направленное ему в город Бородино, которое подтверждает, что именно Брук был инициатором переезда в последующее время в Биробиджан. В письме, посланном ему 25 сентября 1934 года за подписью начальника ОБЛЗУ, говорится: «В ответ на ваше письмо Биробиджанское областное Земельное Управление предлагает Вам занять должность агронома организатора. Условия работы по договоренности, зарплата от 500 руб. в м-ц. Проезд согласно ст. 82 КЗОТУ. Для специалистов имеется столовая ИТР. Члены вашей семьи смогут тоже быть использованы по своей квалификации».

По прибытии в Биробиджан его направляют на работу в должности заместителя директора по научной части Биробиджанской сельскохозяйственной опытной станции. В одном из документов семейного архива есть дата начала и окончания этого наиболее плодотворного периода его работы — с 29.11.1934 года по 01.07.1938 года. В 1935 году Б. Брук был отмечен званием ударника за исключительно ценную работу «Направления сельского хозяйства Еврейской автономной области (плановое районирование)» и широкую общественную работу в области.

В 1936 году Квалификационная комиссия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина своим решением постановила Бориса Львовича Брука «утвердить в ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук без защиты диссертации». По всей видимости, он стал первым учёным, получившим степень кандидата наук в нашей области. Борис Брук разворачивает большую исследовательскую работу по изучению возможностей развития сельского хозяйства в местных почвенно-климатических условиях. Работой станции заинтересовались за границей, сюда приезжали из Аргентины, Австралии, Палестины, помогали оборудованием.

Трагический 1937 год, когда без причины десятки тысяч людей были подвергнуты репрессиям, сломал все планы и намерения биробиджанских учёных. Арестован директор опытной станции Е. Митновицкий. По воспоминаниям Нины Борисовны, отец был также уволен с работы, хотя в справке из семейного архива от 04.07.1938 года указано, что Б. Брук «в настоящее время осво-

божден от занимаемой должности по личному заявлению в связи с переездом в город».

В 1938 году семья переезжает в Биробиджан. Согласно выписке из приказа Облоно № 296 от 15 июля 1938 года, его направляют в «Биробиджанское Горono для использования на работе в качестве преподавателя математики школы № 9». Вместе с тем в документах личного архива Б. Брука имеется Характеристика от 19.06.1939 года, в которой указано, что он «работает в школе № 8 города Биробиджана с 15 ноября 1938 года в качестве преподавателя математики и физики в старших классах. С работой справляется хорошо. Много помогает учителям начальной школы в решении задач, активно участвует в общественной жизни школы, пользуется авторитетом среди учителей». Однако в Личном листке по учету кадров Б. Брук пишет, что работает преподавателем в средней школе № 1, что подтверждается также фотографией 1940 года, переданной дочерью Брука в подарок Областному краеведческому музею, которая позволяет идентифицировать его среди учащихся 10 класса средней школы № 1.

Работая в школе, Б. Брук пишет статьи и методические материалы по преподаванию математики. Имеется письмо И. Костикова, редактора журнала «Народный учитель», где он пишет Бруку, когда будут опубликованы его статьи и что он зачислен в число постоянных корреспондентов журнала.

В конце 1938 года, когда государственный террор в стране стал ослабевать, Б. Брука приглашают для работы в Научную комиссию, созданную в 1935 году первым председателем облисполкома И. Либербергом. В докладной записке Б. Олевского рассматривается «Положение о Научной Комиссии», где отмечается, что «в качестве научного сотрудника по секции краеведения был приглашен тов. Брук /профессор, кандидат с/х наук/, который работал в 1-м полугодии по утвержденной Облпланом тематике и выполнил её», приводится перечень работ, выполненных научной комиссией. Среди них «организация в г. Биробиджане музея краеведения и программа отдела природы (т. Брук)».

Учитывая исключительное значение организации Краеведческого музея области, президиум облисполкома постановил в том числе:

«Организатором и руководителем Краеведческого музея утвердить т. Брука, работника Научной Комиссии, которому поручить представить смету и штатное расписание музея до 1/1-1940 г.»

Таким образом, профессор Б. Брук был назначен первым директором создаваемого в ЕАО краеведческого музея.

Как становится понятным из текста письма Б. Брука в комиссию по частной амнистии при Верховном Совете СССР с просьбой о снятии судимости, в 1939 году он делает повторную попытку снять висящую над ним, как Дамоклов меч, судимость. Он пишет: «За всё это время /1932-1939г./ я не подвергался каким-либо взысканиям, как по линии тех учреждений, в которых я работал, а также не было случая ареста или каких либо репрессий по линии органов Государственной власти. В 1935 году был удостоен звания ударника за научную и общественную работу. В 1936 году мне было присуждено звание кандидата с/х наук». К письму были приложены: Справка ОГПУ об освобождении от 29/XI-32 года за № 14938/5; Характеристика с последнего места работы; Копия трудовой книжки о премировании званием ударника. Ответа на это письмо в семейном архиве не имеется, а его дочь и внучка подтвердили, что ничего им по этому поводу не приходило.

В июле 1943 года Б. Брук переезжает с семьёй в Хабаровск и поступает на работу в Дальневосточный научно-исследовательский Институт земледелия и животноводства в качестве старшего научного сотрудника. Его избирают председателем сельскохозяйственной секции Общества распространения знаний. С новой энергией он берётся за науку. Монография Б. Брука «Пшеница на Дальнем Востоке» стала основой его докторской диссертации. Защита диссертации в 1948 году в Киеве прошла без единого чёрного шара. Но в те годы в стране началась новая кампания борьбы с космополитами, и Б. Брук снова попадает в опалу. ВАК не утверждает его диссертацию. Дочь Брука, Нина Борисовна, откровенно призналась мне, что причина, по которой не утвердили докторскую диссертацию отца, — еврейское происхождение. Об этом рассказал им профессор И. Якушкин. Вновь началась травля Б. Брука, его вместе с двумя уборщицами в 1949 году уволили, стыдно кому-то было признаться — по сокращению штатов.

В феврале 1949 года он идёт работать преподавателем средней сельскохозяйственной школы. В тот год ему уже исполнилось 65 лет. В последующие годы, как становится понятным из архивных документов, Борис Львович пишет статьи в центральные и местные издания, работает над воспоминаниями, которые нигде не публикуются.

К первой группе документов мы относим также и неопубликованную научно-методическую работу Б. Брука «Три беседы с юннатами» (О природе сельскохозяйственных растений и об опытах с ними), предложенную им для издания Хабаровскому книжному издательству, по всей видимости, в 1969 году. В феврале 1970 года эта рукопись была ему возвращена, как указано в сопроводительном письме, из-за невозможности её публикации в связи с сокращением объёма выпуска литературы. Эта работа представлена в виде научно-популярного учебника по ботанике, в котором рассказывается о наиболее известных в нашем регионе культурах — картофеле и помидорах. По заключению учёных ИКАРП ДВО РАН, эта работа и сегодня может быть использована для занятий с молодыми юннатами или в качестве учебного пособия при изучении ботаники в младших классах.

Следует иметь в виду, что из опубликованных исследований Б. Брука более 30 научных работ в настоящее время хранятся в областном краеведческом музее и нашем архиве. Однако необходимо признать, что имеющиеся документы полностью ещё не изучены, не учтены все написанные им работы. Б. Брук в автобиографии 1934 года пишет: «Научные работы мои опубликованы с 1916 г. в размере свыше 100 печатных листов. По ним имеются многочисленные положительные отзывы в печати, в т.ч. на страницах Правды. Популярных изданий по с/х издано свыше 1000000 экземпляров». Учитывая, что Б. Бруком в последующие годы было написано значительное количество статей и брошюр, в том числе связанных с защитой докторской диссертации, можно предположить, что его творческое наследие действительно содержит большой объём ещё не исследованных материалов.

Ко второй группе документов из архива Б. Брука мы относим его неопубликованные произведения: рассказы, памфлеты, короткие зарисовки, перевод с идиша поэмы Изи Харика «На чужой свадьбе» и неизвестного стихотворения Любы Вассерман, с английского —

Дж. Г. Байрона «Дочь Иеффая», собственных стихов, написанных в разные годы, а также рукопись воспоминаний писателя.

Безусловно, возникает вопрос: почему ни один рассказ, ни одно стихотворение не были опубликованы при его жизни? Внучка Б. Брука, Наталья Ботвинник, объясняет это тем, что деду, который неоднократно попадал под репрессивную карательную машину государства, продолжал вести активную переписку с друзьями, проживавшими в различных городах России и за рубежом, регулярно слушал «Голос Америки», переживал и внимательно следил за событиями, происходившими при образовании Израиля и во время последующих войн на этой земле в 1967 и 1973 годах, был закрыт путь к публикациям его работ. Таким образом, рассматривая эту проблему, следует признать её связь с внутренней политической обстановкой в стране, а она, как известно, не способствовала творческой деятельности писателей.

Неопубликованные работы Б. Брука можно разделить на две группы: произведения, написанные в период с 1945 по 1947 годы, до начала борьбы с «космополитизмом», и после 1954 года. Послевоенная оттепель, которая продлилась до 1947 года, буквально на короткое время дала возможность творчества многим писателям. Однако развёрнутая государством кампания борьбы с писателями, интеллигенцией, учёными одним ударом ликвидировала всю культурную жизнь еврейского народа. Большинство еврейских писателей, поэтов, артистов, представителей других творческих профессий было арестовано, сослано в лагеря, а часть из них расстреляна. И Борис Брук не мог не знать об этом.

Наиболее важной работой Б. Брука следует считать «Дневник», представляющий собой автобиографический рассказ, написанный им от руки в период с 1945 по 1947 годы. Он начал его писать в день своего шестидесятилетия, по сути, восстанавливая в деталях весь свой жизненный путь. В нём даны оценки многим прошедшим событиям, в которых Брук принимал непосредственное участие.

Весьма ценными являются его воспоминания о периоде работы в КОМЗЕТе. В те годы, как он пишет, «шла борьба КОМЗЕТа с НКЗ Украины и Крыма за каждый клочок земли для еврейского заселения. Стремление слить компактно, создавать сплошным заселением национальные районы. Но чем больше сгущались

еврейские поселки, тем труднее стало получить промежуточные участки. Вечные конфликты, переносившиеся на решения ЦИК СССР. Отдаленно похожие на условия заселения Палестины.

...До сих пор шло заселение районов довольно густо заселённых. Правильно ли заселяют там, где уже населено, не потонут ли новые поселки в океане окружающего местного населения? Может ли такое заселение привести к образованию еврейской национальной государственности? Не будет ли более правильно получить одновременно достаточно большую территорию для переселения евреев, свободную, незаселенную, куда КОМЗЕТ будет вести переселение по своему плану и системе, где базой для переселения будет служить не только сельское хозяйство, но также промышленность и транспорт; где вместе с хозяйственным овладением территорией будет расти политическая и национальная значимость страны. Правда такую страну придётся искать подальше — в Казахстане, Сибири, на Дальнем Востоке.... Но расстояние в современных условиях меньшее препятствие, чем сопротивление наличного населения, сложившейся культуры и местных национальных интересов...».

Б. Брук повествует о сложных проблемах, возникших вместе с идеей создания Еврейской автономной области, раскрывает свои взгляды и показывает свою роль в происходящих событиях.

Неопубликованный «Дневник» Б. Брука, на наш взгляд, — одно из немногочисленных свидетельств непосредственного участника событий тех лет, оставшегося в живых после репрессий 1937-1938 годов, и потому он имеет безусловную историческую ценность.

Из наиболее больших и серьёзных работ данного архива следует считать рассказ «Командировка», написанный в 1947-1948 годах. Это произведение, события в котором происходят, по всей видимости, в одном из колхозов нашей области, посвящено пропаганде травопольной системы земледелия. Б. Брук как учёный, специалист по агрономии вложил в уста молодого агронома Павла Кострова свои мысли о методике современного подхода к земледелию, которая встречала противодействие в различных кругах и была весьма актуальной темой на селе в те годы. Тема этого рассказа была вполне актуальна, и потому он мог найти своего читателя, однако так и не был напечатан.

В годы борьбы «с космополитизмом» и вплоть до смерти Сталина Борис Брук по понятным причинам решает отложить перо в сторону, но уже в 1954 году он готовит цикл работ на различные темы, из которых выделяется памфлет «Преуспевающий». В нём рассматриваются взаимоотношения между людьми, их отношение к еврейскому вопросу, возникающие в этой связи коллизии в судьбе человека, решившего сменить в паспорте свою национальность, реакция на этот шаг окружающих людей. Расставленные Бруком акценты и оценки такого поступка позволяют нам понять и отношение к этому вопросу самого автора. Данная тема стара как мир, и, таким образом, актуальность её и в наше время не вызывает сомнения.

В том же году Б. Брук написал рассказ «Увядающая любовь». По всей видимости, этот рассказ — воспоминание молодого двадцатилетнего Бориса о безответной любви к девушке из другого сословия. Будучи студентом он давал уроки математики, чем обеспечивал свою учёбу и существование. В молодости он увлекается философией, естественными науками, литературой, поэзией и на этом фоне стремится познать жизнь.

Уже в те годы он явственно ощущает социальные различия в обществе и понимает, что у каждого человека есть своё место на иерархической лестнице жизни. Молодой юноша влюбляется, как он потом узнает, в генеральскую дочь и «случайно» получает от её отца приглашение в качестве репетитора дать уроки математики её брату. Очное знакомство с прелестной девушкой вскружило ему голову, но, как пишет автор спустя многие годы, всё закончилось, как в известной песне: «Он был титулярный советник. Она — генеральская дочь... Она прогнала его прочь!». Тогда Борис на собственном опыте убедился в существовавшем в обществе социальном различии и понял, что мимолетное увлечение с её стороны было просто флиртом и насмешкой над ним. В конце концов у юноши возобладало чувство собственного достоинства, и после завершения репетиторства он уходит, так и не попрощавшись с ней.

Особой теплотой и любовью пронизан рассказ «Мой дядя Соломон», повествующий о человеке, оказавшем огромное влияние на совсем ещё ребёнка Бориса. Здесь представлен целый мир впе-

чатлений о жизни дореволюционного местечка, в котором большой дом, построенный Соломоном, занимал далеко не последнее место в округе. В этом доме Борис начал познавать окружающий мир, и его дядя был для него путеводной звездой. В рассказе есть исповедь Соломона, переведённая Борисом Бруком с древнееврейского языка. В ней есть поистине мудрые слова, которые стали для Брука смыслом жизни и не потеряли актуальности сегодня: «Постоянно чувствую, как трудно удержаться на поверхности, не имея твердой почвы под ногами. Ни гражданских прав, ни здоровья, ни средств. Смотрю я на еврейское население в округе: нищие ремесленники, а в большинстве — люди, живущие воздухом, перебивающиеся каким-то чудом.

Кругом земля — чернозем, а всем нам нельзя покупать землю, арендовать её и вообще работать на земле. Мы теряем человеческий облик. Неужто все мы рождены, чтобы стать лавочниками, факторами? Как хорошо, что наконец введена казенная монополия на водку. Для евреев теперь исключена эта позорная профессия — шинкарство.

Но чем жить им всем? Как жить? У всех на устах Америка. Но для этого требуется молодость, здоровье и средства. Нет, это не для меня и, конечно, не для всех. Что сулит нам судьба в будущем?» На этой печальной ноте, без надежды на будущее Брук заканчивает рассказ.

Удивительный по своей глубине короткий рассказ Б. Брука «Беседа с Генрихом Гейне» посвящён 150-летию со дня его рождения. Брук преклоняется перед талантом поэта: «Мой низкий поклон тебе, рыцарь святого духа, певец Лорелеи и Иегуды Галеви». Как известно, в нацистской Германии книги Г. Гейне были запрещены, и лишь знаменитая поэма «Лорелея» была включена в школьные программы с указанием, что автор неизвестен... Генрих Гейне оказал огромное влияние на творчество многих поэтов и писателей и, вполне возможно, на творчество Брука.

Из неопубликованных работ Б. Брука вызывает большой интерес перевод с еврейского языка поэмы Изи Харика «На чужой свадьбе». Не вызывает сомнений, что они были лично знакомы, так как И. Харик зимой 1934 года месяц жил в Биробиджане, посвятив этому городу одно из своих стихотворений под названием «Ночь в Биробиджане». Поэма «На чужой свадьбе» (1936) была последним

произведением поэта. Следующий год стал для него роковым, И. Харики арестовывают и почти сразу расстреливают.

Поэма повествует о шарманщике Лазаре. Поэт обращается к дореволюционному периоду жизни евреев в Белорусии, к местечковому быту, к народной традиции. И. Харик вводит в свою поэму образ Бойтре, еврейского Робин Гуда, с которым Лазарь встречается в лесу. Этот персонаж заимствован им из драматической поэмы известного еврейского поэта М. Кульбака «Бойтре газлен» («Разбойник Бойтре», 1936), поставленной рядом еврейских театров и снятой с репертуара, так как в конце 1937 года он был также репрессирован как «враг народа» и расстрелян.

В поэме присутствуют также другие идеи и мысли, в какой-то степени перекликающиеся с горьковским «Буревестником», показана жизнь местечек до Октябрьской революции, поэтому автор заканчивает повествование предложением задуматься о выборе дальнейшего пути бедных людей. И здесь шарманщик Лазарь выступает глашатаем, призывая людей взяться за оружие для переделки мира.

В совокупности все эти моменты — социальные беды народа и революционные призывы в поэме, прошлые проблемы самого Б. Брука — на наш взгляд, и послужили истинной причиной отказа в публикации его перевода поэмы в посмертном издании поэтического сборника И. Харики, который редактировал А. Вергелис. Отрывки этой поэмы в переводе Д. Бродского, правда, под другим названием — «На чужом пиру», были опубликованы в сборнике стихов Изи Харики, изданном в 1971 году.

В личном архиве Б. Брука имеются также его неопубликованные стихи из цикла «На библейские темы» и цикл стихов «Детям о детях», а также другие стихи, написанные в разные годы. Профессор Б. Брук самозабвенно трудился до конца своих дней. Он скончался в 1979 году в возрасте 94 лет. Обладавший замечательным даром научного предвидения, огромными знаниями и жадой открытий, Борис Львович навсегда остался в нашей благодарной памяти. Интерес к Б. Бруку — Колумбу наших дальневосточных земель — проявили в последнее время и биробиджанцы, понимая, что без его усилий, возможно, не появилась бы на карте России наша Еврейская автономная область.

СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА ИЗ КИТАЯ НА ЮГЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы внимание политиков и экономистов крупнейших мировых государств всё больше обращено к странам Азиатско-Тихоокеанского региона. Далеко не случайно проведение во Владивостоке в 2012 году саммита Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества, который даст толчок развитию инвестиционного, производственного и торгового сотрудничества России со странами АТР, возрастанию роли российского Дальнего Востока в региональных интеграционных процессах и определит стратегию на десятилетия вперёд. В ходе обсуждения вопросов была признана важность принятия совместных мер по улучшению транспортно-логистического обеспечения торговли. Нашей страной было предложено разработать более короткие и удобные перевозки между странами АТР и Европой. В этой связи небезынтересно обратиться к одному уже забытому событию, произошедшему на заре установления советской власти — первому визиту М.И. Калинина, председателя ВЦИК РСФСР, на Дальний Восток.

Выстрелы крейсера «Аврора» в 1917 году гулким эхом разнесли весть по российским губерниям о смене власти в Петрограде. На Дальнем Востоке России эта новость была воспринята по-разному. С одной стороны, малая плотность населения, многонациональность, неразвитая промышленность и малочисленность пролетариата, сконцентрированного в основном во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске, наличие организованного Амурского казачества и «кулацких» (крепких крестьянских) хозяйств, оказывавших активное противодействие этим переменам, отодвинули вопрос установления советской власти. С другой — интервенция Японии и Америки, опиравшаяся на белогвардейские формирования, наличие большого количества иностранных подданных во Владивостоке положили начало гражданской войне на

Дальнем Востоке, принявшей форму партизанской войны против интервенции и белогвардейцев. Война выявила своих героев, приведших к победе Красной армии, которая «на Тихом океане свой закончила поход».

Только к концу 1922 года, когда было объявлено о создании СССР, на отдалённой российской окраине закончилось формирование новой советской власти. Летом 1923 года на восток страны впервые выехал М.И. Калинин. Его приезд с интересом ожидали рабочие и крестьяне, простые обыватели и те, кто был несогласен с установленными советской властью порядками и кто не питал радужных надежд на приезд одного из вождей большевистского правительства.

Маршрут, где были намечены встречи и выступления М.И. Калинина, пролегал от Читы до Владивостока. График встреч был очень плотным: они были организованы Н. Матвеевым, заместителем председателя Дальревкома, сопровождавшим М.И. Калинина и проходили почти каждый день в разных сёлах и городах при большом скоплении народа. На митингах и заседаниях городских советов были подняты самые животрепещущие вопросы жизни и деятельности молодой республики и, конечно, проблемы Сибири и Дальнего Востока.

В своём первом выступлении на общегородском митинге в Чите М.И. Калинин формулирует главную тему более чем двухнедельной программы пребывания — советизация и развитие этого региона, имеющего на данном этапе важнейшее для России значение. Выступление носило в большей степени агитационно-пропагандистский характер и было сведено к оценке роли Сибири в царской России как места ссылки, несчастий и страданий, символу ужаса, и всё это на фоне огромного богатства края. Этот мотив впоследствии на долгие годы стал одним из заглавных в коммунистической пропаганде вплоть до наших дней, меняясь лишь очерёдностью с другими лозунгами партии.

На следующий день, выступая на объединённом заседании Читинского горсовета, Калинин останавливается на двух вопросах международного положения: английском ультиматуме и поднимающем голову фашизме. В каждом из них он показывает расстановку и интерес внешних сил, выражающихся в противо-

действии экономическому развитию России, в использовании ими угроз и ультиматумов, в частности, со стороны Англии по вопросу запрета «рыбной ловли ближе двенадцатимильной зоны». Калинин выносит на обсуждение тему нарождающегося в Европе движения, известного под именем «фашизм», который создаётся «для борьбы с революционными классами... Наиболее резко фашизм проявился в Италии...». Он отмечает, что именно эта страна стала «родоначальницей развития фашизма», а его проявления уже можно наблюдать в «последнем болгарском перевороте».

Перейдя от международной политики к внутреннему состоянию страны, Калинин даёт общую оценку экономики, обращает внимание на повышение урожайности зерновых культур, восстановление транспортных средств железнодорожного сообщения, развитие внешнеторговых отношений. В связи с последним он поднимает вопрос: «Какое же участие в этом товарообмене принимает наш Дальневосточный край, занимающий огромную территорию, таящий в своих недрах огромные богатства?». И сам же отвечает на него: «Несомненно, Дальневосточный край в области товарообмена должен, с моей точки зрения, играть значительную и очень значительную роль». Он также называет и причину, по которой этого не происходит — полное отсутствие транзитных перевозок и убыточность сибирской железной дороги, и одновременно ставит перед областными, губернскими органами, перед рабочим классом Дальнего Востока задачу «развернуть, хотя бы отчасти отпереть заколдованный замок огромных богатств, находящихся в недрах этой огромной территории».

Нет необходимости говорить об актуальности решения этих вопросов для России и в наши дни, включая развитие инфраструктуры дальневосточного региона, разведку и добычу полезных ископаемых, повышение урожайности зерновых культур, которые на протяжении многих десятилетий советской власти так и не были реализованы.

На следующий день на митинге в селе Монастырском Нерчинского уезда, заявляя о теме своего выступления — международном положении, Калинин почти сразу же переходит к одному из самых больных вопросов молодой республики — создания Красной армии.

В годы гражданской войны эта проблема встала перед страной в полный рост. Созданная в первые годы после революции при непосредственном участии Л. Троцкого, Рабоче-крестьянская армия, в которой «под ружьем в гражданскую войну было свыше шести миллионов человек», находилась под командованием старого офицерского корпуса, насчитывавшего не менее тридцати тысяч офицеров царской гвардии.

К марту 1923 года численность армии была сокращена в десять раз — до шестисот тысяч человек, и началась кропотливая работа по созданию военных курсов и военной академии для обучения и подготовки собственного командного состава из рабочих и крестьян, зарекомендовавших себя в гражданской войне. Калинин обращает внимание на необходимость перевооружения армии, сравнивая её технический уровень с уровнем армий западных государств, где на вооружение в Англии поступили аэропланы, а в Германии используются химические отравляющие вещества, поэтому «государству приходится заботиться об устройстве фабрик и заводов по постройке аэропланов, броненосцев и танков». Военная риторика в выступлении Председателя ВЦИК понятна, так как революция победила в одной стране и в окружении буржуазных государств вынуждена была в одиночку противостоять государствам Антанты, строить новую модель государства рабочих и крестьян и защищать его интересы внутри страны и на международной арене. Идея Л. Троцкого о перманентной революции пока не нашла поддержки в европейских странах, несмотря на принимаемые большевиками меры и усилия в Коминтерне.

М. Калинин останавливается на крупных станциях Читинской железной дороги, разъясняя первые шаги правительства в создании нового государственного строя. Как отмечает Н. Матвеев, он «протестует против почетных воинских караулов, против шумных оваций, музыки и т. п. атрибутов всяких пышных, торжественных встреч», пытаясь сразу установить с аудиторией вместо официальных простые отношения. На одном из митингов, когда его пригласили подняться на построенную трибуну, он залезает на рядом стоящий стол с репликой: «Зачем тут трибуна? К чему? И какая высокая, что я с небес, что ли, буду говорить с крестьянами?». Это напомнило мне эпизод, которому

я был свидетелем. В нашу область приехал А.К. Черный, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС. Было решено провести короткое совещание партийно-хозяйственного актива в новом здании Биробиджанского райисполкома, которое только было введено в эксплуатацию. Зайдя в зал, где его уже давно ждали, он, посмотрев на высокую сцену, куда ему предстояло подняться, громко сказал, чтобы слышали все присутствовавшие: «Это что ты здесь, Сандик (председатель Биробиджанского райисполкома), соорудил? Ты же так от народа оторвёшься, надо быть ближе к народу, чтобы немедленно убрал эту сцену, спустился к людям, на землю!». Р. Сандик, конечно, не предполагал, что так всё обернется. Он стоял рядом покрасневший, не зная, что ответить, так как этот упрек в действительности не имел к нему отношения, но через неделю сцену срезали наполовину.

Революция, приведшая к смене власти, гражданская война нарушили ритм промышленного и сельскохозяйственного производства, функционирование всей инфраструктуры страны. Калинин выражает сожаление в связи с тем, что упала добыча угля, значительно снизилось производство сельскохозяйственной продукции, в десять раз уменьшились железнодорожные перевозки, большие проблемы обстоит со сбором налогов. Последнее обстоятельство — нежелание платить налог, особенно со стороны крестьян, вызывает у него больше всего эмоций, так как, с одной стороны, нужно содержать армию, охранять границы, организовать работу школ, медицинских учреждений, а с другой, — «перед государством стоит задача поправить хозяйство, а это значит, хочешь или не хочешь, уменьшай на крестьянина налоги, потому что уменьшение налогов значит, что он часть средств может употребить на хозяйство». Калинин почти в каждом своем выступлении на примерах убеждает людей в необходимости платить налоги, разъясняя, что такое НЭП, а также другие меры, принимаемые государством и направленные, в конечном счёте, на стимулирование народного хозяйства.

Выступая на общегородском митинге в Благовещенске, он в числе прочих вопросов затрагивает один из самых больных — национальную политику. Первый Всесоюзный съезд Советов, прошедший в декабре 1922 года, в своей Декларации законодательно

закрепил принципы устройства союзного государства: добровольность, равноправие и сотрудничество на основе пролетарского интернационализма. Летом 1923 года на сессии ЦИК утверждена и введена в действие Конституция СССР. Ленин считал, что национальный вопрос есть «вопрос архиважный».

Калинин даёт развёрнутую картину позиции правительства по данной проблеме, объясняя, что политика национально-государственного строительства проводится в целях подтягивания отсталых национальных регионов, достижения фактического равенства между ними. «Советское правительство, — говорит он, — относится с большим вниманием к каждой национальности, призывает к добровольному объединению все бывшие народы российской империи».

Проблемы национальной политики на Дальнем Востоке ко времени его приезда уже претерпели ряд существенных изменений. Следует иметь в виду, что Декларация об образовании Дальневосточной республики (ДВР) от 6 апреля 1920 года, определившая основы её общественного и государственного строя, признала право национальных меньшинств на автономию. Необходимость решения проблемы национальных меньшинств осознавалась всеми политическими силами в ДВР, что нашло отражение в декларациях практически всех фракций Учредительного собрания ДВР.

Летом 1921 года на основе Конституции ДВР, предоставившей национальным меньшинствам право на культурно-национальную автономию, осуществляемую органами национального самоуправления, было создано Министерство по национальным делам, в котором были отделы: бурят-монгольский, мелких туземных народностей, украинский, тюркско-татарский, корейский, еврейский, разных народностей. В ряде городов и районов были образованы временные выборные органы национального представительства, в том числе тюркско-татарского в Верхнеудинске и Чите, предоставлены права органов культурно-национальной автономии Благовещенскому и Хабаровскому тюркско-татарским обществам, украинским радам в Хабаровске, Свободном и Благовещенске, еврейским общинным советам в Благовещенске и Хабаровске, корейским советам в Приамурье и частично на Амуре.

В августе–октябре 1922 года было разработано «Положение о культурно-национальном самоуправлении корейцев, тюрко-татар, евреев и украинцев, проживающих на территории ДВР, которые могли образовывать культурно-национальные объединения на местах своего поселения (деревне, селе, городе и др.). Но уже в ноябре, с упразднением республики и вхождением её в состав РСФСР Конституция ДВР была отменена, Министерство по национальным делам расформировано, отдел национальных меньшинств ликвидирован, лидеры и активисты украинского национального движения и других меньшинств, руководство которых не было коммунистическим, арестованы. Национальная политика в регионе, где были заложены основы создания культурно-национальных автономий в соответствии с теорией и практикой большевиков, оказалась никому не нужной.

Центральные партийные органы, у которых была реальная власть, в последующие годы, рассматривая интернационализм как основу национальной политики, одновременно игнорировали национальную самобытность и культуру народов. Стоял вопрос об отмирании национальных языков по пути продвижения к коммунизму. Сталинские репрессии и последующая депортация народов отрицательным образом сказались на национальной политике государства. Это также создало почву для возникновения и формирования уже в те годы потенциальных очагов будущих межнациональных конфликтов, сепаратистских тенденций в национальных регионах — проблем, которые не решены и поныне.

На следующий день Калинин выступил с большим докладом на заседании Благовещёнского горсовета, посвятив его вопросам международной политики. Остановившись на двух вопросах: Лозаннской конференции и Рурских событиях, он подчеркнул, что подписание Лозаннского соглашения Советским правительством является, по сути, актом «юридического признания Советской Республики», отмечая также, «что советская дипломатия на международной арене в своей деятельности не ударила в грязь лицом».

Из череды выступлений Калинина следует отметить речь на митинге в городе Свободном. Здесь наиболее подробно он рассмотрел перспективы строительства государства, основные направления и проекты развития промышленности, вопросы

взаимодействия рабочего класса и крестьянства, перспективы в строительстве коммунизма, разъясняя позицию советской власти на тот период.

Завершая поездку по Амурской губернии, Калинин 5 августа прибывает в село Михайло-Семеновское (ныне село Ленинское Еврейской автономной области).

Безусловно, село Михайло-Семеновское сыграло определённую роль в истории Дальнего Востока. От станции Михайло-Семеновской в начале июля 1900 года началось наступление генерала В.В. Сахарова, назначенного командующим русскими войсками в Северной Маньчжурии. Во главе отряда, в который вошли каза-чьи сотни, в том числе из этой станции, на 25 пароходах и 400 баржах генерал прошёл по реке Сунгари до Харбина, разрушив укрепления и подавив очаги военного сопротивления, установив контроль над транспортной артерией, связывающей Харбин с Россией, обеспечив дальнейшие успехи русского оружия и очистив полосу отчуждения КВЖД.

В отличие от предыдущих выступлений М.И. Калинин сразу обращается к собравшимся с просьбой задавать ему вопросы. Селяне просят разъяснить налоговую политику государства, которая, по всей видимости, их не устраивала. У крестьян в связи с тем, что село находится далеко от железной дороги, отсутствовала возможность реализовать свою продукцию и заплатить денежный налог, а натуральный налог власть не принимала. Калинин отсылает их к местным властям, объясняя, что надо на месте решать такие вопросы. Расспрашивая людей о житейских проблемах, он выясняет, что в селе сто сорок дворов. Один из крестьян рассказал: «Коров около четырехсот, а лошадей около пятисот. Молоко стоит пятнадцать копеек. Сами сидим без спичек, ничего у нас нет, никакого кооператива, без рубах, без штанов».

В ответ на это Калинин спрашивает о посевах льна и затем переводит разговор в другое русло: «У вас тут все больше, чай, китайская мануфактура, а у нас носят холстинку». Наперебой посыпались вопросы. Один крестьянин заявил Калинину: «Да вот сюда и ехать никто не хочет из России». На что тот ответил: «Пока не едут, потому что дорого стоит и выезд запрещён. Погодите, наступит время, дождётесь, будут переселять сюда».

Вполне вероятно, что поездка на Дальний Восток, где Калинин увидел огромные пустующие пространства при крайней малочисленности населения, убедила его в необходимости освоения этих территорий, защиты дальневосточных пограничных рубежей. Хорошо известно его высказывание: «Я дал КОМЗЕТу задание найти такое место, где были бы все необходимые политические, климатические и естественные условия. И действительно, в Биробиджане имеется все. Прежде всего большая, свободная, плодородная территория на государственной границе. Там другой национальности, кроме еврейской, в качестве претендентов нет». В 1927 году было принято решение о направлении в этот район экспедиции КОМЗЕТа, которую возглавил профессор Б.Л. Брук. Выше приведённые слова М.И. Калинина впоследствии многократно цитировались в различных изданиях, их связывали с решением ВЦИК 1928 года о переселении евреев в Биро-Биджанский район.

На этой же встрече Калинин поднимает одну из самых больших проблем — взаимоотношений с Китаем в связи с закрытием Россией границы. Он упрекает селян: «...слишком много китайским спиртом пробаиваетесь, иногда хлеба нет, а спирт есть». одновременно комментирует сложившуюся на границе ситуацию: «Китайцы требуют, чтобы разрешили их военным и коммерческим судам ходить до Николаевска. Мы знаем, что это значит, мы ещё слабы, конкурировать с ними не можем, они нас вытеснят совсем, забьют своей дешёвкой. ...Ведь они также в нас сильно заинтересованы: ведь они целый миллиард золотом от продажи спирта от нас выуживают...».

В начале девяностых годов с налаживанием добрососедских межгосударственных отношений с Китаем эта проблема вновь стала крайне болезненной для России. Жители приграничных районов, где были открыты таможенные границы, ощутили это в полном объёме, когда бартерный обмен товаров: с нашей стороны — металл, техника, Белазы, Камазы, трактора, а с китайской — водка, спирт, пиво, продукты питания, дешёвый ширпотреб, детские игрушки и т. п., при отсутствии продуманных таможенных барьеров завалил приграничные территории некачественной продукцией. Это стало одной из причин снижения производства продукции лёгкой и пищевой промышленности

области. Данная тенденция была характерна для всех регионов Дальнего Востока и России.

Тему взаимоотношений с Китаем, Америкой, Японией, их роль и значение в международной и экономической жизни Дальнего Востока Калинин вновь поднимает через пять дней на торжественном объединённом заседании в городе Владивостоке, а через день на митинге в селе Петровка Приморской губернии, обсуждая с жителями села их отношение к китайским и корейским крестьянам, работающим на российской земле. Его оценки сложившейся на тот период ситуации — проникновения американского бизнеса на Дальний Восток и колониальной политики Японии в Китае, идея необходимости и важности экономического сотрудничества с нашим южным соседом, высказанная много лет назад, являются актуальными и для сегодняшнего дня. Так, отвечая на реплики и полемические выпады во время митинга, Калинин говорит: «Вот я у вас слышу о китайцах, корейцах, как будто бы они от вас землю отняли. Мое личное мнение, что они ничего, кроме прибыли, не дают (голоса: «Правильно!»), а разрабатывают они худшие участки, работают они день и ночь, трудящийся человек не может принести убытка. Если бы они были спекулянтами, тогда, конечно, другое дело. А на основании ваших слов я вынес впечатление, что китайцы и корейцы работают на худшей земле, что они работают в качестве рабочих у здешних более крепких, состоятельных крестьян. Некоторые из вас жаловались, что предпочитают русского корейцу, это, по-моему, сказки. Смешно говорить: рядом со мной бедный сосед, которого я хорошо знаю как работника, и вдруг, в случае нужды в рабочей силе, я беру не его, а китайца, неизвестно откуда пришедшего...Китай тоже огромное государство и очень, очень сильно растёт. За какие-нибудь десять лет народ далеко шагнул вперёд, и он заставит считаться с собой».

С тех пор прошло почти девяносто лет, за эти годы выросло не одно поколение людей по обе стороны нашей границы. Изменились политические и экономические реалии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но основным нашим партнёром в АТР по праву считается Китай, без которого невозможно развитие дальневосточного региона. Другого пути нет, учитывая все те же факторы, о которых говорил М.И. Калинин на заре установления советской власти на

Дальнем Востоке. Но есть вопрос тактики, который должен быть решён правительством России: Дальний Восток будет развиваться по нашей инициативе с помощью Китая, или же Китай будет развивать территории, лежащие севернее его границ, исходя из своей стратегии? При нынешней демографической ситуации у нас и у них, финансовых возможностях, стратегических интересах южного соседа к нашим природным богатствам второй вариант развития событий может стать реальностью. Китай готовится к этому не на словах. Китайская экономика даже в условиях кризиса в 2008 году сохранила темпы роста. Инвестиции, направленные правительством на строительство социального жилья, инфраструктурных объектов, железных и автомобильных дорог, аэропортов, развитие здравоохранения, образования и культуры, объектов по экономии энергии и сокращению выбросов вредных веществ, улучшению экологической среды, а также на самостоятельные инновации и регулирование структуры производства, являются приоритетными во внутренней политике государства.

Это не просто декларация или намерения китайского правительства. Сразу за Амуром наш сосед ещё во время кризиса начал строить дороги. Стоит выехать на проложенную от города Тунцзяна трассу класса «highway», которая «прорезает» Китай с севера на юг, чтобы убедиться в реальности произведённых работ.

Не стоит даже пытаться сравнивать китайскую дорогу с нашей трассой, которая проложена через всю Россию и связывает Москву с Владивостоком, её последним участком Чита — Хабаровск, сданным пару лет назад в эксплуатацию и проинспектированным В.В. Путиным летом 2010 года. По его мнению, она является хорошей просёлочной дорогой и не отвечает современному уровню строительства дорог. Возможно, специалисты смогут сравнить её с китайской скоростной дорогой по уровню экономических затрат, но что-то подсказывает мне, что мы здесь будем точно впереди Китая.

По обе стороны границы готовятся к важнейшей для наших государств стройке в соответствии с подписанным в Москве межправительственным соглашением о совместном строительстве железнодорожного моста через реку Амур. Мост, протяжённость которого составит 3000 м, свяжет село Нижне-Ленинское (ЕАО

РФ) и город Тунцзян (провинция Хэйлунцзян, Северо-Восточный Китай). Он станет одним из самых удобных коридоров, соединяющих Россию с Китаем и странами АТР. Общий объём капиталовложений в проект (только с Российской стороны) оценивается в 600 млн долларов США. Предполагаемый объём перевозок грузов по мостовому переходу составит 20-25 млн т в год.

Так чего же следует ожидать в ближайшие годы на границе двух государств? Это место станет для Китая и стран АТР Северными воротами в Россию, открывающими путь к кладовым Дальнего Востока? Или у России и дальневосточных регионов появится реальный шанс построить и открыть мост на юге Еврейской автономной области для привлечения иностранных инвестиций со всего Азиатско-Тихоокеанского региона, чтобы дать зелёный свет для внедрения современных технологий, создания инфраструктуры, новых мощностей по угледобыче, в металлургии, нефтепереработке, деревообработке, привлечении рабочей силы и т. п.?

М.И. Калинин на заре советской власти рассказывал нашим дальневосточным предкам о перспективах развития Китая и необходимости тесного сотрудничества с нашим соседом. Он действительно нам важен и очень нужен со своими технологиями, оборудованием, техникой, инвестициями, людскими ресурсами. Мы с нетерпением стоим на нашей новой «просёлочной дороге», которая должна нас привести к мосту, чтобы распахнуть для стран АТР северные ворота Китая на юге Еврейской автономной области, открывающие нам путь в Азиатско-Тихоокеанский регион. Другой такой возможности у нас не будет.

УДК 908 + 94(47)
ББК 63.3(2)

Иллюстрация на обложке: карта из книги профессора Б.Л. Брука «Биробиджан», изданной Центральным правлением «ОЗЕТа» в 1929 г. в г. Москва.

Книга передана его семьей на хранение в Областной краеведческий музей.

Подпись внизу карты сделана Б.Л. Бруком.

Бренер И.С.

Б877

Страна Биробиджан / И.С. Бренер. — Биробиджан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013. — ??? с.

ISBN 978-5-8170-0207-2

История Еврейской автономной области с самого начала создания Биробиджанского проекта и до настоящего времени преподносит новые, ранее неизвестные нам факты. Они раскрывают и подтверждают реальность событий, происходивших в двадцатые-сороковые годы, в основе которых была идея создания Еврейской государственности на Дальнем Востоке России. В эту работу, кроме правительственных структур, общественных организаций в России и СССР, были вовлечены десятки зарубежных организаций и руководители ряда иностранных государств, сотни учёных, писателей, поэтов, художников, архитекторов.

Биробиджанский проект привлёк под знамя, на котором было начертано «В еврейскую страну!», тысячи евреев-переселенцев как из республик СССР, так из зарубежья. Эта книга посвящена тем, кто, не жалея сил и энергии, создавал фундамент новой Родины и, несмотря на гонения и репрессии, оставался ей преданным и верным. Не все из них дожили до сегодняшнего дня, отдав свою жизнь во имя идеи, которая привела их на дальневосточную землю, но дети и внуки первых переселенцев должны сохранить светлую память о своих предках во имя будущих поколений.

УДК 908 + 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8170-0207-2

© Бренер Иосиф Семенович, 2013
© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013 г.